

Н.В. КРОГИНС

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ПОДГОТОВКА
ШАХМАТИСТА**

Н. В. Крогиус

Психологическая
подготовка
шахматиста

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Издательство
Московского университета
1979

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Рецензент
международный гроссмейстер В. С. Антошин

Крогиус Н. В.

Психологическая подготовка шахматиста. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979, 134 с. 38 ил. Библиогр. 43 назв.

Книга посвящена исследованию психологического аспекта шахматной игры. Предлагается подробная система изучения личности противника и даются рекомендации, полезные для самоанализа. Во втором издании переработаны и дополнены разделы, посвященные взаимодействию шахматистов в процессе шахматной борьбы.

Рассчитана на шахматистов и специалистов, интересующихся психологией конфликтной деятельности

К $\frac{60904-183}{077(02)-79}$ БЗ № 31—8—79 420200000

© Издательство Московского университета, 1979 г

От автора

Литература, посвященная шахматам, насчитывает тысячи томов и по своему объему может успешно соревноваться с литературой, относящейся ко многим другим видам человеческой деятельности.

Но, удивительная вещь; почти все написанное о шахматах относится к теории самой игры. А о человеке, творце шахматных комбинаций, счастливом победителе соревнований или опечаленном неудачнике, по сути дела, ничего сказано не было.

Однако в последние годы положение стало меняться. Практика выявила уязвимость позиции сторонников «чистой» теории шахмат, в которой для психологии не находилось места.

Выяснилось, что без изучения и использования «человеческого фактора», т. е. психологии, не обойтись и в шахматах. Действительно, и в процессе обучения шахматам, и при подготовке к соревнованиям, и во время игры за доской — неизбежно проявляется индивидуальность шахматиста. Шахматист любого ранга — от начинающего до гроссмейстера — сознательно или неосознанно, открыто или завуалированно учитывает свои возможности и особенности личности противника.

Исследованию личностного аспекта конфликта, воплощенного в шахматной борьбе, и посвящена эта книга.

В настоящей работе предложена подробная система изучения личности противника и самого себя. Полагаем, что, сообразуясь со своими возможностями и спортивными целями, читатель найдет среди предложенных рекомендаций полезные и для себя.

Во втором издании переработаны и дополнены разделы, посвященные взаимодействию шахматистов в процессе борьбы и поведению соперников в важнейших игровых ситуациях. Это вызвано особой значимостью указанных проблем для понимания сущности психологического противоборства в шахматах.

Сейчас шахматы все чаще используют в качестве модели для научных исследований мышления и характера человека. Поэтому автор надеется, что эта книга привлечет внимание не только любителей шахмат, но и читателей, интересующихся психологией конфликтной деятельности.

Главное—борьба!

Возможности сознательного применения психологии в шахматах широки и разнообразны. Это, например, отыскание рациональных приемов обдумывания, изучение возрастных особенностей игры, преподавание шахмат детям, исследование специфики шахматных способностей и многое другое.

Казалось бы, в психологических исследованиях этих проблем нет принципиальных отличий от работы в других областях педагогической психологии или психологии научного творчества. Но в шахматах, как справедливо отметил А. Нимцович, «мы с самого начала играем, боремся, воюем» [26, 11]¹. Именно в борьбе раскрывается психологическая сущность шахматной деятельности.

Эм. Ласкер неоднократно говорил, что «на шахматных досках борются люди, а не деревянные фигуры» [11, 80]. Действительно, в шахматах противостоят друг другу не столько группы белых и черных фигур, сколько два человека, которые решают условный конфликт между собой

специфическими шахматными средствами.

Поэтому задача психологии шахмат, психологической подготовки шахматиста состоит не только в отыскании приемов для лучшего изучения теории, но и в использовании полученных знаний в борьбе двух личностей.

В чем же сущность противоборства на шахматной доске?

Большинство позиций, возникающих в шахматной партии, носит проблемный характер. Это значит, что не всегда можно найти единственный, самый лучший путь (не всегда он и есть), и поэтому выбор хода в значительной степени зависит от индивидуальных особенностей личности шахматиста: опыта, знаний, характера, темперамента, стиля мышления и т. д.

Отсюда следует, что знание противника, понимание целей, к которым он стремится, позволяют с большей вероятностью предугадать развитие игры и избрать соответствующую стратегию собственного поведения. Поэтому для достижения успеха шахматист должен не только хорошо знать теорию и владеть техникой игры, но и обладать умением проникать во внутренний мир

¹ Здесь и далее: первая цифра в скобках — порядковый номер источника в списке литературы, вторая — страницы.

соперника, понимать его намерения.

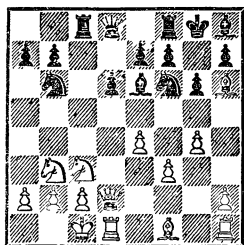
Профессор В. Малкин, автор ряда работ по психофизиологии шахмат, писал: «...мастер, который лучше прогнозирует игру противника, его стратегию, обладает значительным преимуществом» [23].

Несмотря на очевидность, это положение не встречает полного понимания, причем неправильное отношение к психологии шахмат проявляется в двух крайностях. Представители одной точки зрения (а их большинство) полагают, что индивидуальность противника не достойна внимания, единственное условие успеха заключается в более глубоком проникновении в тонкости стратегии и тактики. Эту позицию ясно выразил гроссмейстер Рубинштейн, когда на вопрос: «С кем вы сегодня играете?» — ответил: «Это не имеет значения. Я играю против черных фигур».

Панов

Москва, 1944

Симагин

Черные, сыграв, 12... Ch8, предложили оригинальную жертву качества. Хотя Симагин признал, что выбрал этот ход, в частности, потому, что «мастер Панов отлично атакует, но значительно хуже прово-

дит партии, связанные с длительной обороной», далее он писал: «Я не особенно высоко ставлю партии с таким психологическим оттенком. Шахматный мастер, на мой взгляд, должен играть последовательно, стремиться к безошибочной игре» [31, 15].

Возникают вопросы: что такое «последовательно», что же значит «безошибочная игра»? Ответить на это хочется словами Эм. Ласкера, сказанными им в статье, посвященной итогам матча Алехин—Эйве (1935 г.). «Среди большого разнообразия возможностей найти наиболее интересные и существенные — вот что привлекает меня. Я не легко верю в превосходную степень. Я не соглашусь, что в жизненной борьбе всегда имеется лишь одна возможность, которая является лучшей, разумнейшей, наиболее выгодной или самой целесообразной среди всех прочих; по крайней мере, я думаю, что не в человеческих силах всегда осуществлять превосходную степень. Превосходная степень была идеалом Тарраша. Согласно его воззрениям, в каждой позиции имеется лишь один лучший ход. Он отмечает его знаком «!», прочие ходы получают «?» [20, 273].

По-видимому, отрицание роли психологии в шахматной борьбе связано с этим распространенным заблуждением. Так искусственно отрываются знания, логика шахмат от понимания индивидуальности противника.

Другая, крайняя и также ошибочная, позиция — преуве-

личение значения отдельных психологических приемов. Психологическим трюкам сомнительного достоинства отводится роль волшебной палочки-выручалочки, пригодной на все случаи жизни. При этом фактически забываются сами шахматы и то, что психологический подход основывается прежде всего на объективном понимании законов стратегии и тактики шахмат.

Неправильно видеть в психологическом подходе к игре только способ запугать и смутить партнера. Конечно, надо настойчиво искать лучшее решение позиции, но только не следует забывать, что это лучшее может включать в себя также знание вкусов противника и собственных возможностей. В шахматной борьбе, как и в других сферах человеческой деятельности, имеются две стороны — объективная и субъективная. Нельзя эти стороны противопоставлять друг другу или учитывать в шахматах только их объективную сторону, лишь научную теорию. Законы и принципы теории применяются на практике живыми людьми, похожими или разными. Добавим, что и сама теория создавалась и создается трудом многих отдельных шахматистов.

С другой стороны, шахматисты фактически никогда не отказывались от использования данных психологии. На практике каждый шахматист — психолог, хотя иногда и сам того не замечает.

Так, например, Т. Петросян в матче на первенство мира

(1966 г.) прекрасно контролировал свое самочувствие: «сознательно гасил в некоторых партиях пламя, старался сберечь силы для решающего момента» — и достаточно верно учитывал состояние противника (21-я партия и др.). В. Симагин принял решение пожертвовать качество В. Панову тоже не случайно, поскольку понимал, что тот хуже защищается, чем атакует, и т. д.

Итак, понимание противника — важное условие успешной игры, однако оно составляет лишь одну сторону проблемы. В шахматной борьбе, где конфликт развертывается между двумя личностями, необходимо не только понять внутреннее состояние партнера, но и выбрать стратегию, наиболее благоприятную для себя и наименее приемлемую для противника. Эффективно же контролировать собственные действия отнюдь не проще, чем заметить недостатки в чужом творчестве. Необходимо умение хорошо понимать свои сильные и слабые стороны, свой стиль и характер.

Поэтому понимание противника связано с уровнем самопознания и самопонимания, короче говоря, невозможно глубоко проникнуть в замыслы противника и успешно использовать полученную информацию, не обладая объективной оценкой собственных достоинств и недостатков.

Пока мы говорили лишь о каждом в отдельности участнике борьбы и выяснили, что надо понимать себя и надо понимать противника. Однако

«главная прелесть шахмат и заключается, по существу, прежде всего в том, что стратегия игры развивается одновременно в умах двух разных людей...» — писал Стефан Цвейг [43, 619]. Каждый из них в меру своего умения старается понять и предугадать действия противника.

Таким образом, участники шахматной борьбы вступают в своеобразное психологическое взаимодействие. Каждая сторона ставит вопрос: как рассуждает и принимает решение соперник? Каковы его намерения?

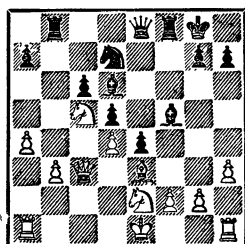
При этом каждая из сторон, сознательно или стихийно, стремится уподобиться «айсбергу», т. е. сообщить противнику лишь часть информации, руководствуясь которой он придет к невыгодному для себя решению. Так, в сложном переплетении логических и психологических нюансов сталкиваются между собой две противоборствующие стороны, две личности.

Успех дела часто решает превосходство шахматиста в уровне своей рефлексии. Что же представляют собой уровни рефлексии? Обратимся к примерам из практики.

Сили

Бронштейн

Москва, 1949

Бронштейн писал: «Если допустить на секунду, что правила разрешают делать два хода подряд, то на рокировку белых у меня был заготовлен верный ход, но очередь хода была моя и надо было скрыть готовящийся удар... И я спокойно отвел слона подальше от видимой цели, от пешки h3.

«Понятно! — решил, вероятно, партнер. — Черные хотят усилить нажим на пешку f2, надо рокировать и защитить пешку «f» ладьей» [8, 112].

23...Сe6 24. 0—0? С: h3.

Выяснилось, что взять пожертвованного слона белые не могут из-за атаки черных, форсированно приводящей к победе. Вскоре Бронштейн выиграл.

Белые учли в своих расчетах только часть информации о позиции, именно ту, которую им «любезно» захотел передать противник. Это была ложная информация об объекте нападения (якобы пункт f2, на самом деле пункт h3). Партия служит примером сравнительно простого психологического взаимодействия противников: белые имитировали рассуждения партнера на один ход вперед, черные — на шаг дальше.

Психологическое взаимодействие играющих выражается не только в имитации рассуждений противника, но и в оценке его состояния и поведения. Для введения противника в заблуждение здесь действует тот же метод «айсберга».

По поводу отложенной позиции из 20-й партии матча с М. Талем М. Ботвинник рас-

сказывал: «Все специалисты считали положение черных проигранным. При ночном анализе мне, однако, удалось найти этюдную возможность, и ничья начала обрисовываться вполне отчетливо. К тому же у меня созрел чисто практический план маскировки... Что бы не насторожить «вражеский» лагерь, всем друзьям было сообщено, что дела безнадёжны.

По дороге в Театр эстрады я себя уверял, что партия проиграна — надо было иметь по возможности мрачный вид. Сделать это было не трудно — после двух вечеров игры и двух ночей анализа. Наконец, в театре я «признался» работникам сцены, что больше пяти ходов вряд ли продержусь. Следует добавить, что на доигрывание не был взят традиционный термос с кофе. А это — самое веское доказательство того, что игра будет короткой» [41, т. 3, с. 194].

К сказанному добавим, что партия закончилась вничью. Вероятно, и «маскировка» сыграла свою роль, так как Таль, обычно внимательно изучающий внешний вид соперника, на этот раз не почувствовал опасности и быстро попался в ловушку, которая сразу опре-

делила ничейный исход борьбы.

Таким образом, в процессе игры шахматисты ведут непрерывную разведку с целью выяснить намерения противника. Осуществляется сложный вероятностный анализ по разделению получаемой информации на истинную и ложную, предусматриваются очень далекие «хитрости» противника.

Преимущество в психологическом анализе позволяет шахматисту не только предвидеть действия соперника и соответственно направлять развитие игры, но иногда и влиять на рассуждения противника, направляя их по желательному пути.

Мы кратко обозначили существенные элементы психологического противостояния соперников за шахматной доской. Поэтому при рассмотрении проблемы психологической подготовки шахматиста мы считаем необходимым подробнее остановиться на вопросах 1) изучения и понимания противника; 2) самоанализа и 3) взаимодействия соперников в процессе борьбы.

Сначала познакомимся с тем, что известно по этой проблематике истории шахмат.

Как они готовились

Эм. Ласкер первым из крупных шахматистов широко и успешно применял на практике знания, полученные в результате изучения стиля игры

и характера противников. Правда, о значении психологического фактора в шахматной борьбе нередко говорилось и раньше.

Многие авторы (Арну де Ривьер, Делануа, Роже, Вайсенбах и др.) указывали, что стиль игры отражает индивидуальность шахматиста, качества его характера. Андерсен, играя матч с Морфи (1858 г.), настойчиво, но без особого успеха предлагал своему темпераментному сопернику увлечься заманчивыми, но недостаточно обоснованными атаками.

Это были первые и не вполне уверенные шаги практической психологии шахмат. Заключение о стиле игры и состоянии противника делались зачастую на основании случайных эпизодов и поверхностных наблюдений. Например, отмечалось, что те, кто играют гамбиты, обладают неспокойным, невыдержанным характером. Если согласиться с этим мнением, то пришлось бы чуть ли не всех шахматистов того времени обвинить в отсутствии выдержки: гамбиты встречались тогда почти в каждой партии!

Эм. Ласкер занимался психологической подготовкой гораздо более серьезно и систематично. К этому имелись основания: во-первых, стала заметной тщательность попыток Тарраша обнаружить правила единственной и безошибочной игры и тем самым исключить из шахмат роль индивидуальности, и, во-вторых, склад ума Ласкера предрасполагал его к применению научной методики в любом новом деле, за которое он брался.

На вопрос: «Нам передавали, что, дав себе труд внима-

тельно изучить партии одного из ваших противников, вы обнаруживаете и сильные и слабые его стороны. Верно ли это?» — Ласкер ответил: «Безусловно верно, и это лежит в плане моих теоретических воззрений на борьбу. Шахматная партия — борьба, в которой соучаствуют самые разнообразные факторы. И поэтому знание сильных сторон и слабостей противников чрезвычайно важно. Так, например, партии Рети явно показывают, что белыми он играет лучше, чем черными; партии Мароци — что он осторожно защищается и лишь тогда сам атакует, когда вынужден к этому; партии Яновского — что он может десять раз держать в руках выигрыш, но, жалея расстаться с партией, в конце концов уверенно ее проигрывает... Словом, можно многое извлечь из внимательного изучения нескольких партий противника» [30, 71].

Примерами глубокого понимания противника служат матчи Ласкера с Маршаллом (1907 г.), Яновским (1908 и 1910 гг.) и особенно с Таррашем (1908 г.).

Изучал Ласкер также и своих будущих турнирных противников. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что он требовал от организаторов список участников предстоящего турнира задолго до начала соревнования.

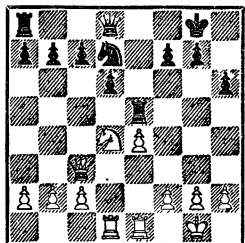
Такой подход к шахматной борьбе, конечно, помог Ласкеру достичь больших практических успехов. По-видимому, и его исключительное спортив-

ное долголетие во многом можно объяснить психологической подготовкой, пониманием силы и слабости соперников и собственного состояния.

Тарраш

1908

Ласкер

У белых преимущество в пространстве. Напрашивается план с переводом коня на f5 и ладьи на g3 для атаки королевского фланга. В то же время у черных не видно активной контригры. Кажется, что им необходимо срочно возводить защитные бастионы вокруг собственного короля. Но Ласкер отверг этот, может быть наиболее благоразумный, путь и отправляет в рейд ладью — решение, на первый взгляд по меньшей мере экстравагантное. Тем самым он стремится отвлечь Тарраша от намеченного плана. Ласкер учитывает важный психологический нюанс: Тарраш упрям в отстаивании своих догм «правильной» игры и обычно стремится наказать противника за их нарушение.

16... Л с5! 17. Ф b3 К b6 18. f4.

Психологический расчет начинается оправдываться. Заслуживало внимания 18. К f5 или 18. Л d3, намечая атаку на пункт g7. Но Тарраш уже выведен из равновесия. Он счи-

тает себя обязанным наказать противника за «неправильную» расстановку фигур: ладья впереди пешек.

18... Ф f6 19. Ф f3 Л e8 20. с3 a5!

Продолжение игры основано на тонком понимании рассуждений белых. Кажется, что последний ход — признание ошибки и попытка освободить ладью путем a5 — a4 и Л a5. На самом деле черные провоцируют противника на новые пешечные ослабления ради идеи поимки «заблудившейся» ладьи.

21. b3 a4 22. b4?

Еще не поздно было сыграть 22. с4 ab 23. ab Л a5 24. К f5 с хорошей позицией. Но белые думают только о карательных мерах против возмутителя спокойствия — ладьи с5.

22... Л с4 23. g3.

Необходимо. Если сразу 23. К b5, то 23... Л d8 24. Л e3 d5 25. e5 Ф :f4.

23... Л d8 24. Л e3 с5 25. К b5?

Во имя намеченной идеи (К a3) белые совершенно перестали считаться с происходящим на доске. Еще не поздно было 25. bc Л :c5 (25... dc 26. e5 и 27. К f5). Но ведь тогда ладья вырывалась на свободу!

25... cb 26. Л :d6 Л :d6 27. e5 Л :f4!

Опровержение комбинации белых. По проницательности судьбы приговоренная к смерти ладья наносит решающий удар!

28. gf Ф g6+ 29. Кр h1 Ф b1+ 30. Кр g2 Л d2+ 31. Л e2 Ф :a2 32. Л :d2 Ф :d2+

33. Кр g3 a3!, и черные вскоре выиграли.

Замечательная партия! Ласкер тонко использовал недостатки Тарраша — негибкость мышления и настойчивость, граничащую с упрямством.

М. Левидов, автор известной биографической работы о Ласкере, справедливо отмечал: «Может создаться впечатление, что Тарраш просто плохо играл. Это неверно. Играл он хорошо, но своими 16 фигурами против 16 фигур противника. Ласкер же, кроме того, играл и против семнадцатой фигуры, и главным образом против нее — против фигуры самого Тарраша. В этом и заключается его опаснейшее оружие — «психологический метод» [21, 205].

Однако значение психологической подготовки, продемонстрированной Ласкером, долгое время оставалось непонятым шахматным миром. В книге, посвященной нюрнбергскому турниру 1896 г., Тарраш поместил любопытную «таблицу счастья», устанавливающую, сколько очков каждый участник приобрел благодаря «везению». Первое место в этой таблице занимал Ласкер. По подсчетам автора книги, Ласкер выиграл пять партий в худших или равных положениях из-за сравнительно «простых» ошибок противников. Все это казалось специалистам какой-то мистикой. Тарраш даже писал: «Но кто может сражаться против волшебства!» [21, 291].

В чем причины подобного

непонимания? Трудно объяснить это, сославшись лишь на уровень развития шахматной культуры того времени. Дело, видимо, и в том, что Ласкер держал в тайне методы своей подготовки.

Правда, Ласкер указывал на анализ партий как на источник своего понимания противников. Но какие партии шахматиста нужно подвергнуть анализу — все или лишь некоторые? Как должно проходить изучение самих партий — по стадиям игры, по признакам общности дебюта, в зависимости от особенностей турнирного положения или на основании каких-либо других критериев?

На все эти вопросы Ласкер не давал ответа.

Трудность выбора надежных методов психологической подготовки привела некоторых авторов к неправильному выводу, что эти методы сугубо индивидуальны и не могут стать предметом активного изучения. М. Левидов так сформулировал этот вывод: «Введение в шахматы теории вероятности посредством психологического метода — такая формула игры Ласкера. Нетрудно заметить, что этой формуле нельзя научиться и невозможно ей подражать. Она резко индивидуальна» [21, 238].

Это мнение можно нередко услышать и в наши дни. К примеру, много пишут о психологическом воздействии игры Таля или Ларсена, не пытаясь выяснить, в чем оно состоит. А дело опять-таки в том, что изобретатели не афи-

шируют своих открытий, и в том, что крайне недостаточны еще серьезные психологические исследования шахматной игры.

В результате то, к чему в конце концов после многих лет поисков, разочарований, ошибок и открытий приходит опытный шахматист, могло быть обнаружено или отвергнуто объективными психологическими исследованиями гораздо быстрее. Добавим еще, что употребление найденных приемов только для «внутреннего» пользования заставляет каждое новое поколение шахматистов начинать фактически сначала и проделывать массу уже проделанной другими работы.

Но вернемся к Ласкеру. Никто не застрахован от ошибок, не избежал их и этот выдающийся шахматист. В двух эпизодах его спортивной карьеры проявились недочеты психологической подготовки. Это матчи с К. Шлехтером (1910 г.) и Х. Р. Капабланкой (1921 г.).

Шлехтера Ласкер понял недостаточно глубоко и поэтому недооценил его. Современникам стиль игры Шлехтера представлялся скучным и безличным. Действительно, во многих партиях он играл малоинициативно, охотно соглашался на ничью, а выигрывал обычно у слабых противников, терпеливо подстерегая их позиционные ошибки.

Сам Ласкер за четыре года до матча дал Шлехтеру не очень лестную характеристику, указав, в частности, что тот слишком ценит спокойную

жизнь, чтобы быть способным мобилизоваться на преодоление больших трудностей в напряженные моменты борьбы.

Однако Ласкер, видимо, не обратил особого внимания на те партии, где Шлехтер оказывался в трудных позициях. Здесь Шлехтер преображался. Необходимость вызывала его на напряжение всех сил, и играл он энергично и точно. Ошибка Ласкера состояла вот в чем: констатировав, что Шлехтер сам драки не начинает, он не заметил необычайной стойкости Шлехтера в тех случаях, когда ему навязывают жестокое сражение.

В начале матча Ласкер признал, что он встретился с трудностями: «У всякого есть какая-нибудь слабость порожденная по большей части или недостатком смелости, или, наоборот, ее излишком, или, наконец, неправильностью расчетов. В дальнейших восьми партиях матча моей задачей будет разрешить проблему Шлехтера» [11, 93].

Но достаточно успешно разрешить эту проблему Ласкеру не удалось. Смущенный осечкой своего любимого оружия, Ласкер обратился к другой крайности и писал после матча: «Я не нахожу слабого места у Шлехтера» [11, 93].

А перед матчем с Капабланкой Ласкер, вероятно, переоценил свое знание будущего соперника и не обратил должного внимания на собственное состояние. Судя по дневнику, написанному во время матча, он хорошо понимал, что нужно делать, но осуществ-

вить это практически не мог: не хватило сил, сказывалась растренированность.

Следующий чемпион мира, Капабланка, не уделял достаточного внимания психологической подготовке. Яркий талант, позволявший ему найти хорошее решение за доской, большая уверенность в своих силах делали свое дело: он не ощущал настоящей потребности (особенно до проигрыша матча Алехину в 1927 г.) детально готовиться к противникам. Для Капабланки до 1927 г. характерно следующее высказывание: «Когда садишься за доску, надо думать только о позиции, но не о противнике. Рассматривать ли шахматы как науку, или искусство, или спорт, все равно, психология к ним не имеет никакого отношения и только стоит на пути к настоящим шахматам» [13].

Но, как говорится, опыт — лучший учитель. После потери звания чемпиона мира Капабланка постепенно изменил свое отношение к психологии. В 30-е годы он уже говорил, что для успеха в шахматах необходимо умение понимать намерения противника, знать его привычки и характер.

Эти новые взгляды нашли отражение в некоторых партиях Капабланки, сыгранных в последний период его выступлений (например, черными с Ласкером, Москва, 1936 г.). Но, к сожалению, Капабланка тоже не оставил сведений о методах своей подготовки.

Пример Ласкера оказал большое влияние на Алехина. Он называл Ласкера своим

учителем. Но, в отличие от предшественников, Алехин подробно и содержательно рассказывал о методах своей подготовки. Наибольший интерес представляют его работы, рассказывающие о подготовке к матчам на мировое первенство с Капабланкой (1927 г.) и Эйве (1937 г.).

Алехин стремился к выявлению существенных, постоянно проявляющихся свойств характера и шахматного стиля своих соперников. Это условие стало основным методологическим принципом его исследований. Поэтому он критически относился к выводам, основанным на отдельных фактах.

Признавая, что стиль игры предопределяется характером шахматиста, Алехин весьма скептически относился к возможности внезапного изменения творческих установок зрелого мастера. О Нимцовиче он говорил: «...поистине трудно себе представить, чтобы после 25-летней шахматной карьеры ему внезапно удалось радикально изменить характер своего творчества...» [1, 14].

Среди конкретных методов изучения противников одним из основных у Алехина был анализ партий. Перед матчем с Эйве (1937 г.) в задачу подготовки, в частности, он включил такой пункт: «произвести тщательный разбор всех партий, сыгранных Эйве в период между обоими нашими матчами» [29, 35]. Перед матчем с Капабланкой Алехин отмечал, что предметом изучения были практически все сыгранные противником партии, начиная

с матча Капабланка — Маршалл (1909 г.). Особое внимание сосредоточивалось на анализе партий последнего периода.

Как же осуществляется этот анализ?

Алехин разделил свою аналитическую работу на несколько этапов. Сначала каждой партии он давал общую характеристику. На этой стадии исследования Алехин стремился прежде всего выявить переломные моменты борьбы, кризисные ситуации. Тем самым определялись причины победы или поражения. Приводим как пример описание третьей партии Капабланка — Шпильман (Нью-Йорк, 1927 г.): «В результате домашнего анализа Капабланка нашел усиление варианта, разыгранного между теми же противниками в партии 1-го круга, и вследствие индифферентной игры противника уже в дебюте получил выигрышное положение. Заключительная комбинация, хотя и очень простая, была им точно рассчитана» [1, 17].

При этом Алехин, как правило, не ограничивался лишь анализом позиций, а пытался связать его с индивидуальными особенностями характера шахматистов. Резюмируя анализ встречи Шпильмана с Капабланкой в Нью-Йорке (1927 г.), он писал: «Шпильман был, собственно, единственным, кто играл против Капабланки не ниже своей силы. Его ошибки были... психологического характера: он никак не мог себе представить, что

можно победить «непобедимого», даже получив лучшее положение» [1, 17].

На этой стадии анализа были сделаны предварительные выводы. В них Алехин отметил высокоразвитую интуицию Капабланки и его существенный недостаток, заключающийся в относительно невысокой критичности мышления, особенно заметной в благоприятных позициях.

На втором этапе анализ шел по отдельным стадиям партии: дебюту, миттельшпилю и эндшпилю. Благодаря этому сделанные ранее выводы получили более обоснованное подтверждение или были изменены. Уже этот анализ позволил Алехину конкретизировать свои предположения и обратить внимание на некоторые новые, весьма существенные стороны стиля игры Капабланки. Например, он, в противовес господствовавшему в то время мнению, заметил, что дебютный репертуар Капабланки тщательно подготовлен «в лабораторных условиях».

В общем, на втором этапе анализа партий Алехин сделал основные выводы об особенностях шахматного творчества Капабланки. Эти соображения и определили конкретное содержание подготовки к матчу.

Вот основные выводы Алехина.

1. Дебют. Интуиция Капабланки высоко развита в выборе надежных, практически целесообразных продолжений. Отсюда его стремление к упрощениям, а также наход-

чивость при встрече с дебютными неожиданностями.

2. Миттельшпиль. Опора в основном на быструю интуитивную оценку ситуации. Отсюда быстрота и легкость в игре при явном недостатке критичности мышления. Из-за излишнего доверия к интуитивной оценке заметны ошибки в конкретном расчете. Поэтому Алехин заключает: «...в миттельшпилье ему нельзя доверять, каждый его тактический замысел необходимо точнейшим образом проверять, ибо отнюдь не исключена возможность просчетов с его стороны» [1, 23].

3. Эндшпиль. Бесспорно высоко техническое мастерство Капабланки в этой стадии партии, но позиции динамического характера, требующие на протяжении многих ходов глубокого конкретного мышления, учета обоюдных и разнообразных возможностей, он играет относительно слабее.

Заметим, что Алехин сравнивал партии, сыгранные соперником в периоды 1911—1914, 1918—1921 и 1922—1927 гг. Эта работа позволила выявить тенденции в развитии стиля игры Капабланки и аргументировать его психологическую характеристику.

Алехин отмечал: «...в творчестве Капабланки с годами приходится наблюдать все меньше углубления в детали положения, и причиной этого является непоколебимая уверенность в безошибочности своей интуиции. Самое печальное для Капабланки заключается в том, что эта его систе-

ма оперировать «хорошими» ходами почти без исключений оказывалась достаточной, так как ей по большей части противопоставлялось в позиционном отношении более или менее беспомощное оружие. Вследствие такой «безнаказанности» при применении не лучших ходов он, с одной стороны, отвык от той концентрации мысли во время партии, которая одна только дает гарантию против возможных элементарных просмотров; с другой — его самоуверенность выросла до бесконечности и перешла почти в самообожествление» [1, 22].

Впрочем, надо учитывать, что Алехин был иногда чересчур строг к отдельным недостаткам Капабланки. Вероятно, он делал это сознательно, чтобы укрепить уверенность в своих силах, поскольку перед матчем ему ни разу не доводилось выигрывать у будущего противника, да и авторитет Капабланки в шахматном мире был выше.

Анализ партий Эйве Алехин проделал по аналогичной схеме. Укажем только, что характеристика стиля игры Эйве была составлена объективнее.

О других методах изучения противника Алехин пишет не так подробно. Но и отдельные его замечания дают интересный материал. Например, он специально исследовал те позиции, в которых Капабланка сталкивался со значительными объективными трудностями (новинка в дебюте, решающее преобладание в позиции комбинационного элемента). Изу-

чение это оказалось весьма полезным. Алехин пришел к заключению о нецелесообразности попыток смутить Капабланку какой-либо неожиданностью в дебюте.

В отличие от Ласкера, Алехин прямо указывает, что он наблюдал за поведением противника. Это позволило Алехину подметить у Капабланки возрастание неуверенности, когда он встречал упорное сопротивление. «Это было необычайно важное открытие для будущего!» — писал Алехин [29, 14].

Кроме того, Алехин изучил различные литературные источники. Главное внимание он обратил на книги, комментарии к партиям самого Капабланки и интервью с ним. Правда, Алехин не без основания констатировал, что мастера не очень охотно высказываются о мотивах тех или иных ходов в своих партиях. Но, несмотря на это, Алехин, несомненно, ценил информацию, полученную из шахматной литературы. Перед матч-реваншем с Эйве (1937 г.) он счел необходимым просмотреть его статьи и примечания к своим и чужим партиям. А из высказываний Капабланки перед матчем он получил представление о взглядах противника на дебютную подготовку, о его отношении к собственным успехам (статья Капабланки в аргентинской газете, где он говорил, что для того, чтобы стать чемпионом мира, нужно чудо, довольно прозрачно намекая при этом, что «чудо» нужно Алехину; или интервью, в котором он

говорил о ничейной смерти шахмат, фактически доказывая невозможность победить его, Капабланку) и др.

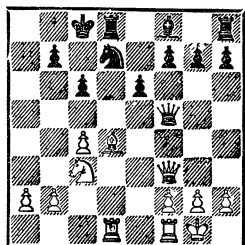
Алехин один из первых среди шахматистов обратился к статистическому анализу информации. По поводу ошибок Капабланки в тактических операциях он писал: «...на эти спорадические проявления известной слабости ни в коем случае нельзя смотреть как на редкие исключительные явления, ибо общее количество турнирных партий, сыгранных Капабланкой за последние годы, по сравнению с количественными результатами других мастеров очень мало, и поэтому в пропорциональном отношении число его просмотров весьма значительно» [1, 23].

Алехин очень высоко оценивал роль психологической подготовки к матчу 1927 г.: «...успехом в матче с Капабланкой я обязан прежде всего своему превосходству в смысле психологии...» [9, 155].

Алехин продолжил и развил идеи Ласкера об изучении противника. Исследования Алехина отличают широкий набор методик и аргументированное сочетание в характеристике соперников логических и психологических аспектов. Очень помогла Алехину также его критичность в анализе собственного творчества. Он не повторял ошибок и обычно объективно оценивал свое состояние и возможности.

По поводу хода 17. Фg3 Алехин в 1938 г. после того, как вернул себе звание чемпиона мира, писал: «Решение

Кемери, 1937

экс-чемпиона... До 1935 года — и в настоящее время — я, без сомнения, избрал бы простой план игры, начинающийся ходом 17. Ф : f5; у меня была бы фактически лишняя пешка на ферзевом фланге при отсутствии даже тени опасности. Однако в течение всего периода, предшествовавшего матч-реваншу, я попросту не мог полагаться на свое терпение и нервы, ...чтобы выиграть получающееся окончание» [29, 517].

Алехин эпизодически обращался к использованию данных хронометража. Более полное обоснование этот метод получил в работах советского мастера и психолога Б. М. Блюменфельда. Он указывал, что время, затраченное на обдумывание каждого отдельного хода; является объективной количественной характеристикой творческого процесса. Сравнение затраченного времени и объективной сложности рассматриваемых позиций позволяет судить о субъективных трудностях при выборе решений у различных шахматистов, в известной мере свидетельствует о свойствах их мышления и воли.

«По мере возможности та-

кой анализ мог бы быть дополнен опросом игравших или данными самонаблюдения. К сожалению... по настоящее время не осознано, какой исключительный интерес представляли бы записи партий с указанием времени обдумывания отдельных ходов — интерес непосредственный для читателей партий и еще больший для исследовательской работы», — писал Блюменфельд еще в 1937 г. [3].

В последние годы эти рекомендации, в основном благодаря усилиям Д. Бронштейна, получили практическое воплощение. Однако результаты хронометража в исследовательских целях еще не обобщены в литературе.

Работы Алехина привлекли внимание современников. Развивая его идеи, Нимцович высказал ряд интересных соображений о психологической тактике турнирной борьбы. Нимцович советовал в начале и середине соревнования придерживаться принципа экономии сил. План каждой партии он строил, учитывая турнирное положение соперников. Для борьбы с излишним волнением он рекомендовал приемы отвлечения. В частности, такой: «Надо привыкать к мысли, что все это не так уж важно, что исход шахматного турнира — это не вопрос жизни или смерти» [27].

Нимцович полагал, что необходимым стимулом совершенствования является жесткое соперничество (конечно, только шахматными средствами) с более сильным шахма-

тистом: «Если вы хотите добиться результатов, то выберите себе... истинного «врага» и постарайтесь «наказать» его путем низвержения его с пьедестала» [26, 19].

Шпильман также дал немало практических рекомендаций. Он писал о необходимости сохранять спокойствие во время борьбы, о профилактике цейтнота и т. п. Для избежания цейтнота он советовал всегда сохранять для последнего хода неприкосновенный запас в пять минут.

Конечно, некоторые советы Нимцовича и Шпильмана субъективны и спорны. Но главное не в этом. Стало очевидным, что усилия Алехина не пропадут даром, и вопросы шахматной психологии стали предметом обсуждения.

Успехи в деле изучения противников часто связываются с именем М. Ботвинника. Во многих работах он подробно рассказывает о своей подготовке к соревнованиям, по достоинству оценивая опыт Алехина в этом важном деле. «У Алехина можно учиться психологическому подходу к шахматной партии... Когда мне пришлось готовиться к соревнованию на первенство мира 1948 г., первое, что было сделано, — это внимательное ознакомление со вступительной статьей Алехина из сборника партий Нью-Йоркского матч-турнира 1927 года. В этой статье Алехин дал глубокий анализ творчества Капабланки и рассказал о своих мыслях, своих планах», — писал Ботвинник [41, т. 2, с. 572].

Перед матчем с Флором (1933 г.) Ботвинник поставил задачу — «проанализировать возможно большее число партий Флора. На основании этих партий должны были быть сделаны выводы о стиле противника, о его технике, об излюбленных схемах развития, о наиболее часто применяемых им дебютах. Необходимо также было выяснить, насколько крепок противник с психологической стороны, поддается ли он «настроению», насколько он силен в защите и т. д.» [41, т. 1, с. 318].

Ботвинник проделал этот анализ с характерной для него целеустремленностью. Он дал краткую характеристику каждой партии Флора (вспомним первую стадию анализа у Алехина), сравнил партии разных лет и, наконец, выделил экстремальные ситуации, анализ которых показал недостаточную психологическую устойчивость будущего противника. Выводы, сделанные Ботвинником накануне матча, подтвердились в ходе борьбы.

В более поздних выступлениях Ботвинник в основном указывает на те же методы подготовки, но, пожалуй, с одним существенным отличием: он больше говорит об аналитической, логической стороне дела и почти не касается вопросов связи логических компонентов игры с индивидуально-психологическими свойствами личности своих противников.

Характерным становится такое, например, высказывание: «В чем заключается искусство шахматного мастера?

В основном, оно заключается в умении анализировать шахматные позиции...» [41, т. 1, с. 550]. Или о том, что универсальным методом устранения недостатков являются тренировочные партии.

Создается впечатление, что психологический анализ Ботвинник фактически уже не применяет. Можно предположить, что это оказало определенное влияние на некоторых крупных шахматистов, например на Болеславского, Кереса, Смыслова. Они, «по Ботвиннику», были поглощены чисто шахматной аналитической работой и в лучшем случае ограничивались лишь более или менее общими фразами о значении изучения психологии противника. Как мне кажется, это обеднило их творческие возможности.

Возможно, творческие установки Ботвинника не были достаточно хорошо поняты. Ботвинник немногословен относительно психологической программы изучения соперников, но, по-видимому, он серьезно занимался этим вопросом.

Для доказательства приведем сделанное Ботвинником описание его партии с Эйве (1948 г.). «Я жертвую пешку, и Эйве принимает жертву (он это любит делать), хотя, возможно, лучше было бы ее отклонить. Постепенно я успокаиваюсь: видимо, при подготовке характеристика игры Эйве была составлена правильно. Эйве наконец делает ход. Он сразу предлагает размен ферзей! Все волнение пропадает — характеристика ока-

залась весьма меткой. Эйве обычно боится атаки на своего короля, у него и на этот раз не выдержали нервы. С разменом ферзей он не мог подождать даже одного хода» [41, т. 2, с. 216].

Ботвинник говорил о подробных характеристиках Кереса, Решевского и других шахматистов, полученных в процессе разностороннего изучения их творчества. Учитывал он и результаты непосредственного наблюдения за поведением противников. Об этом свидетельствуют его воспоминания о партиях с Алехиным (1936 г.) и Талем (1961 г.).

С интересными, хотя подчас и спорными соображениями о психологических аспектах подготовки выступил Панов в книге «Атака» и в ряде статей. Он выдвинул тезис: «проигравший всегда виноват». Полностью принять это положение нельзя, поскольку тогда «выигравший всегда прав» и единственным мерилom ценности партии становится ее результат. Однако мысль Панова о том, что шахматист обязан в первую очередь критически относиться к собственным действиям, не выискивая оправданий во внешних обстоятельствах, несомненно, верна.

Панов обратил также внимание на важный вопрос о допустимой нагрузке шахматиста, считая, что участвовать в крупных соревнованиях надо не чаще двух-трех раз в год.

В отличие от Нимцовича, Панов предложил единообразную тактику турнирной борьбы: «Каждую партию — от

первой до последней — играть на полную мощность» [28, 108].

На ряде примеров Панов удачно продемонстрировал психологический эффект, производимый неожиданностью в дебюте и резким изменением плана игры в миттельшпиле.

Ценный психологический материал содержат работы И. Бондаревского, Д. Бронштейна, Т. Петросяна, М. Талля. Но, к сожалению, эти авторы, приведя немало отдельных поучительных иллюстраций, почти не уделили места вопросу о системе психологической подготовки.

Из современных зарубежных шахматистов наиболее интересен опыт Б. Ларсена и Р. Фишера. В книге «50 избранных партий» Ларсен рассказывает о том, как он учится на поражениях, о допустимой доле риска, о влиянии неожиданностей на партнера и т. п. Для себя он считает оптимальным числом 80 серьезных партий в год. Любопытен прием, применяемый Ларсеном для повышения внимательности и ответственности во время игры, — сознательный выбор трудного дебюта (например, староиндийская защита в партиях с Бронштейном, Амстердам, 1964 г., и Петросяном, Санта-Моника, 1966 г.).

* *
*

Психологией шахмат занимались многие ученые: А. Бине, И. Дьяков, Н. Петровский, П. Рудик, А. Нечаев, гротсмей-

стер Р. Файн, мастер Б. Блюменфельд, О. Тихомиров, В. Пушкин, де Гроот и др. Но в основном они изучали особенности мышления шахматистов, а проблеме личностного конфликта в шахматах уделяли значительно меньшее внимание.

Большой интерес к психологии шахматной борьбы проявил выдающийся советский психолог Б. Г. Ананьев. Он не раз подчеркивал необходимость рассматривать шахматы как интеллектуальное состязание характеров. Ананьев высказал и некоторые соображения, непосредственно относящиеся к задачам психологической подготовки шахматиста.

Он говорил о значимости разностороннего изучения противника и считал целесообразным вести анализ по трем направлениям, изучая 1) шахматный стиль противника; 2) поведение противника в различных игровых ситуациях (в цейтноте, на разных этапах соревнования, в зависимости от спортивной значимости партии и т. п.); 3) отношение противника к собственному творчеству, его самооценку и его отношение к достижениям и творчеству других шахматистов. Этот план исследования использован в настоящей работе.

Ананьев советовал при составлении характеристики шахматиста особое внимание обращать на «искусство завершения», т. е. на умение сохранять волевые резервы для решающих моментов борьбы.

Анализ партий

Основным методом изучения стиля игры шахматиста является анализ его партий. Рассмотрим систему анализа на примере исследования творчества Эйве за период 1920—1927 гг.

Чемпион мира 1935 — 1937 гг. Макс Эйве родился в 1901 г. Когда ему было 5 лет, узнал правила игры. В 10 лет впервые принял участие в клубном турнире, а в 18 лет занял второе место в первенстве Голландии.

Рассматриваемый период — период становления в шахматной карьере Эйве. За это время он добивается международных успехов и к 1927 г. достигает гроссмейстерского класса.

Творчество Эйве было выбрано как пример потому, что оно почти не исследовано и, естественно, автор почти не рисковал оказаться под влиянием известных оценок. К тому же в нашем распоряжении находились тексты 483 партий Эйве, т. е. почти всех сыгранных им в серьезных соревнованиях за исследуемый период.

На первом этапе анализа мы стремились выявить в каждой партии переломные моменты, а также явные позиционные ошибки и случаи просчетов. После завершения обзора всех 483 партий была составлена предварительная общая характеристика стиля игры Эйве, в которой отмечались:

1. *Точность конкретного расчета.* Ошибок в расчете, особенно в инициативных позициях, Эйве почти не допускал.

2. *Некоторая неуверенность в осуществлении сложных стратегических планов.* Часто излишнюю прямолинейность своей стратегии Эйве был вынужден исправлять тактическими средствами.

3. *Недоверие к интуитивным решениям.* Стремление следовать строгой логике и расчету.

4. *Боевой, активный характер игры.* Как правило, Эйве не испытывал робости перед авторитетами. Напротив, в отдельных встречах заметна излишняя самоуверенность; в частности, почти не ошибаясь в тактическом оформлении собственных замыслов, Эйве часто не видел замаскированных возможностей противника. Казалось, что противника он не боится, но и не очень считается с ним. Возникло предположение, что Эйве недостаточно проницателен в понимании замыслов партнера.

5. *Хорошие спортивные качества и большая работоспособность во время игры.* Эйве обычно стойко боролся до конца партии или соревнования.

На втором этапе анализа партии Эйве были рассмотрены отдельно по стадиям: дебюту, миттельшпилю и эндшпилю. Ставилась задача выявить кризисные моменты борьбы, типичные приемы и

характерные ошибки в каждой стадии партии. Лишь так можно было проверить обоснованность выводов, содержащихся в предварительной характеристике, развить, дополнить или отвергнуть их.

Воспользуюсь случаем заметить: распространенное мнение, что подготовку можно ограничить изучением дебютного репертуара противника, совершенно несостоятельно. К сожалению, во многих индивидуальных картотеках именно дебютные тонкости являются главными выделенными признаками.

Мы считаем, что дебют как раз в меньшей степени характеризует личность шахматиста, чем миттельшпиль или эндшпиль. Партии в дебюте часто развиваются по проторенным путям, и в начале игры труднее распознать индивидуальность шахматиста.

Но вернемся к анализу партий Эйве.

Дебют. Прежде всего необходимо систематизировать материал. Всего Эйве выиграл 305 партий, 73 проиграл и 105 сыграл вничью.

Выяснилось, что белыми 112 раз Эйве начинал партию ходом 1. e4, а в 126 случаях избирал закрытые дебюты.

При 1. e4 он успешно играл против французской защиты (19 побед, 3 поражения, 8 ничьих) и других полуоткрытых начал, кроме сицилианской защиты. Если противник отвечал ходом 1... e5, то наиболее удачно складывались дела Эйве, если он отказывался от испанской партии.

В итальянской, венгерской, шотландской и венской партиях, защите двух коней и дебюте Понциани он победил в 20 встречах, только один раз проиграл и две партии закончил вничью.

Белыми в закрытых построениях Эйве очень успешно применял дебют Рети и каталонское начало (+13—0=2), «громил» староиндийскую защиту и защиту Грюнфельда (+14—1=3), несколько менее успешно боролся с различными вариациями ферзевого гамбита и относительно неудачно играл против голландской, новоиндийской защит и защиты Нимцовича (+8—8=4).

Черными против 1. e4 Эйве играл очень успешно, отвечая, как правило, 1... e5 или 1... c5. В сицилианской защите он добился результата +25—4=6, а в испанской партии (он применял главным образом открытый вариант) +27—9=11.

Его противники терпели жестокое фиаско и при попытке избежать испанской партии. В «прочих» открытых дебютах Эйве достиг внушительного итога: +25—1=6.

Хуже складывались у него дела черными в закрытых дебютах. Правда, при отказе противника от прямолинейной центральной стратегии (английское и каталонское начала, дебют Рети) результат был очень высоким: +7—0=3. Но при 1. d4 поражения были не редки. Приводим данные по дебютам, наиболее часто применявшимся М. Эйве: ферзевый гамбит с e7 — e6 (+16—6=9), славянская за-

щита (+9—7=0), староиндийская защита (+30—8=8).

Однако прежде чем приступить к обсуждению этих результатов, необходимо выяснить вопрос, можно ли установить зависимость между применением определенного дебюта и результатом партии? Конечно, исход борьбы зависит не только от дебюта. Но и начало партии влияет на него — тем, что позволяет шахматисту получить более знакомую или соответствующую вкусу позицию. Поэтому выбор дебюта — одна из существенных причин результата игры.

Приведенные данные свидетельствуют о разносторонности и широте дебютных позиций Эйве. В партиях, где он играл белыми, встретилось 33 названия различных дебютов, черными — 24. В матче из 10 партий с Алехиным (1926/27 г.), в основном по «вине» Эйве, было 9(1) различных дебютов.

Укажем, что многие видные шахматисты предпочитали более ограниченный дебютный репертуар. Капабланка придерживался правила применять в каждом соревновании один-два дебюта за белых и черных.

Какой подход лучше? Ответ, по-видимому, зависит от сравнения глубины подготовки дебютных систем и умения гибко использовать разнообразие своего дебютного арсенала применительно к различным стилям игры противника.

Анализ партий показал, что Эйве превосходно знал конкретные рекомендации теории дебютов. На это указыва-

ло, в частности, то обстоятельство, что он охотно и успешно применял дебюты, игра в которых обычно носит форсированный характер и требует наличия обширных и точных знаний (открытый вариант испанской партии, защита двух коней, защита Тарраша и др.).

В области дебютной теории Эйве работал систематически, постоянно находился в курсе новостей и не повторял дебютных ошибок. Так, например, в партии Эйве — Шпильман (Пештьен, 1922 г.) было сыграно 1. d4 K f6 2. c4 e5 3. de K g4 4. e4 h5 5. K h3? Год спустя Ф. Земиш показал недостатки раннего развития коня на h3 (до хода C c5), и с Ж. Мизесом (Гастингс, 1923/24 г.) Эйве уже играл 5. K c3.

Вместе с тем Эйве не всегда критично относился к полученным сведениям и излишне доверял теории. Об этом свидетельствуют партии, в которых Эйве приходилось встречаться с дебютными неожиданностями. Новый план или даже новый ход в дебюте обычно вызывал у Эйве двойственную реакцию: с одной стороны, стремление немедленно опровергнуть новинку, наказать противника за нарушение «правил», с другой — чувство растерянности.

Рассмотрим начало партии Эйве — Рубинштейн (Гаага, 1921 г.): 1. e4 c5 2. K f3 K f6 3. e5 K d5 4. d4 cd 5. Ф :d4 e6 6. c4 K c6 7. Ф d1 K de7 8. C d2 K g6 9. Ф e2 Ф c7 10. C c3 b6 11. h4!? d6 12. ed C :d6 13.

**K b d 2 K f 4 14. Ф e 3 C c 5 15.
Ф e 4 f 5 16. Ф c 2 0—0.**

Дебют сложился не в пользу белых. Почему это произошло?

Эйве впервые встретился с системой 2... K f 6 в сицилианской защите. Были сделаны «резкие» ходы — 6. c 4 и 11. h 4, рассчитанные на наказание противника. А затем, когда из «карательных» мер ничего не вышло, наступила растерянность: вместо 13. K b d 2 значительно сильнее было 13. g 3.

Отсутствие гибкой реакции на «неожиданности» в дебюте сохранилось у Эйве и в дальнейшем. Отметим его партии с Алехиным (матч 1937 г.), Смысловым (Москва, 1948 г.) и др.

Для понимания своеобразия дебютной эрудиции Эйве мы специально остановились на анализе ошибок, сделанных им в этой стадии партии. Было выделено 56 дебютных ошибок. Лишь 10 из них относились к ошибкам конкретного расчета. Причем явных просмотров оказалось четыре: «зевок» ладьи в партии с Вирсма (1920 г.), коня — с Мизесом (1921 г.), пешки — со Спейером (1922 г.) и с Давидсоном (Амстердам, 1924 г.).

Чаще встречались ошибки в расчете сложных вариантов. При этом Эйве, как правило, не учитывал ответных ходов противника. Казалось, что он вел расчет только за себя. Так было, например, в партии Костич—Эйве (Будапешт, 1921 г.):
1. d 4 d 5 2. K f 3 K f 6 3. c 4 c 6
4. K c 3 C f 5 5. c d K : d 5 6. K d 2
C g 6 7. e 4 K f 6 8. e 5 K d 5 9.

C c 4 K b 4 10. 0—0 K c 2? 11. e 6!
f e 12. K d e 4 K : a 1 13. C : e 6.
У белых сильная атака.

Не говоря уже о сомнительном ходе 5... K : d 5, сделанном с целью решить проблемы тактическим путем, маневр 10... K c 2 окончательно скомпрометировал положение черных. Конечно, Костич не стал защищать ладью (что, видимо, Эйве считал обязательным), а немедленно перешел к атаке.

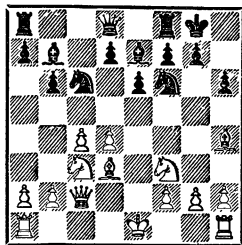
Надо сказать, что многие ошибки Эйве, и не только в дебюте, связаны с преувеличением роли материального фактора.

Но в целом была отмечена высокоразвитая конкретность мышления Эйве в дебюте. Просчеты встречались редко, и их удельный вес в общем балансе партий был очень невелик. Более серьезный характер носили ошибки Эйве в оценке позиции.

Эйве

Вена, 1921

Земиш

С указанными примерами расчета только «за себя» сходны случаи слишком оптимистичной оценки своих активных возможностей. С оборонительными планами противника Эйве считался далеко не всегда.

12. Ф e2 d5 13. Л d1 К b4
14. С b1 dс 15. К e5 Л с8 16. а3
К b d5 17. Ф с2 К :с3 18. С :f6
К e4 19. С :e7 Ф :e7 20. 0—0
Л f d8.

Выяснилось, что атака белых зашла в тупик.

Но надо отметить, что обычная самоуверенность изменяла Эйве, как только противник начинал беспокоить его короля. Опасность угроз зачастую преувеличивалась и предпринимались совершенно излишние защитительные меры.

Познакомимся с партией Эйве — Колле (Амстердам, 1926 г.). 1. d4 К f6 2. с4 e6 3. К с3 С b4 4. Ф с2 с5 5. К f3 К с6 6. dс С :с5 7. С g5 С e7 8. 0—0—0 Ф а5 9. а3 а6 10. e3 b6 11. С e2 С b7 12. К b1? b5 13. сb ab 14. Ф d3 Л с8 15. К с3 С :а3 16. С :f6 gf 17. Кр b1 С :b2 18. К а2 К e5 19. К :e5 С d5 20. Ф :d5 ed 21. К :d7 Л а8. Белые сдались.

Конечно, 8. 0—0—0 чересчур оптимистично, но главные ошибки белых дальше. Так, совершенно необоснованно ослабление позиции короля ходом 9. а3. Меньшим злом было допустить выпад К b4. Далее Эйве преувеличил опасность жертвы на а3. Это вызвало неоправданный отход коня. Правильно было хладнокровно занять поле b1 королем.

Наконец, вместо 18. К а2 необходимо было 18. Кр :b2. После 18... Ф b4+ 19. Кр а1! (19. Кр с2 К e5 20. К :e5 С e4 или 20. Ф d4 С e4+ 21. С d3 К :d3 22. Л :d3 Ф :d4 23. К :d4 b4 с выигрышем) 19... Л а8+ 20. К а2 0—0 21. Л d2 Л а3 22. Ф b1 Л fa8 у черных опасная,

вероятно, решающая атака, но так Эйве был обязан играть. При ходе 18. К а2 он проиграл без борьбы.

В сложных маневренных ситуациях Эйве полагался на известные образцы. Если же на доске не было ясных стратегических перспектив, то Эйве часто ошибался при выборе плана.

Рассмотрим начало партии Эйве — Капабланка (Лондон, 1922): 1. e4 e5 2. К f3 К с6 3. С b5 К f6 4. 0—0 d6 5. d4 С d7 6. К с3 ed 7. К :d4 С e7 8. Л e1 0—0 9. С f1 Л e8 10. f3 К :d4 11. Ф :d4 С e6 12. Ф f2 с6 13. С d2 Ф b6 14. К а4 Ф :f2+ 15. Кр :f2 d5 16. e5 К d7. Дебют сложился в пользу черных.

Белые допустили несколько ошибок: 10. f3; 13. С d2; 14. К а4; 16. e5. Причина в том, что белые оперировали отдельными ходами, не объединенными общей идеей, а единый план им найти не удалось.

Недостаточное умение выбрать стратегический план при переходе из дебюта в миттельшпиль было очень заметным недостатком в творчестве Эйве. Из-за этого он нередко почти без борьбы проигрывал таким специалистам позиционной игры, как А. Рубинштейн и Э. Грюнфельд.

Для изучения игры Эйве в дебюте был проделан также сравнительный анализ по периодам: 1) 1920 — 1922 гг., 2) 1923 — 1924 гг., 3) 1925 — 1927 гг. Этот метод полезен шахматисту и при подготовке. Он позволяет судить о направлении развития творчества шахматиста, а также о его ра-

боте над устранением недостатков.

Анализ показал, что за это время принципиальное отношение Эйве к дебютной подготовке не изменилось. Он сохранил разнообразный дебютный репертуар.

Заметно, что Эйве анализировал ошибки, сделанные в дебюте, и старался их исправить. Успешной оказалась работа там, где ошибки могли быть устранены путем конкретного исследования. Так, к примеру, Эйве забраковал ход 5... К:d5, который он сделал в партии с Костичем.

Однако в овладении искусством дебютной стратегии больших перемен не обнаружилось. Выбор плана при переходе в миттельшпиль оставался «ахиллесовой пятой» голландского шахматиста.

В практике индивидуальной подготовки часто возникает вопрос: в какой последовательности анализировать партии противника? Одни предлагают идти от последних соревнований к ранним, другие предпочитают прямой путь, от начала к концу.

Нам кажется, что метод «обратного движения» оправдан лишь тогда, когда нет возможности подробно изучить гворчество противника. Опыт показывает, что при подобном порядке изучения могут остаться нераскрытыми важные черты стиля и характера шахматиста.

Познакомимся теперь с тем, как Эйве использовал на практике свой широкий дебютный репертуар. Владение разнооб-

разными дебютными системами обычно бывает очень выгодным, поскольку позволяет применять то или иное оружие в зависимости от индивидуальных особенностей противника или турнирного положения.

Однако Эйве его широкая дебютная эрудиция особых практических выгод не принесла. По-видимому, выбор дебюта основывался лишь на степени его «проанализированности», а вкусы противника при этом не учитывались.

Например, в третьей партии своего матча с Алехиным (1927 г.) Эйве был буквально разгромлен в староиндийской защите. Выбор Эйве староиндийской защиты был, на наш взгляд, ошибочным. Вероятно, Эйве добросовестно анализировал этот дебют перед матчем. Но ведь дома всего не предусмотреть, да к тому же следовало принять во внимание следующие обстоятельства: 1) Алехин в те годы превосходно играл против староиндийской защиты (победы над Земишем, Рети, Ейтсом и др.), причем выбирал разнообразные, но близкие своему стилю атакующие системы; 2) Эйве уже проиграл Алехину в этом дебюте (Лондон, 1922 г.) и 3) Эйве часто играл староиндийскую защиту, и рассчитывать на эффект неожиданно не приходилось.

О недостаточной психологической проницательности Эйве свидетельствует, в частности, и сравнение успешности его игры белыми и черными. Игра черными имеет специфическое психологическое содер-

жание. Выбор направления борьбы здесь чаще определяется противником, и от играющего черными требуется большая гибкость, чтобы не оказаться «на буксире». Особенно трудно противостоять черными равному или более сильному сопернику.

Широкий дебютный репертуар Эйве облегчал ему применение гибкой тактики в игре черными. Но голландский шахматист не придавал значения изучению противников, и в итоге мощное дебютное оружие использовалось им с далеко неполной эффективностью.

Так, если мы обратимся к результатам встреч Эйве с шахматистами международного класса в период 1920 — 1927 гг., то увидим, что, играя белыми, он набрал 40 очков из 72, а черными лишь 21 из 58.

Интересно отметить, что этот же недостаток обнаружился у Эйве и двадцать лет спустя. Перед первенством мира 1948 г. Эйве сыграл с его участниками (он был пятым участником соревнования) 30 партий, причем белыми набрал 10,5 очка из 15, а черными лишь 5 из 15.

Итак, подведем резюме дебютной части нашего исследования. Оно показывает, что, играя с Эйве «образца 1920 — 1927 гг.», вряд ли стоило состязаться с ним в знании «официальной» теории. Следовало также остерегаться пассивных положений с ясным планом игры у Эйве. Очевидный позиционный перевес или инициативу он использовал очень хорошо. Конечно, нельзя было

рассчитывать и на то, что Эйве повторит конкретную ошибку в дебюте.

Но, с другой стороны, опасаться специальной персональной подготовки особенно не приходилось. У противников Эйве, даже при игре черными, сохранялась сравнительно большая свобода выбора. Учитывая это, следовало стремиться поставить Эйве в дебюте перед сложными стратегическими задачами и выбирать начала с нефорсированным маневренным характером борьбы. Очень выгодно было заготовить какую-либо новинку в дебюте, даже если она при правильном ответе не вела к преимуществу. Как правило, можно было ожидать сильного психологического эффекта неожиданности.

Не следовало также забывать об излишней самоуверенности противника, почтении к материалу и боязни прямой атаки на своего короля¹.

Миттельшпиль. Мы попытались составить своеобразный «смысловой словарь» шахматных идей, применявшихся Эйве в миттельшпиле. Для этого была сделана попытка выявить в его партиях и систематизировать основные элементы стратегии и тактики. В результате анализа мы надеялись получить данные об особенностях оценки и расче-

¹ Конечно, в этом и других подобных случаях, где речь идет о творчестве сильнейших шахматистов, надо иметь в виду, что все перечисленные недостатки носят относительный характер. Автор считает своим правом каждый раз это не оговаривать.

та, а также об успешности игры голландского шахматиста в нападении и обороне.

Необходимо было определить критерий для систематизации материала. При изучении стратегических моментов за основу были приняты признаки оценки позиции, выделенные самим Эйве в его изложении теории Стейница. Приводим перечень этих признаков: 1) материальный перевес; 2) преимущество в развитии; 3) подвижность фигур; 4) роль над центром; 5) положение короля; 6) сильные и слабые поля; 7) расположение пешек; 8) пешечный перевес на фланге; 9) открытые линии; 10) борьба разноименных легких фигур. Тем самым в группах были объединены ситуации со сходными стратегическими планами игры.

При анализе стратегических планов мы стремились также определить и конкретные средства их выполнения. Подобным способом выявлялись характерные для Эйве тактические приемы и комбинации.

Для понимания творчества шахматиста весьма важно определить «иерархию» его субъективных оценок значимости разнообразных элементов стратегии и тактики. Например, во многих позициях подчас невозможно установить, что лучше — выиграть пешку или сохранить инициативу при материальном равенстве. Зная же индивидуальную «шкалу ценностей» шахматиста, можно с большей вероятностью предвидеть его выбор. В на-

стоящем исследовании мы стремились выявить индивидуальную шкалу ценностей Эйве в оценке различных позиций.

Рассмотрим результаты анализа.

1. *Материальный перевес.* Обладая материальным перевесом, Эйве играл довольно успешно. Обычно он последовательно использовал свое преимущество. При этом не спешил форсировать события, а главное внимание сосредоточивал на пресечении контригры. Если позиция носила технический характер, то на ошибки со стороны Эйве рассчитывать не приходилось.

При материальном перевесе у противника Эйве играл не столь выдержанно и последовательно. Обычно он предпочитал завязать осложнения. Часто это лишь облегчало задачу противника. Так, в 6-й партии матча с Э. Колле (1924 г.), оставшись без пешки, Эйве, по-видимому, мог успешно защищаться, организовав блокаду по черным полям в центре. Этому способствовали разноцветные слоны. Вместо этого он снял блокаду и перебросил фигуры для атаки на короля. Из атаки ничего не получилось, и Эйве проиграл.

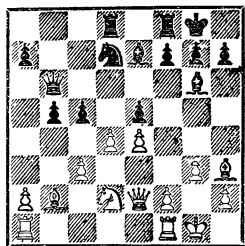
Эйве в исследуемый период был ярко выраженным «материалистом» в шахматах. Обычно он с охотой принимал жертвы, а сам гораздо реже шел на материальные затраты. Причем значение материала он часто преувеличивал, особенно по сравнению с факторами не столь постоянного

характера (перевес в развитии, открытая линия и т. п.).

Эйве

Пештьен, 1922

Трейбал

Здесь белые могли избрать план с 16. d5 и 17. a4. Однако они предпочли выиграть пешку, недооценив контригру черных по открытой линии «d».

16. С: d7 Л: d7 17. de c4 18. Кр g2 Л fd8 19. Л fd1 С h5 20. f3 Л d3 21. g4 Л e3 22. Ф f2 Л ed3 23. Ф e2 С g6 24. К f1 h5 25. h3 hg 26. hg Ф e6 27. Л: d3 cd 28. Ф e3 Ф: e5. Выяснилась необоснованность «пешкоедства» белых. Вскоре они проиграли.

2. *Преимущество в развитии.* Если представлялась возможность использовать перевес в развитии конкретными тактическими средствами, то Эйве осуществлял эти операции превосходно. Рассмотрим 4-ю партию матча Эйве — Мароци (Гаага, 1921/1922 г.): 1. e4 e5 2. f4 С c5 3. К f3 d6 4. c3 С g4 5. fe de 6. Ф a4+ С d7 7. Ф c2 Ф e7? 8. d4! ed 9. cd С b4+ 10. К c3 С c6? (10... К f6) 11. С d3 С: c3+ 12. bc С: e4? 13. С: e4 f5 14. 0—0 fe 15. Ф b3! c5 16. С a3 К f6 17. С: c5 Ф f7 18. c4 b6 19. К g5 Ф d7 20. Л: f6! gf 21. К: e4 Ф e6 22. Л e1 bc 23. К: f6+

+Кр f7 24. Ф b7+. Черные сдались.

Из двадцати партий со сходным содержанием борьбы Эйве ошибся лишь в одной. Зато в семи встречах, где перевес в развитии следовало использовать оригинальным стратегическим путем, он трижды не находил верного решения.

При комбинационном использовании лучшего развития Эйве шел на жертвы. Цель жертв, как правило, однотипна — открыть линии в центре для прямой атаки на короля или вторжения ладьей на предпоследнюю горизонталь.

Благодаря широкой дебютной эрудиции Эйве обычно успешно решал проблему развития сил. Игнорировал принцип развития он крайне редко, в основном ради пресловутого «пешкоедства».

3. *Подвижность фигур.* Эйве предпочитал позиции открытого характера. В положениях с заблокированными пешечными целями он играл менее успешно. Особенно не любил он, когда на пути движения слонов возникали пешечные заграждения.

Если подвижность собственных фигур была ограничена, Эйве предпринимал, как правило, энергичные и немедленные (порой излишне торопливые) меры к их активизации. При этом он чаще всего использовал следующие тактические приемы: подрыв пешечной цепи, мнимую жертву, размен блокирующих фигур противника. В общем, Эйве лучше играл «на просторе».

В свою очередь, Эйве изменял планы, целью которых было ограничение подвижности отдельных фигур противника. Чаще всего он пытался расположить пешки на пути неприятельского слона.

Ограничения подвижности коня противника Эйве обычно стремился достичь комбинированными действиями слона и пешек. Любопытно, что слон был, пожалуй, самой любимой фигурой голландского чемпиона. Многие планы и комбинационные мотивы обусловлены дальнобойностью слона. Хочется обратить внимание на «любимые» фигуры других шахматистов — ладью у Рубинштейна, коня у Петросяна. Подобные наблюдения не только представляют интересную подробность, но имеют и некоторое практическое значение. Было, например, установлено, что 70(!) процентов ошибок пришлось у Эйве на позиции, в которых его слоны оказались размененными или не принимали участия в борьбе.

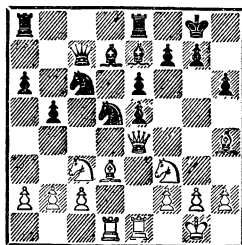
Хотя замечание о «любимых» фигурах, может быть, прозвучит необычно, но это отнюдь не лишний штрих в характеристике шахматиста: такие детали учитывались при подготовке к ряду крупных соревнований последних лет.

Случаи ограничения подвижности ферзя или ладьи противника встречались в партиях Эйве сравнительно редко. Отметим лишь прием завлечения ферзя в расположение рокировавшегося короля, который несколько раз встретился в партиях М. Эйве.

Рюб

Амстердам, 1925

Эйве

17... С : h4! 18. Фh7 + Крf8
19. К : h4 К f6 20. Ф h8 + К g8
21. С h7 К e7 22. Л e3 С c6,
и в дальнейшем сказалось экспонированное положение ферзя белых.

Сходные мотивы можно видеть в партии, сыгранной почти 30 лет спустя. Мы имеем в виду встречу Геллер — Эйве (Цюрих, 1953 г.).

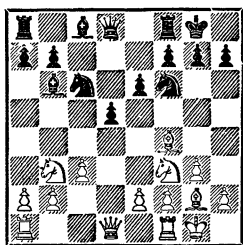
4. *Контроль над центром.*
При решении проблемы центра Эйве руководствовался двумя основными целями — придать позиции возможно более открытый характер и получить преимущество в пространстве.

Его идеалом, являлся так называемый классический центр — пешки e4 и d4 за белых и e5 и d5 за черных. Под прикрытием классического центра легче было готовить фигурное наступление на короля. Если создать классический центр не удавалось, то Эйве обычно стремился к завоеванию пространства в центре.

Охотно и успешно играл Эйве позиции с пешкой d4 (или d5 за черных), если противник уже разменял свою пешку «d» и сразу не мог осуществить освобождающих маневров c7 — c5 или e7 — e5.

Шпейер

Амстердам, 1925

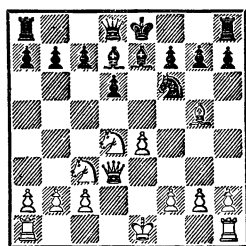

Преимущества, конечно, у черных нет. Но Эйве любил играть такие позиции черными, поскольку белые сразу не могут атаковать центр и у черных есть время для подготовки активных действий.

Скромнее были его достижения при пешке e4 против пешки d6.

Эйве

Гаага, 1921

Объясняется это двумя обстоятельствами: 1) в подобных позициях создать классический центр невозможно; 2) захват пространства часто связан с разменом белопольного слона, а без этого слона Эйве испытывал большие трудности с выбором активного плана.

При двойном пешечном контроле над центром (пешки c4 и e4 против пешки d6) дела Эйве шли лучше. Здесь он обычно проводил план с переводом коня на d5 и после раз-

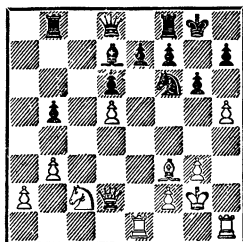
Эйве

мена этого коня брал пешкой «е». В дальнейшем он играл на атаку королевского фланга.

Эйве

Гаага, 1923

Давидсон

Анализ показал, что уступка центра была плохим средством борьбы против голландского шахматиста. Обычно он с большим искусством использовал перевес в пространстве.

Эйве не любил, когда противник создавал прочный пешечный костяк в центре. В таких случаях он стремился любыми средствами взорвать пешечное расположение. При этом он часто упускал из виду другие особенности позиции.

Показательна партия Алехин — Эйве (Лондон, 1922 г.):

1. d4 K f6 2. K f3 g6 3. C f4 C g7 4. K bd2 c5 5. e3 d6 6. c3 K c6 7. h3 0—0 8. C c4 Л e8. Черные во что бы то ни стало стремятся провести e7 — e5 для атаки центра белых, но забывают о слабости пункта f7.

9. 0—0 e5 10. de K : e5.

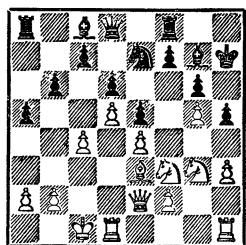
Черные осуществили свой план, однако после 11. C : e5! de 12. K g5 C e6 13. C : e6 fe 14. K de4 K : e4 15. Ф : d8 Л e : d8 16. K : e4 получили безрадостный эндшпиль. Эту позицию Эйве проиграл.

При закрытом центре Эйве проводил немедленные операции по подрыву центра.

Тарраш

Амстердам, 1923

Эйве

Черные задумали вскрыть центр путем b5 и c6. Благодаря неточной игре противника им удалось достичь цели.

17... Ф e8 18. Кр b1 С a6 19. Л c1 Ф d7 20. Ке1 b5 21. c5 Л h8 22. -К f3? dc 23. Л :c5 c6 24. Л d1 cd 25. ed Л ac8 26. Л :c8 Л :c8 27. С b6 К :d5, и черные вскоре выиграли. Главная ошибка Тарраша — 22. К f3, что позволило черным осуществить свой план. Необходимо было 22. c6.

Когда центр был надежно блокирован, Эйве часто не удавалось найти правильный план игры. Особенно это относилось к нестандартным позициям. Здесь проявлялись его недостатки в умении находить оригинальные стратегические решения.

5. *Положение короля.* Этот фактор наряду с материальным перевесом Эйве обычно предпочитал другим при выборе решения. Атаковал короля он часто и с успехом.

При короле противника в центре Эйве, как правило, стремился к вскрытию обеих центральных вертикалей. Пешеч-

ные прорывы или размены в центре служили обычно предлюдей к фигурной атаке. В этом отношении он отличался от некоторых других мастеров, нередко использовавших для атаки на короля пешечную массу в центре (Филидор, Нимцович, Бронштейн).

Если пешечные размены в центре осуществить не удавалось, то типичным средством вскрытия игры была жертва фигуры, разрушающая пешечный центр противника (см., например, партию Эйве — Мароци, которая приведена раньше). Сравнительно реже применялись жертвы отвлекающего характера.

Следует отметить, что жертвы фигур и пешек при атаке нерокировавшегося короля точно рассчитывались. Во всяком случае, почти всегда можно было установить наличие ясной компенсации за проведенную жертву. Интуитивных жертв Эйве избегал.

Приводим партию Эйве — Венинк (Амстердам, 1927 г.).

1. d4 d6 2. К f3 К f6 3. g3 К bd7 4. С g2 e5 5. c4 c6 6. К c3 e4 7. К d2 d5 8. f3 ef 9. С :f3 Ф b6 (9... К b6!) 10. e3 С b4 11. cd С :c3? 12. bc cd 13. С a3 Ф e6 14. 0—0 К e4 15. К :e4 de 16. С g4 Ф c4 17. Ф c2 Ф c6 18. d5 Ф c4 19. Л ad1 К f6 20. Л d4 Ф a6 21. Л :e4+ К :e4 22. Ф :e4+ С e6 23. Л :f7 0—0 24. Ф :e6+. Черные сдались.

Если король находился на фланге, то Эйве, как правило, стремился к фигурной атаке. Пешечный штурм в его партиях — явление редкое. Вообще в миттельшпиле Эйве

Отметим также, что Эйве охотно играл миттельшпильные позиции с разноцветными слонами, поскольку в них легче вести атаку.

От атаки на собственного короля Эйве защищался неуверенно. Опасности он порой преувеличивал и, забыв обо всем другом, начинал укреплять расположение короля. В результате защита велась неэкономными средствами и для создания контригры на другом участке доски не хватало сил.

Иногда Эйве, опасаясь атаки на короля, неоправданно форсировал размены ферзей и других фигур, правда избавляясь от прямого нападения, но усугубляя другие минусы своей позиции.

Таким образом, игра на атаку оказывалась против Эйве эффективным средством. Отметим, что этот недостаток сохранился у голландского гроссмейстера и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют, к примеру, партии матча с Алехиным (1937 г.) и матч-турнира на первенство мира (в 1948 г.).

6. Сильные и слабые поля.
Эта стратегическая проблема встречалась в партиях Эйве сравнительно редко. Он не придавал большого значения использованию слабых полей в расположении противника. Так, в партии с Хартингсвелтом (1923 г.) он добровольно ликвидировал слабое поле в лагере противника ради открытия диагонали для слона (что оказалось неправильным). Очевидно, перспектива использования слабых полей субъек-

тивно значила для него меньше, чем другие стратегические соображения.

Отметим также, что относительное невнимание Эйве к сильным и слабым полям, по-видимому, объясняется еще и тем, что он не очень верил в позиционный эффект владения открытой линией. А оба этих метода тесно связаны на практике.

Если все же приходилось играть на использование слабых полей, то у Эйве лучше получались шаблонные переводы коней. Укажем для примера на партию Тарраш — Эйве (Пештьен, 1922 г.), в которой черным удалось поставить на d4 «вечного» староиндийского коня.

1. d4 K f6 2. c4 d6 3. K f3 K bd7 4. K c3 e5 5. e4 g6 6. C e3 C g7 7. de.

Сомнительный размен, избавляющий черных от забот о центре.

7...de 8. h3 c6 9. Ф d2 Ф e7 10. 0—0—0 0—0. У черных ясный план — перевод коня на пункт d4 и пешечная атака на ферзевом фланге. В предвидении пешечной атаки белые меняют ферзей, но план перевода коня нейтрализовать им не удастся.

11. Ф d6 Ф : d6 12. Л : d6 Л e8 13. C g5 C f8 14. Л d2 (14. Л : f6 Kpg7!) 14... Kpg7 15. C d3 C b4 16. Kp c2 K c5 17. a3 C : c3 18. C : f6+ Kp : f6 19. Kp : c3 Л d8 20. C c2 Л : d2 21. K : d2 K e6 22. g3 a5 23. K f3 c5.

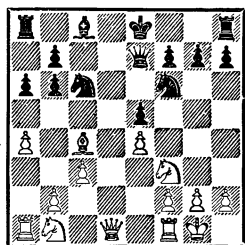
Вторжение коня на d4 обеспечено. Позиционный перевес черных беспорен. В дальней-

шем Эйве технически четко реализовал преимущество.

Эйве

Висбаден, 1925

Земмиш

В тех случаях, когда слабое поле в лагере противника занимал слон, Эйве играл менее уверенно. Он любил располагать слонов в тылу. Поэтому слонами, находящимися в центре сражения, он управлял не столь умело.

11. С d5 0—0 12. К bd2 (12. h3!) 12... С g4 13. К c4 Л ad8 14. Ке3 С h5 15. Ф e2 Ф c7 16. Л fd1 Ке7 17. c4 Кf:d5 18. К:d5 К:d5 19. Л:d5 Л:d5 20. ed f6 21. Ф d3 С:f3 22. gf Ф d6 23. b3 f5 24. Ле1 Лf7 25. b4 g6 26. c5 bc 27. bc Ф:c5 28. Л:e5 b5 29. Ле8+ Лf8 30. Л:f8+ Кр:f8 31. ab. Белые растеряли преимущество. Ничья.

7. *Расположение пешек.* Рассмотрим типичные особенности пешечного расположения.

а. *Изолированная пешка.* Эйве охотно шел на образование центральной изолированной пешки в своем лагере. В 16 рассмотренных партиях он набрал 13 очков, причем продемонстрировал высокое качество игры.

Изолированная пешка возникала у него чаще за черных

(в защите Тарраша и других разветвлениях ферзевого гамбита). При этом Эйве стремился не к защите, а к активной фигурной игре на полях вокруг пешки. Конь часто направлялся на e4 (на e5 для белых), а ферзь — на a5 и b6 (a4 и b3 для белых). Ладьи действовали по смежным с пешкой вертикалям. Важно подчеркнуть, что в подобных позициях он вел преимущественно фигурную борьбу и, как правило, воздерживался от обязывающих пешечных ходов (например, ходов f7 — f5 или f2 — f4 при изолированной пешке «d»).

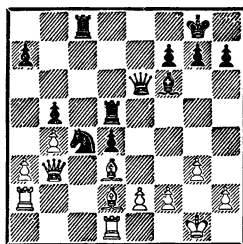
В ходе игры он избегал образования «висячей» пешечной пары в связи с разменом фигур на соседних с изолированной пешкой вертикалях.

При возможности Эйве любил продвигать изолированную пешку на пятую горизонталь, чтобы ограничить подвижность сил противника.

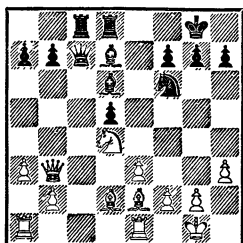
Ломан

1921

Эйве

Эйве стремился не допустить блокады изолированной пешки без активных контршансов со своей стороны. Он часто использовал прием размена коня на одного из слонов противника, чтобы самому играть с двумя слонами.

18... К е4! 19. Л еd1 К : d2
20. Л : d2 Ф а5.

У черных хорошая игра. Они собираются организовать атаку на королевском фланге, имея в виду маневр С b8 и Ф с7. Белые не успевают взять под контроль линию «с» (21. Л dd1? С а4).

Сам же против изолированной пешки Эйве играл менее уверенно. Его, как правило, не привлекала игра на надежную блокаду такой пешки с постепенным усилением давления. Поэтому он обычно стремился к немедленному тактическому решению этой проблемы.

Например, в партии Эйве — Пост (матч Голландия — Германия, 1922 г.) было 1. d4 d5 2. К f3 К f6 3. с4 е6 4. К с3 с5 5. cd ed 6. g3 К с6 7. С g2 С е6 8. 0—0 С е7 9. dc С : с5 10. К а4 С е7 11. С е3 b6 12. К d4 К : d4 13. С : d4 0—0 14. К с3 Ф d7 15. Ф b3 К е4.

И здесь вместо капитального Л fd1 последовало 16. К : е4(?) de 17. Ф е3 Л ad8 (лучше 17... f5) 18. Л ad1 Ф а4 (нельзя 18... С с5 из-за 19. С : с5! или 18... С f6 19. С : f6 Ф : d1 20. Ф g5) 19. Ф : е4 Ф : а2 20. Л а1 Ф с4 21. е3 Л d7. Положение белых несколько пред-

почтительнее в связи с сильной позицией слона на d4.

б. Висячие пешки. Эйве успешнее играл, имея висячие пешки, чем против них. Обычно он пользовался сравнительно редким методом — продвигал ближайшую к краю доски пешку (например, при пешках с5 и d5 проводил план с5 — с4, а не d5 — d4). Этот план Эйве связывал с идеей образования проходной пешки.

в. Отсталая пешка. Эйве обычно не занимался ее блокадой или длительным маневрированием на соседних участках доски. Он предпочитал прямое нападение на отсталую пешку.

Эйве старался не создавать в своем лагере отсталой пешки. Но если это не удавалось, он переходил к немедленным тактическим операциям, стремясь быстрее вызвать кризис. Несмотря на объективную неосновательность большинства подобных решений, ему обычно удавалось запутать противника и продемонстрировать активную комбинационную защиту высокого качества.

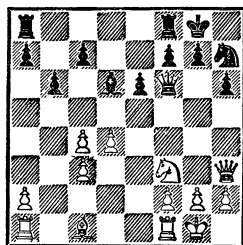
г. Сдвоенные пешки. Такие ситуации встречались у Эйве редко. Во всяком случае, по собственной инициативе он обычно пешек не сдваивал, видимо не любя сопутствующего им ограничения подвижности пешечного комплекса в целом.

Со сдвоенными пешками у себя Эйве играл с посредственным результатом. В 28 партиях он набрал 15 очков, причем проиграл 9 партий. Дела шли успешно, если сдвоенные пешки способствовали укреплению

лению классического пешечно-го центра. В других случаях Эйве играл очень неуверенно.

Эйве

Гаага, 1921

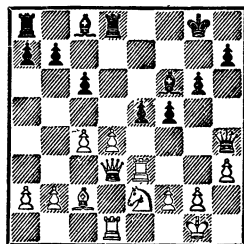
Давидсон

свои надежды с проходной пешкой в центре.

Эйве

Гаага, 1921

Фонтейн

Стремление играть только на атаку привело белых к катастрофе. 16 Л e1 Л fe8 17. К e5 К f8 18. Л e3 С :e5 19. de? (лучше 19. Л :e5) 19... Ф f5 20. g4? Ф f4 21. g5 Ф :g5+ 22. Л g3 Ф :e5 23. С :h6 К g6 24. С g5 К f4 25. С :f4 Ф :f4, и черные выиграли.

Борьба против двоянных пешек не отличалась у Эйве разнообразием приемов. Он, как правило, не занимался блокадой, как это любил делать Нимцович, а старался организовать прямое фигурное нападение. Обычно это не приносило успеха.

д. Проходная пешка. План игры, основанный на использовании проходной пешки, Эйве применял часто. Наряду с тривиальными приемами — переходом в эндшпиль, продвижением пешки в ферзи и другими — Эйве успешно использовал проходную пешку как эффективное средство защиты, отвлекающее фигуры от атаки на короля.

Белые столкнулись с трудностями. На предыдущем ходу Эйве мог пожертвовать качеством, но он предпочел связать

26. d5 cd 27. cd f4.

Спорное решение. Хорошо было 27... Ф h4 или 27... b6. Однако на первый взгляд и ход, сделанный в партии, силен. 28. g3.

Заслуживало внимания 28. Л e4, и если 28... С f5, то 29. К c3. Но Эйве не любит жертвовать!

28... Ф g5 29. h4! Ф g4 30. f3 Ф h3 31. g1 ef 32. К :f4 Ф g3+.

Если 32... Ф :h4, то 33. К g2 Ф b4 34. d6!

33. К g2 С f5?

Ошибка, после которой преимущество переходит к белым. Сильнее 33... С h3 34. Ф e2 (34. Л e2 С e5!) 34... С :h4 (34... С :b2 35. d6! с угрозой 36. С b3+) 35. d6 С :g2 36. Ф :g2 Л :d6 37. Ф :g3 С :g3 38. Л e7, но белые все же должны добиться ничьей. В этих вариантах хорошо видна защитительная сила проходной пешки белых.

Партия закончилась так: 34. Ф e2 С :c2 35. Ф :c2 С :h4 36. d6! С f6 37. Ф b3+ Кр h8 38. Ф e6 Ф g5? 39. Л d5. Черные сдались.

Эйве редко шел на изменение обычного соотношения материальных сил, но ради дале-

ко продвинутой проходной пешки отваживался даже на не совсем ясные позиционные жертвы.

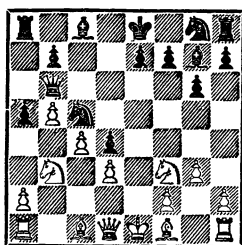
Против проходных пешек он боролся далеко не столь уверенно. Если у него не было контратаки на короля, то Эйве переоценивал их опасность.

8. *Пешечный перевес на фланге.* В качестве стратегического фактора в большинстве случаев фигурировал пешечный перевес на ферзевом фланге. При этом делалась рокировка на другом фланге.

Эйве

Алехин

1926/27

Имея пешечный перевес на ферзевом фланге, Эйве чаще всего не уповал на выгоды грядущего эндшпиля, а уже в миттельшпиле пытался использовать этот фактор.

Белые наметили план быстрого продвижения пешки «с».

11. К : с5 Ф : с5 12. С g2 К h6 13. 0—0 0—0 14. a4! Л e8 15. Л e1 С f5.

Дальнейшее тривиально, что, впрочем, ни в коей мере не умаляет ясную и последовательную игру белых:

16. С a3 Ф c7 17. c5! Л ad8 18. Kg5 Cf6 19. Ke4 Cg7 20. Фd2 Kg4 21. b6 Ф c8 22. c6! bc 23. Ф : a5 Ke5 24. Ф d2 Ф a6 25. a5 К : d3 26. К c5 К : с5 27. С : с5

Ф b5 28. С : e7 Л c8 29. С f1 Ф b3 30. Л a3 Ф d5 31. b7 Л b8 32. a6 С c8 33. bcФ, и белые вскоре выиграли.

Пешечный перевес на ферзевом фланге часто образовывался благодаря «слабости» Эйве к материальным приобретениям. Так, черными в различных схемах ферзевого гамбита он с охотой защищал пожертвованную противником пешку на с4.

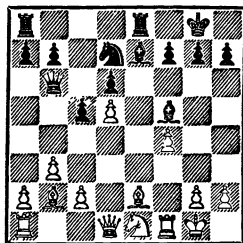
Если пешечным перевесом на ферзевом фланге обладал противник, то Эйве предпочитал не мириться с этим и либо начинал отчаянную контратаку на другом фланге, либо организовывал своеобразную атаку меньшинства против пешек противника на ферзевом.

9. *Открытая линия.* При отсутствии ясных комбинационных мотивов Эйве придавал владению открытой линией сравнительно меньшее значение, чем другим элементам стратегии. Это был существенный недостаток его игры. Недооценку стратегического значения открытой линии иллюстрирует следующий пример.

Эйве

Кроне

Гаага, 1923

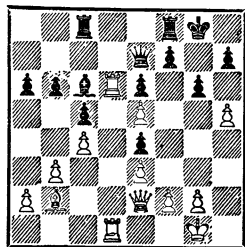
16. g4? С e4 17. c4 f5! 18. g5 С f8 19. Ф d2 Л e7 20. С d3 Л ae8 21. К c2 Ф d8 22. С : e4

Л : e4 23. Л a e1 К b8 24. К e3
 Ф d7 25. Ф c3 К a6 26. Л f3 К c7
 27. Л e1 b5 28. a3 b4 29. ab cb
 30. Ф d2 К a6, и белые оказа-
 лись в беспомощном поло-
 жении.

Эйве

Чепунов

Париж, 1924

Трудно предположить, что белым не удастся выиграть. Однако борьба завершилась ничьей. Эйве прельстился пешкой, передал владение открытой линией противнику и в конце концов растерял преимущество.

10. *Борьба разноименных легких фигур.* Эйве обычно стремился получить двух слонов против коней или слона и коня противника. Это связано с пристрастием Эйве к позициям открытого характера. Два слона были любимым его оружием в середине игры. Часто они использовались для прямой атаки на короля во взаимодействии с ферзем.

Сравнительно реже слоны применялись для наступления на ферзевом фланге. Иногда Эйве удовлетворялся наличием двух слонов в качестве компенсации за слабости пешечного расположения. Так, например, он не любил сдвоенных пешек в собственном ла-

гере, но допускал их образова-
 ние ради двух слонов.

Если два слона были у противника, то Эйве упорно стремился к размену хотя бы одного из них. Во многих случаях это не оправдывалось требованиями позиции, но Эйве все же настойчиво проводил разменные операции.

Таким образом, преимуществу двух слонов Эйве придавал важное значение: Явно большее, чем, например, владению открытой линией или даже расположению пешек. Однако сравнительный анализ показал, что материальное преимущество расценивалось им выше.

При размене одного из слонов Эйве обычно стремился остаться со слонем против коня. Как уже отмечалось, он умело использовал боевую мощь слона.

При соотношении «слон против слона» М. Эйве играл не так успешно. Нередко он не придавал должного значения возможности использовать плохого слона противника в предстоящем эндшпиле, а увлекался тактическими мотивами.

Больших достижений добивался Эйве, если на доске действовали разноцветные слоны. В миттельшпиле ему удавалось создавать опасные угрозы королю противника.

11. *Иерархия стратегических признаков.* В результате сравнительного анализа была выявлена шкала субъективных ценностей, которой руководствовался Эйве при оценке позиции и выборе решения. Согласно этой шкале, стратегические

факторы располагались по значимости в следующем порядке. 1) опасное положение собственного короля; 2) материальное преимущество; 3) атака на короля противника; 4) развитие фигур; 5—6) подвижность фигур и пешек, контроль над центром; 7) наличие двух слонов; 8—9) расположение пешек и наличие слона против коня; 10) пешечный перевес на фланге; 11—12) сильные и слабые поля и открытая линия.

Это означало, что при наличии примерно равноценного выбора Эйве в большинстве случаев предпочитал выигрыш пешки атаке на короля; предпочитал двух слонов пешечному перевесу на фланге при однозначных легких фигурах и т. д.

Конечно, приведенная шкала субъективных ценностей не является абсолютным критерием во всех случаях. Иерархия установлена на основании относительной частоты учета испытуемым какого-либо фактора сравнительно с другими. Принимались во внимание лишь те ситуации, в которых объективный анализ позиции не позволял предпочесть какой-либо план и выбор определялся вкусом шахматиста.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на свою известную условность, исследование субъективных оценок шахматистов имеет огромное практическое значение.

Сделаем краткие выводы. В результате анализа были выявлены следующие основные стратегические минусы творчества М. Эйве: а) переоценка

своих атакующих возможностей; б) недостаточное умение вести длительную позиционную защиту, стремление к быстрой разрядке напряжения в подобных ситуациях; в) относительная прямолинейность и стандартность планов игры; г) неуверенная игра при нарушении обычных материальных соотношений.

О всех этих недочетах, за исключением последнего, подробно сказано выше. Что касается нарушения обычного материального соотношения сил, то растерянность и неудачная игра Эйве в подобных ситуациях видны довольно явно. Особые неприятности принесла ему проблема жертвы качества. В партии с Шельфухтом (Нимеген, 1921 г.) он не решился пожертвовать ладью за коня и из-за этого проиграл. Со Зноско-Боровским (Лондон, 1922 г.) и Апшеником (Париж, 1924 г.) жертвовал, но опять без успеха. Наконец, в Будапеште в 1921 г. буквально вынудил Г. Штейнера отдать качество, и снова итог был печальным.

Не принесли ему успеха позиционные жертвы двух легких фигур за ладью и другие предприятия подобного рода. Все это позволяет заключить, что Эйве недостаточно глубоко оценивал позиции с меняющейся ценностью фигур.

Перейдем к тактике. Как видно из проведенного анализа, Эйве применял разнообразный набор тактических приемов: мнимую жертву, атаку по диагонали, двойной удар и т. п. Анализ показал высокую точ-

ность его конкретного расчета. «Зевков» у Эйве почти не было. Во всяком случае, из 483 рассмотренных партий лишь в четырнадцати можно обнаружить явные просчеты. В пропорциональном отношении у Эйве было меньше тактических ошибок, чем у Чигорина, Рубинштейна и многих других крупных шахматистов.

В подавляющем большинстве случаев партии Эйве могли служить образцами далекого и аккуратного расчета, и не только в инициативных позициях, но и тогда, когда приходилось вести защиту, основанную на комбинационных тонкостях.

Недостатки расчета Эйве были связаны не с какими-либо конкретными элементами тактики, а с явлениями более общего порядка. Эйве часто не учитывал промежуточных ходов противника. По-видимому, эти недочеты объяснялись переоценкой своих активных возможностей, излишней самоуверенностью, а также недостаточным пониманием противника как человека.

При проведении тактических операций Эйве больше доверял расчету, чем интуитивному «видению». Это не случайно. При интуитивных решениях ошибок у него было больше.

Таковы соображения об основных особенностях стратегического и тактического аспектов игры Эйве в миттельшпиле.

Перейдем теперь к обзору заключительной стадии партии.

Эндшпиль. Анализ показал превосходное знание

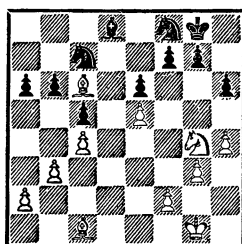
Эйве теории окончаний. Этим он заметно выделялся среди современников. Так, даже Капабланка «подзабыл» правило «длинной стороны» в ладейных окончаниях в партии с В. Менчик (Гастингс, 1930/31 г.). В практике Эйве подобных казусов не было.

Наряду с запасом точных знаний М. Эйве хорошо владел навыками игры в типичных эндшпильных позициях. Конкретный расчет также отличался высокой точностью.

Эйве

Амстердам, 1927

Давидсон

31. h5 K h7 32. Kp g2 f5 33. ef K :f6 34. K :f6+ C :f6 35. C f4 e5 36. C e3 a5 37. Kp f3 Kp f7 38. Kp e4 K e6 39. C d5 Kp e7 40. C :e6 Kp :e6 41. C d2 C e7 42. C c3 C d6 43. g4. Черные сдались.

Особой целеустремленностью отличалась его игра при реализации материального преимущества. Лишь однажды (в партии с Фонтейном) он «выпустил» достаточный для выигрыша материальный перевес. При реализации позиционного преимущества «огрехов» было несколько больше, но все же это были исключения.

В защите Эйве не любил придерживаться пассивной тактики и в поисках контригры

прибегал даже к жертвам (что вообще для него было нехарактерно). Правда, жертвы предпринимались потому, что в эндшпиле по сравнению с миттельшпилем яснее можно учесть их последствия.

Чаще всего встречались следующие приемы защиты: 1) жертва пешки для получения разноцветных слонов; 2) жертва пешки ради получения сильного слона; 3) жертва качества для построения позиционной крепости и 4) жертва фигуры для образования проходных пешек, борющихся с конем противника.

Любопытно, что в ладейных окончаниях жертва пешки для активизации ладьи почти не применялась Эйве. В то время эти окончания были не столь изучены и игра в них требовала большей опоры на интуицию.

Так же как и в середине игры, Эйве стремился в эндшпиле к открытым позициям, предпочитая играть с двумя слонами или хотя бы со слонот против коня. Известно теоретическое положение о том, что ферзь с конем обычно сильнее ферзя и слона. Но и при этом соотношении сил Эйве оставался верным слону. Надо отдать должное: ему удавалось создавать позиции, в которых слон лучше гармонировал с ферзем, чем конь.

Превосходно играл Эйве пешечные окончания. В них сказывалась, конечно, аккуратность его расчета. В ладейных эндшпилях он играл увереннее при наличии на доске двух ладей. Возможно, при че-

тырех ладьях он опасался атаки на собственного короля.

С меньшей четкостью оперировал Эйве в коневых окончаниях, а также в сложных эндшпилях, в которых еще не определялся план игры.

В общем можно констатировать, что многие характерные черты творческого облика Эйве, отмеченные при анализе миттельшпиля, проявлялись и в эндшпиле. Это, впрочем, естественно.

* *

*

Занимаясь анализом партий будущего противника, полезно попытаться определить качество его игры в отложенных партиях. Это весьма существенно для правильного предвидения действий противника при доигрывании.

К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть эту тему на примере творчества М. Эйве. Поэтому ограничимся несколькими общими соображениями.

При изучении этой проблемы, по-видимому, целесообразно выделить следующие моменты: 1) общее заключение о качестве игры в отложенных партиях; 2) качество игры в позициях различного творческого содержания; 3) качество игры в лучших, равных и худших позициях; 4) изобретательность в нахождении оригинальных стратегических и комбинационных идей; 5) умение предвидеть направление анализа противной стороны.

Необходимо также составить мнение о качестве секретных ходов, записываемых про-

тивником при откладывании партий.

Все это поможет получить ценные сведения об искусстве домашнего анализа того или иного шахматиста. Следует подчеркнуть, что во многих случаях анализ отложенных партий не ограничивается точным расчетом. В подобной работе, как правило, ярко проявляется индивидуальность шахматиста.

О качестве анализа Алехина Эйве писал: «...больше всего я восторгаюсь его стилем доигрывания отложенных партий, тем более что мне тоже приходилось анализировать все эти положения, и я знал их досконально. Когда я думаю о том, какие творческие идеи вкладывал подчас мой противник в доигрываемые позиции, какие неожиданные выходы он находил я проникаюсь величайшим восхищением его мастерством» [29, 37].

* *
*

Итак, мы проделали подробный анализ творчества Эйве за период 1920 — 1927 гг. Конечно, анализ партий голландского гроссмейстера не являлся самоцелью. Мы стремились показать на этом примере программу изучения шахматиста при помощи анализа его партий.

Естественно, что в практике шахматной подготовки не всегда есть условия для тщательного анализа партий противника (малое количество партий, ограниченные сроки

подготовки). Но и в этих ситуациях применение принципов предложенной методики вполне возможно и обосновано. Опыт показал, что систематизированный анализ даже сравнительно небольшого количества партий (например, 15—20) может дать объективную и ценную информацию о сопернике. Важно при этом, однако, не забывать, что необходим анализ всех стадий партии, а не только дебютов. Подборка партий не должна быть тенденциозной. Нельзя, например, ограничиваться только выигранными или только проигранными партиями. Это лишь приведет к искажению характеристики противника.

Следует также сказать, что обстоятельный анализ партий необходим при изучении собственного творчества. Для осуществления обширной программы исследования в этой области всегда есть все соответствующие условия: если иногда действительно трудно собрать достаточно представительную выборку партий соперников, то уж свои собственные партии шахматист обязан иметь! Значение подробного анализа собственных партий для совершенствования шахматиста трудно переоценить.

Отметим, что анализ партий — важный, но отнюдь не универсальный способ изучения шахматиста. Успех в понимании психологии противника (да и собственного творчества) достигается, как правило, при сочетании анализа партий с другими методами исследования.

Анализ игровых ситуаций

При составлении индивидуальной характеристики шахматиста важные данные можно получить, изучая его поведение в различных игровых ситуациях.

Многие игровые ситуации возникают в связи со стремлением соперников достичь определенных спортивных целей (результатов).

Поэтому мы сочли возможным широко использовать для анализа игровых ситуаций количественные показатели деятельности шахматистов. При этом следует отметить, что сравнивать подобным образом эффективность деятельности шахматистов удобно, поскольку имеется способ бесспорной оценки достижений — итоги партий и соревнований, выраженные в количестве набранных очков. Подчеркнем, однако, что как отбор, так и интерпретация количественных данных проводились нами в единстве с качественным анализом шахматного творчества (анализом партий, комментариев к ним, данными интервью и т. д.).

При отборе материала мы стремились учитывать итоги наиболее видных и ровных по силе участников соревнований, чтобы, по возможности, исключить случайные результаты.

Сначала исследовался фазовый характер деятельности шахматистов. Мы рассмотрели результаты игры двенадцати гроссмейстеров в крупных турнирах за период 1949—1967 гг.

Каждый отдельный турнир был разделен на три равных периода: старт, середину и финиш. Сравнение количества очков, набранных этими шахматистами на разных этапах соревнования, выявило определенные индивидуальные различия.

Были выделены группы стартовых шахматистов, шахматистов, наиболее успешно выступавших в середине турнира, и шахматистов финиша.

Полученные данные имели определенное практическое значение. Выбор стратегии поведения на разных этапах турнира рядом шахматистов стал базироваться на учете их индивидуальных особенностей результативности.

Однако эти рекомендации все же носили довольно общий характер. В полной мере не удавалось судить об активной роли самого шахматиста, выборе им определенных целей в зависимости от конкретных условий отдельных соревнований и партий.

В связи с этим был проведен дифференцированный анализ результативности игры шахматистов в важнейших соревновательных ситуациях. Познакомимся с проведенными исследованиями.

Ситуация «все или ничего». Речь идет о ситуации, в которой отсутствует даже минимальная возможность компромисса. Надо играть на выигрыш, ничья, в сущности, равносильна поражению.

Приведем примеры. В турнире в Балатонфюреде (1959 г.) перед последним туром Толуш имел 8,5 очка, Портиш — 8, Сабо и Билек — по 6,5 и т. д. Предстояла встреча Толуш — Портиш. Очевидно, что выигрыш обеспечивал Портишу первое место, а ничья или даже проигрыш не меняли его турнирного положения — он оставался вторым. Таким образом, Портиш оказался в ситуации «все или ничего».

Другой пример — 7-е первенство СССР (1931 г.). Перед последним туром впереди были Ботвинник (13 очков) и Рюмин (11,5). А на 11-м месте с 7,5 очка находился Кириллов. Предстояла партия Рюмин — Кириллов. Для Кириллова создавалась ситуация «все или ничего». Она была обусловлена не борьбой за определенное место, как в предыдущем примере, а тем, что на турнире была установлена норма для получения звания мастера (8,5 очка). И только победа приводила Кириллова к цели.

Мы подробно рассмотрели содержательную сторону 60 партий, проведенных в подобной ситуации. Успешно действовали, например, Лилиенталь (партии с Алаторцевым, матч 1935 г.), Керес (партии со Шмидтом, матч 1936 г., и Геллером, матч 1962 г.), Ботвинник (партия с Суэтиным из 20-го первенства СССР 1952 г.), Петросян (партия с Ларсоном, Бевервийк, 1960 г.) и др.

Не удалось добиться желаемой цели Бронштейну и Смыслову в финальных партиях матчей с Ботвинником

(1951 и 1954 г.), Алехину против Эйве в 30-й партии матча 1935 г., когда счет был 15:14 в пользу Эйве, и т. д.

На основании проведенного анализа были сделаны следующие выводы:

1. Во всех рассмотренных партиях шахматисты, поставленные перед необходимостью стремиться только к выигрышу, проявили заметную активность в игре. Даже сравнительно пассивные при обычных обстоятельствах натуре (Шлехтер, Трифунович) значительно активизировались. Это не случайно: объективные условия вынуждали шахматиста к большей смелости и риску.

2. Успех сопутствовал тем, кто активность сочетал с осмысленностью. Наряду с обычными слагаемыми успеха: подготовленностью, объективностью в оценке позиции и другими качествами — здесь особенно требовалась выдержка, способность поддерживать напряжение до конца.

3. Неудачная игра вызывалась преимущественно перевозбуждением и сопровождалась излишней торопливостью и импульсивностью действий. Стремясь скорее вызвать кризис и снять напряженность, лица, действовавшие подобным образом, рассчитывали решить исход борьбы «одним набегом». Как правило, это не приводило к успеху. После отражения первого натиска наблюдались резкий спад и дезорганизация деятельности. В общем, «отчаянная» игра на выигрыш оборачивалась игрой на проигрыш.

Неудачная игра в ситуации «все или ничего» вызывалась также стремлением к необоснованному усложнению борьбы, отказу от разменов.

В целом, сравнивая успехи и неудачи в ситуации «все или ничего», хотелось бы отметить особое значение в успехе деятельности такого качества, как осмотрительность. Это вызвано тем, что активность здесь как бы задана имеющимися обстоятельствами, а применение сдержанности и осмотрительности требует значительных волевых усилий. Естественно, речь идет об осмотрительности, находящейся в своеобразном сплаве, единстве с активностью и смелостью.

Поучительны для шахматистов мысли, высказанные выдающимся советским психологом Б. М. Тепловым относительно военной деятельности: «Большими полководцами могут быть только те, у которых эти противоположные свойства — осторожность и смелость мысли — образуют единство, создают новое качество, которое наиболее естественно было бы назвать несколько странно звучащим выражением: «осторожная смелость». Нельзя понимать дело так, что здесь идет речь о какой-то «золотой середине», о некотором качестве, среднем между смелостью и осторожностью.

Неверно было бы думать, что у больших полководцев смелость как бы умеряется, ослабляется, сдерживается осторожностью. Наоборот: осторожность, высокая критичность мысли дают возможность идти

на такую смелость решения, которая вне этого немыслима» [36, 286].

До сих пор мы рассматривали ситуацию, принимая во внимание цели одного участника. Но в шахматах борются двое. Поэтому были проанализированы различные варианты взаимодействия соперников. Причем одна сторона всегда была обязана играть на выигрыш, а у другой цели менялись. Обсудим имеющиеся варианты.

Вариант № 1. Соперник тоже находится перед альтернативой «все или ничего». Так, например, в первенстве РСФСР 1960 г. выигрыш в последнем туре приносил мне право участия в первенстве страны, а моему сопернику, В. Терентьеву, — выполнение мастерской нормы.

Эта ситуация содержит любопытную психологическую ловушку: путем рефлексивных рассуждений оба соперника могут прийти к заключению о том, что для другого выигрыш более значим, и занять выжидательную позицию. По иронии судьбы, такого рода действия часто приводят к ненужному обоим ничейному исходу партии. Так, кстати, получилось во встрече Крогиус — Терентьев.

Вариант № 2. Сопернику необходима ничья. Укажем для примера на партию Толуш — Портиш (Балатонфюред, 1959 г.), о которой говорилось выше. Ничья обеспечивала Толушу первое место.

На первый взгляд может показаться, что шахматист,

которому достаточна ничья, находится в более благоприятных условиях. Но в действительности возможность компромисса порождает излишнюю осторожность. Было рассмотрено 20 партий. В 13 из них выиграли, те, кому это было необходимо. Семь закончились вничью. Эти результаты свидетельствуют об определенной психологической уязвимости компромиссного поведения.

Вариант № 3. Соперник обладает относительной свободой в выборе цели. Так, например, перед встречей между собой в полуфинале 17-го первенства СССР (1949 г.) Крогиус шел на 9-м месте, имея 8 очков, а Лисицын с 7,5 очка делил 10—14 места. Норма мастера в этом турнире равнялась 9 очкам. Следовательно, автор этих строк был поставлен в условия обязательной игры на выигрыш, а цели соперника не были детерминированы столь жестко. Конечно, Лисицын был не прочь выиграть и занять более высокое место, но, с другой стороны, ничья или даже проигрыш объективно не означали для него какой-либо катастрофы.

В таких случаях психологическое преимущество, как правило, оказывается на стороне шахматиста, имеющего большую свободу выбора цели. Он может более гибко планировать борьбу, приравливая к складывающимся обстоятельствам.

Было рассмотрено 20 партий, сыгранных в подобных ситуациях. Шахматисты, доби-

вавшиеся выигрыша, победили в шести партиях, восемь проиграли и шесть встреч окончились вничью.

Вариант № 4. Сопернику безразличен результат партии. Такая ситуация, например, сложилась в партии Бирн — Ларсен (Монако, 1968 г.). Ларсен имел 9,5 очка и шел на первом месте. Его конкуренты: Ботвинник, Горт и Смыслов — набрали по 8 очков. Таким образом, Ларсен уже обеспечил себе общую победу в турнире и результат последней партии не имел для него спортивного значения. Для Бирна результат партии значил многое: в случае выигрыша он подтверждал звание гроссмейстера.

Было рассмотрено 10 партий, сыгранных в подобной ситуации. Оказалось, что «безразличные» играли ниже своей обычной силы. Они проиграли 7 партий при двух ничьих и одном выигрыше. Это, в частности, свидетельствует о том, что снижение остроты конфликта обедняет его творческое содержание.

Сопоставим полученные данные: анализ показывает, что игра «только на выигрыш» успешнее реализуется при стремлении противника к ничьей или его незаинтересованности в результате партии.

Отметим, что при анализе ситуации «все или ничего» и некоторых других рассматривались в основном результаты последних туров соревнований. Это обусловлено имеющейся здесь возможностью получить более точную и объективную

информацию о целях соперников.

Ситуация компромисса. Это ситуация, в которой надо в отдельной партии сделать, как минимум, ничью, чтобы обеспечить общий успех в соревновании.

Так, например, перед последним туром 12-го первенства СССР 1940 г. положение лидеров было таковым: Бондаревский — 13,5; Лилиенталь и Смыслов — по 12,5 и т. д. Очевидно, что Бондаревскому (он, кстати, играл в последнем туре с Лилиенталем) была необходима ничья. Тогда он становился недостижимым для преследователей. Выигрыш принципиально не менял для Бондаревского общего итога состязания, зато проигрыш лишил его единоличной победы в турнире.

Может показаться, что эта ситуация не очень сложна, поскольку имеется известная свобода выбора: нужно сделать ничью, но можно и выиграть. На самом деле эта свобода иллюзорна. Выигрыш, по сути дела, безразличен, несоизмеримо важнее не проиграть. Часто это ограничение «не проиграть» становится фактором, всецело определяющим поведение шахматиста.

Познакомимся с содержанием партии Лилиенталь — Бондаревский.

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 de

Принципиальная психологическая ошибка. В те годы Бондаревский считался одним из опаснейших атакующих шахматистов. А данный ход ведет к довольно крепкой, но пассив-

ной позиции, что не соответствовало стилю игры Бондаревского.

4. К:e4 Кd7 5. Кf3 Сe7 6. Сd3 Kgf6 7. К:f6+ С:f6 8. 0—0 c5 9. c3 cd 10. cd 0—0

Точнее было 10... Кb6. Сделанный ход — мелкая, но психологически вполне понятная ошибка: Бондаревский играет «не свою» позицию.

11. Фc2 g6 12. Сf4 Кb6 13. Сc7 Фe7 14. Се4! Кd5 15. С:d5 ed 16. Се5! Cf5 17. С:f6 Ф:f6 18. Фb3 Се4 19. Ке5 Фb6 20. Ф:b6 ab 21. Лfc1 Лfc8 22. a3 Cf5 23. g4 Се6 24. h3 f6 25. Кd3 g5 26. f3 Кp f7 27. Кp f2 Кp e7 28. Кp e3 Кp d6?

Решающий промах. Следовало играть 28... h5.

Последовало: **29. Л:c8 Л:c8 30. h4 h6 31. hg hg 32. Лh1 Ле8 33. Кp d2 Сd7 34. Лh6 Лf8 35. Ке1 Кp c7 36. Кc2 Лf7 37. Ке3 Се6 38. Кp c3 Кp d6 39. Кp b4 Сd7 40. Кf5+ Кp c7 41. a4 Се6 42. Кg3 Сd7 43. Кh5 f5 44. Кf6 fg 45. К:d5+** и белые вскоре выиграли.

Итак, Бондаревский потерпел поражение. Каковы же основные причины неудачи? Уже в дебюте Бондаревский сознательно избрал пассивный вариант и предоставил противнику полную свободу в развитии инициативы. Дальнейшая игра черных проходит под девизом: «Размены во что бы то ни стало». Поэтому, невзирая на постепенное ухудшение позиции, фигуры менялись одна за другой. Это позволило Лилиенталю малыми, но активно расположенными силами организовать решающий штурм.

Надежды черных отсидеться за крепостными стенами не сбылись. Можно отметить, что требованию осторожности, требованию, заданному объективными условиями ситуации, Бондаревский следовал чересчур прямолинейно.

Иная картина борьбы наблюдалась в партии Карпов — Олафссон (Амстердам, 1976 г.). Для того чтобы занять первое место, Карпову тоже надо было сделать ничью. Но он не стал связывать свои планы с пассивной защитой, а, наоборот, уже с первых ходов боролся за инициативу.

Карпов писал: «...если будешь играть «на ничью», вполне можно потерпеть поражение. Нужно, как всегда, играть в шахматы, но иногда, в критические моменты, вспоминать, что для победы достаточно ничья» [14]. Действительно, за ничью надо бороться, ее надо завоевать! И легче — в полнокровной борьбе. Нельзя, полностью исключив риск, добиться ничейного результата.

На основании анализа 60 партий из практики мастеров были сделаны следующие выводы: 1. Объективные условия ситуации обусловили определенную осторожность и сдержанность игры в большинстве партий. 2. Успех чаще сопровождал тем шахматистам, кто осторожность сочетал с активностью действий. 3. Неудачная игра в ситуации компромисса была связана с неуверенностью и сопровождалась выбором пассивных стратегий. Наблюдалась переоценка угроз про-

тивника и недооценка собственных возможностей.

В целом следует указать на необходимость активных действий в подобных ситуациях. Борясь за ничью, нельзя руководствоваться целью «не проиграть». Если прибегнуть к метафоре, то, планируя игру в ситуации компромисса, не лишне вспомнить правило до-революционных купцов запрашивать за товар двойную цену, чтобы, затем уступив, не остаться в убытке.

Были рассмотрены различные варианты взаимодействия соперников в этой ситуации. С этой целью мы проанализировали 60 партий видных шахматистов. Выяснилось, что ничья легче всего достигалась в игре с соперниками, также стремящимися к компромиссу или не заинтересованными в результате. Сложнее была задача в игре с соперниками, имеющими относительную свободу выбора цели, и особенно трудна с шахматистами, обязанными стремиться только к выигрышу.

Между рассмотренными ситуациями компромисса и «все или ничего» нетрудно заметить общее — жесткую детерминацию выбора целей. Познакомимся теперь с ситуациями, в которых целеобразование в большей степени обусловлено индивидуальными особенностями шахматистов.

Ситуация относительно свободного выбора цели. Рассмотрим для примера финальную часть состязаний на первенство СССР 1957 г. Перед последним, 21-м туром положение

лидеров было следующим: Бронштейн, Таль и Толуш набрали по 13 очков, Керес — 12,5 и т. д.

В заключительном туре должны были состояться следующие главные партии: Таль — Толуш, Бронштейн — Холмов и Антошин — Керес.

Поставим мысленно себя на место Талья и постараемся выбрать стратегию борьбы с Толушем. Что делать? Играть ли на выигрыш, «сжигая за собой мосты», или лучше придерживаться спокойной стратегии, не возражая против ничьей? И какими последствиями грозит проигрыш?

По сравнению с ситуациями, рассмотренными выше, здесь выбор Талья не определялся однозначно внешними обстоятельствами. Правда, свобода выбора цели была относительна: от того или иного результата партии зависело место в турнире. Кроме того, имело большое значение еще одно обстоятельство: для получения звания гроссмейстера Талю (тогда мастеру) необходимо было занять место не ниже третьего. Таль колебался в выборе. Помню, встретившись с ним накануне решающей партии, я посоветовал делать ничью, поскольку она практически гарантировала гроссмейстерское звание. «Все это так, — ответил Таль, — но если Бронштейн и Керес выиграют, то неясно, дадут ли звание за дележ второго—четвертого места. А кроме того, и от Толуша многое зависит — он может заставить меня отказаться от спокойной игры».

Подобные непростые задачи выбора часто возникают перед шахматистами. Принятые затем решения весьма субъективно оцениваются и самими шахматистами, и комментаторами. Пишут, к примеру, о том, что А. напрасно отказался от рискованных действий, а В. справедливо придерживался сдержанной стратегии.

Но возникает вопрос: существует ли мера допустимого риска и каковы индивидуальные особенности в понимании этой меры?

Для обсуждения этой проблемы перспективно использовать вероятностные оценки. Попытаемся с этих позиций «взвесить» возможность Талья и его соперников.

Допустим, что сравнительная сила игры шахматистов в данном турнире выражается количеством набранных очков. Тогда шансы шахматиста А. во встрече последнего тура с шахматистом В. можно представить в виде отношения $a/(a+b)$, где a — количество очков, набранных шахматистом А, а b — количество очков, набранных шахматистом В. Основанием для такого предположения является то, что сравниваемые шахматисты сыграли одинаковое количество партий с одними и теми же соперниками. Далее мы считаем, что количество партий, сыгранных шахматистом вплоть до последнего тура (обычно 16—20), с достаточной определенностью характеризуют его форму и состояние на данный период.

Однако вернемся к рассматриваемому примеру. Исходя из сказанного выше, шансы Таля в партии с Толушем были равны $13/(13+13)$, т. е. 0,50. Таковы же были и шансы Толуша. Шансы Бронштейна, который встречался с Холмовым, имевшим 12 очков, равнялись $13/(12+13)$, т. е. 0,52, а шансы Кереса, встречавшегося с Антошиным (9 очков), равнялись 0,58.

Но полученные данные пока еще мало говорят о возможном исходе последней партии. В шахматах, как известно, имеются три результата: выигрыш, ничья и проигрыш. Хотелось бы узнать вероятность каждого из этих результатов. Попытаемся это сделать, учитывая имеющиеся сведения о шансах соперников и рассмотрим информацию о распределении результатов (выигрышей, проигрышей, ничьих) в партиях, уже сыгранных шахматистом в данном турнире. При этом разделим имеющиеся результаты на две группы. В первую войдут «результативные» итоги — выигрыши и проигрыши, во вторую — ничейные.

Получим следующие сводные данные.

«Результативные» итоги. Таль 10 из 20 (50%), Толуш — 50% сыгранных партий; Толуш — 14 из 20 (70%), Бронштейн — 12 из 20 (60%), Керес — 9 из 20 (45%).

«Ничейные» результаты. Таль 10 из 20 (50%), Толуш — 6 из 20 (30%), Бронштейн — 8 из 20 (40%), Керес — 11 из 20 (55%).

Понятие «шансы», которое, к примеру, выражено у Бронштейна числом 0,52, или 52%, обозначает, что в матче из ста партий против Холмова, Бронштейн наберет 52 очка. Но эти данные, как указывалось, еще мало говорят о вероятности какого-либо определенного результата отдельной партии последнего тура.

Произведенный расчет позволяет получить вероятности выигрыша, проигрыша и ничьей в партии последнего тура.

Если шансы Бронштейна в целом составляют 52%, частота ничьих — 40 и частота беспромииссных результатов — 60%, то вероятности его выигрыша, ничьей и проигрыша в партии последнего тура можно соответственно выразить в числах: 0,32; 0,40; 0,28. Вероятность достижения Бронштейном ничейного результата (0,40) представляет лишь 0,20 из его шансов в целом, поскольку ничьей соответствуют 0,5 очка.

Исходя из сказанного вероятность выигрыша, проигрыша и ничьей в последнем туре для Таля равны 0,25; 0,25; 0,50; для Толуша — 0,35; 0,35; 0,30; для Кереса — 0,30; 0,14; 0,56.

Выясним теперь, что сулят Талю различные исходы его партий с Толушем. В расчет должны приниматься возможные результаты партий конкурентов в различных сочетаниях. Возможные результаты Толуша не будем рассматривать отдельно, поскольку они определяются результатами Таля и учитываются в этой связи.

Таблица 1

Вероятностная оценка выбора стратегий игры в последнем туре для Таля

№ варианта	Бронштейн		Керес		Вероятность совместного появления результатов	Место, занимаемое Талем в случае	
	Возм. р-т	Его вероятн.	Возм. р-т	Его вероятн.		выигрыша	ничьей
1	1	0,32	1	0,30	0,096	1—2	2—4
2	1	0,32	0,5	0,56	0,179	1—2	2—3
3	1	0,32	0	0,14	0,045	1—2	2—3
4	0,5	0,40	1	0,30	0,120	1	1—4
5	0,5	0,40	0,5	0,56	0,224	1	1—3
6	0,5	0,40	0	0,14	0,056	1	1—3
7	0	0,28	1	0,30	0,084	1	1—3
8	0	0,28	0,5	0,56	0,157	1	1—2
9	0	0,28	0	0,14	0,039	1	1—2

Результаты конкурентов следует рассматривать как независимые события (см. табл. 1).

Условимся, что результаты, позволявшие Талю занять место не ниже третьего, будем расценивать как благоприятные, а остальные — как неблагоприятные.

Из табл. 1 видно, что выигрыш со 100%-ной гарантией создавал для него благоприятную ситуацию. С вероятностью 0,68 он даже занимал «чистое» первое место.

В случае ничьей вероятность благоприятных исходов — 0,784 (78,4%), неблагоприятных — 0,216. Однако на основании приведенных данных нельзя однозначно предпочесть стратегию «на выигрыш».

Борьба за победу связана с риском проигрыша. У Таля в партии с Толушем риск проигрыша был равен вероятности выигрыша. Расчет сделанный на случай проигрыша Таля (в этом расчете учитывались возможные результаты

Бронштейна, Кереса и еще двух шахматистов, имевших по 12 очков), показал, что вероятность неблагоприятных исходов составляет 0,92 (!). Учитывая столь значительный риск, большинство шахматистов, по-видимому, выбрали бы на месте Таля спокойную стратегию игры. Напомним, что там риск (неблагоприятные исходы) составлял лишь 21,6%.

Но Таль избрал бескомпромиссную стратегию. Справедливости ради отметим, что «на выигрыш» играл и Толуш. В итоге Таль одержал победу.

Использование вероятностных оценок при анализе поведения шахматистов в ситуации относительно свободного выбора цели выявило наличие у них определенных устойчивых индивидуальных особенностей.

Была выделена группа шахматистов, систематически игравших на выигрыш, когда риск при возможном поражении значительно превышал риск при ничейном результате.

К ним, например, относятся Таль и Ларсен.

Большинство же отваживалось играть на выигрыш тогда, когда риск недостижения общего благоприятного итога соревнования при ничьей и при проигрыше был примерно одинаков. Укажем на Смыслова, Портиша, Глигорича.

Некоторые шахматисты в подобных ситуациях удовлетворялись «мирной» стратегией (Петросян, Флор). И наконец, была выявлена группа шахматистов, которые играли «на ничью» даже тогда, когда вероятность достичь цели при ничейном результате была минимальной. Поучительный пример тому 15-ходовая ничья в партии Штальберг — Иливицкий (Гетеборг, 1955 г.), хотя Иливицкому она сулила лишь незначительные шансы выйти в турнир претендентов.

По-видимому, использование вероятностных оценок перспективно для изучения индивидуальных особенностей шахматистов.

Ситуация незначимости результата возникает тогда, когда результаты последней или нескольких заключительных партий не влияют на общий итог соревнования (распределение мест). Так, например, перед последним туром 10-го первенства СССР (1937 г.) у Левенфиша было 12,5 очка. Ближайшие преследователи — Константинопольский и Рагозин — отставали на 1,5 очка.

Мы рассмотрели результаты и содержание 80 партий, сыгранных в этой ситуации. Так, Левенфиш последнюю

встречу в указанном турнире проиграл почти без борьбы. Он вяло провел дебют, а затем просто «зевнул» пешку. Бледная игра Левенфиша в этой партии резко отличалась от высокого творческого уровня его предшествовавших партий.

И в подавляющем большинстве примеров наблюдалась аналогичная картина. Шахматисты, не заинтересованные в результате, играли ниже своего обычного уровня, без выдумки и допускали большее число ошибок.

Это свидетельствует о том, что состязательные мотивы являются, как правило, доминирующими. Отсутствие спортивных целей снижает ответственность шахматистов за свои действия и обычно предопределяет спад активности, необходимой для творческого поиска.

«Безразличные» к результату шахматисты часто проявляют пассивность и без борьбы уступают психологическую инициативу сопернику. Им недостает и энергии для длительного противоборства. Если первый кризис борьбы они еще преодолевают, то потом, когда игра приобретает затяжной характер, выдержка им обычно изменяет. Проницательные соперники умело пользуются этим обстоятельством, планируя игру на длинную дистанцию.

Распространенное в шахматных кругах мнение о том, что отсутствие ответственности за результат игры повышает творческий потенциал шахма-

тистов, на наш взгляд, совершенно обосновательно. Показательны статистические данные: из 80 рассмотренных партий «безразличные» выиграли 12, проиграли 36 и 32 свели вничью.

Предпринимаемые в последнее время попытки стимулировать результаты путем введения системы индивидуальных коэффициентов не очень обнадеживают. Пока по-прежнему главным мериллом успеха шахматиста в глазах общественного мнения остается занятое им место, а не абстрактный коэффициент.

Случаи продолжения борьбы на высоком творческом уровне при незначимости результата сравнительно редки и обусловлены главным образом завидной выраженностью познавательных и эстетических мотивов. Так, например, блестящая игра Ботвинника на финише 14-го первенства СССР 1945 г., при обеспеченном первом месте, по-видимому, объяснялась стремлением использовать эти партии в тренировочных целях. Напомним, что Ботвинник тогда усиленно готовился к чемпионату мира.

А Алехина позиция, возникшая в партии с Мароци (24-й тур, Блед, 1931 г.), вероятно, пленила красотой комбинационных возможностей. Он одержал победу, создав заодно запоминающееся произведение шахматного искусства.

Шахматистов, для которых результат игры незначим, можно разделить на две группы. К первой относятся те, кто уже заранее достиг цели, а ко

второй — те, у кого заблаговременно определился неудачный общий итог состязания. Первые более склонны почитать на лаврах. Они, как правило, благодушны и не возражают против быстрых ничьих в оставшихся партиях. Вторые подавлены, а подчас раздражены и преисполнены «жаждой мести».

Анализ различных вариантов взаимодействия соперников в этой ситуации показал, что в целом играть с шахматистами, не заинтересованными в результате, сравнительно легче, чем с соперниками, имеющими соревновательные цели. Причем несколько легче с теми, кто заранее добился победительного общего итога. Ларсен справедливо заметил: «Будучи застрахованным, чаще выпадаешь в слабость» [19, 111].

С большей осторожностью следует относиться к неудачникам, полным «жажды мести». Вспомним поражение Бронштейна от Кардосо в последнем туре межзонального турнира (1958 г.). Это неожиданное поражение лишило Бронштейна права участия в соревновании претендентов на первенство мира.

До сих пор мы рассматривали ситуации, психологическое содержание которых непосредственно определялось иерархической зависимостью результатов (количества набранных очков), достигнутых несколькими шахматистами в ходе соревнования.

Обратимся теперь к другим случаям влияния результатов на игру.

Влияние неудач. О влиянии отдельных поражений еще в 1928 г. писал Ф. Витязев. Он выделил три типа шахматистов, по-разному переживающих поражения. У первых отмечалось снижение уровня мастерства, наблюдалась растерянность и подавленность. К этой группе был отнесен Рубинштейн.

Вторые демонстрировали после проигрыша уравновешенность и спокойствие. Уровень игры оставался на обычном уровне. К этому типу Витязев отнес Ласкера, Стейница, Пильсбери.

И наконец, представители третьей группы показывали повышенную активность и заметно лучшую игру в последующих партиях. К этой группе был причислен Алехин.

Типология и индивидуальные характеристики шахматистов, сделанные Витязевым, небезынтересны. Но вряд ли можно принять их безоговорочно, поскольку выводы его в основном опирались на эпизодические наблюдения.

Для изучения этого вопроса мы систематизировали материал о поражениях 13 крупных шахматистов (чемпионов мира и претендентов на это звание) прошлого и современности.

Для более объективного сравнения экспериментальных данных учитывались результаты шахматистов, начиная с получения ими звания гроссмейстера. Рассматривались результаты этих шахматистов в наиболее равных по составу и крупных соревнованиях (мат-

чах и турнирах на первенство мира и СССР, крупнейших международных состязаниях).

Всего было рассмотрено 290 соревнований (220 турниров и 70 матчей) за период 1894 — 1977 гг. В указанных соревнованиях 13 гроссмейстеров проиграли 754 партии (проигрыши в последнем туре не учитывались). Мы поставили задачу — изучить влияние этих поражений на результаты и качество игры в последующих партиях.

При анализе результатов особое внимание уделялось случаям повторных проигрышей и большего числа поражений подряд. В качественном анализе партий и комментариев к ним мы стремились выявить стратегию поведения, избранную шахматистом в следующей после поражения партии. Были выделены четыре типичные стратегии: а) бескомпромиссная, характеризующаяся необоснованным риском в принятии решений, азартом; б) объективная и активная, отличающаяся игрой на выигрыш (но эта игра опиралась на объективные возможности позиции, и авантюрные действия отвергались); в) объективная и осторожная, характерная выбором наиболее надежных и безопасных продолжений; г) пассивная, отличающаяся крайней неуверенностью действий, переоценкой угроз противника и явной недооценкой собственных активных возможностей. Подобным образом (анализ результатов сочетался с качественным ана-

Таблица 2

Результаты игры после проигрыша

	Результаты игры в следующей после проигрыша партии			
	количество выигрышей	количество проигрышей	количество ничьих	процент набр. очков
Ласкер	20	7	16	65,1
Капабланка	5	2	15	56,8
Алехин	17	8	21	59,8
Эйве	11	21	35	42,5
Флор	14	8	30	55,7
Ботвинник	24	8	36	61,7
Керес	32	44	18	57,4
Смыслов	26	13	58	56,7
Бронштейн	20	14	40	54,0
Петросян	20	7	28	61,8
Таль	41	16	38	63,1
Фишер	7	7	14	50,0
Карпов	5	—	9	67,8

лизом партий) были рассмотрены все 754 партии. Мы предполагали, что результаты исследования позволят получить информацию о «надежности» шахматистов, устойчивости их характера. Полученные данные приведены в табл. 2.

Расположим гроссмейстеров в порядке эффективности игры после поражений: 1. Карпов, 2. Ласкер, 3. Таль, 4. Петросян, 5. Ботвинник, 6. Алехин, 7. Керес, 8. Капабланка, 9. Смыслов, 10. Флор, 11. Бронштейн, 12. Фишер, 13. Эйве.

Исключительно высок результат Карпова — 67,8%. Однако сделаем необходимую оговорку. Если для остальных шахматистов сделанные расчеты могут служить бесспорным основанием для характерологических заключений (поскольку охватывают значительный период их жизненного пути),

то для Карпова оказалось возможным учесть лишь сравнительно непродолжительный период его выступлений (1970—1977 гг.). Однако анализ результатов Карпова весьма интересен для выявления тенденций развития его характера.

В свете распространенных в шахматной литературе штампов наиболее любопытны данные, относящиеся к Ласкеру, Алехину, Петросяну и Фишеру. Оказалось что «осторожный» Петросян более устойчив к неудачам, чем «напористый» Фишер. А «повышенная активность» Алехина явно уступает «обычной» игре Ласкера.

Эти несоответствия объясняются, во-первых, тем, что здесь идет речь лишь об устойчивости к неудачам, а не об оценке успешности игры в целом. А эти понятия часто смешиваются. Так, например, Фи-

шер в период 1967 — 1972 гг. показывал превосходство над другими гроссмейстерами, но по результатам игры после поражения не выделялся из общего уровня. Эта относительная слабость Фишера компенсировалась умелой профилактикой поражений. То же можно сказать и о Капабланке.

А, во-вторых, многие суждения выносились без привлечения статистических данных, по впечатлениям. Так, в 1939 г. Левенфиш писал: «В течение 20 лет не было случая, чтобы Алехин проиграл подряд две партии». Факты же говорят об обратном. Укажем на повторные поражения Алехина в матчах с Эйве (1927 г.), Боголюбовым (1934 г.), на турнире в Нью-Йорке (1927 г.) и т. д.

Конечно, поражение — тяжелое испытание для психики любого шахматиста. Так, например, Капабланка, проиграв Алехину первую партию матча, взял перерыв на два дня и уехал из Буэнос-Айреса на море, чтобы отвлечься. Рубинштейн, проиграв Ласкеру (Петербург, 1914 г.), не спал ночь и на следующий день опоздал на партию с Алехиным на 35 минут.

Однако не все реагируют на поражения одинаково. Что же обуславливает лучшую устойчивость к неудачам?

Анализ показал, что наиболее «надежных» шахматистов — Ласкера, Таля, Петросяна, Ботвинника и Карпова — объединяет выбор определенной стратегии поведения после проигрыша. Оказалось, что

каждый из них выбирал наиболее привычную, излюбленную манеру игры, не стремясь к резким изменениям стиля. Таль по-прежнему рисковал и добивался успеха. Ботвинник и Карпов демонстрировали активную и объективно обоснованную игру, Петросян — осторожную, маневренную стратегию боя. Ласкер гибко варьировал стратегии, точно учитывал индивидуальные способности и состояние соперников.

Неудовлетворительная игра после поражений была в основном связана с отказом шахматиста от обычной манеры игры и переходом к несвойственным ему, чаще всего резко агрессивным действиям. Укажем на азартную игру Кереса в матче с Эйве (1940 г.) и Вересовым (12-е первенство СССР 1940 г.) и т. д.

Результаты деятельности имеют разное значение в жизни человека. В этом смысле значение поражений в отдельных партиях и неуспеха в соревновании в целом неравнозначно (хотя, конечно, итог соревнования складывается из результатов отдельных партий и иногда результат отдельной партии может быть решающим для оценки общего итога).

Мы остановились поэтому на изучении вопроса о влиянии неуспеха в соревновании в целом. Предполагалось, что это позволит выявить отношения личности уже не к текущим, ситуативным неудачам, а к препятствиям значительно большего масштаба, препятствиям, затрудняющим осуществ-

вление важных жизненных целей.

Рассмотрим материалы из биографий видных шахматистов. Для Ласкера неутешительным оказались итоги турнира в Гастингсе (1895 г.). Он занял третье место, проиграв главным соперникам — Чигорину и Таррашу. Это породило сомнения в праве молодого чемпиона мира считаться сильнейшим.

После турнира Ласкер проделал огромную работу по критическому анализу своего творчества. Он понял, что недостаточно учитывал в игре индивидуальные особенности соперников. Уже в следующих крупных турнирах (Петербург, 1895/96 г. и Нюрнберг, 1896 г.) он продемонстрировал хорошее понимание стилей игры и характера соперников. С тех пор психологическая подготовка стала излюбленным «оружием» Ласкера.

В 1921 г. Ласкер утратил звание чемпиона мира, проиграв матч Капабланке. Он был уже не молод (53 года). Специалисты были единодушны: вновь Ласкеру не подняться. А он тем временем готовился к новым поединкам, совершенствовал технику игры, которая подвела его в матче с Капабланкой. Самокритичность Ласкера и стремление к самосовершенствованию вновь принесли плоды. Он с блеском играет в Нью-Йорке (1924 г.) и Москве (1925 г.). Причем дважды опережает Капабланку.

В 1934 г., после девятилетнего перерыва, Ласкер играет

в Цюрихе. Итог посредственный — пятое место. И он снова в работе, внимательно изучает новые стратегические идеи, технические приемы. В 1935 г. он превосходно выступил на крупнейшем турнире в Москве. «67-летний Ласкер — моральный победитель турнира», — писал Зубарев [11, 148].

Жизненный путь Ласкера — впечатляющий пример стойкости к различным, подчас серьезнейшим, неудачам. Эта стойкость может быть объяснена постоянным стремлением к самосовершенствованию, творческой активностью и критичностью.

Похож на ласкеровский путь Ботвинника. В 1957 г. он проиграл матч Смыслову. А в матч-реванше 1958 г. «мир увидел Ботвинника преобразившимся по сравнению с 1957 годом, хорошо подготовленным теоретически, физически и психологически», — указывал Батурицкий [41, т. 1, с. 70].

В 1960 г. Ботвинник уступил мировое первенство Талю. Но через год, вопреки всеобщим прогнозам, Ботвинник взял убедительный реванш. После поражения Ботвинник пересмотрел некоторые свои творческие установки. Он даже решился освоить применявшиеся Талем методы психологической подготовки и трактовки позиций с оживленной фигурной игрой. «...Чтобы рассчитывать на успех, мне пришлось записаться к Талю в ученики», — отметил Ботвинник [41, т. 3, с. 193].

Труднейшим испытанием

для Алехина был период после поражения в матче с Эйве (1935 г.). Многими его проигрыш расценивался как «последний акт» трагедии. Но Алехин мечтал о реванше. Для осуществления этой цели он два года упорно трудился: пересмотрел дебютный репертуар, тщательно проанализировал партии Эйве, резко изменил отношение к здоровью, перестал, в частности, курить и т. п. Как известно, самоотверженный труд Алехина был вознагражден — он в блестящем стиле выиграл в 1937 г. матч на мировое первенство.

Эти примеры — исключительные в истории шахмат. Они показали что успешное и длительное противодействие неудачам прежде всего зависит от непрерывной работы по самосовершенствованию, творческой активности и стремлению к творческому обновлению. К сожалению, многие другие видные шахматисты не проявили в полной мере этих способностей.

Конечно, влияние успеха зависит и от возраста шахматиста. За пределами оптимального периода заметна общая тенденция к снижению устойчивости к неудачам. Однако опять-таки подчеркнем: как относительная величина этого снижения, так и сравнительная продолжительность оптимального периода деятельности шахматистов не являются прежде всего следствиями биологического возраста, а обусловлены масштабом личности, ее творческой активностью и способностью к самоанализу.

Примером тому служит исключительное творческое долголетие Ласкера и Ботвинника.

Влияние первого результата. Не секрет, что успех или неудача в начале соревнования накладывает определенный отпечаток на последующую игру шахматистов. Интересен в этой связи вопрос о влиянии первой результативной партии (выигрыша или проигрыша) на итог состязания в целом. У подавляющего большинства шахматистов результативный исход партии имеет место на старте или, в крайних случаях, в первой половине соревнования. Эти данные и явились объектом исследования.

Конечно, шахматные соревнования подчас приносят парадоксальнейшие итоги. Так, например, Мароци на турнире в Гастингсе (1929/30 г.) все девять (!) встреч завершил вничью. Впоследствии «рекорд» Мароци несколько раз повторил Трифунович. В мемориале Чигорина (Сочи, 1963 г.) Холмов выиграл лишь в последнем, 11-м туре, десять предыдущих партий он свел вничью. Наконец, если говорить о матчах, можно вспомнить «поединок» Шлехтера и Марко (1893 г.): $+0 -0 =10$ (!). Естественно, что подобные крайности нами не учитывались.

Значение первой победы или поражения анализировалось отдельно для турниров или матчей. Были рассмотрены выступления одиннадцати гроссмейстеров: Бронштейна, Геллера, Кереса, Петросяна, Рагозина, Решевского, Смыслова,

Тайманова, Таля, Холмова и Штейна — в 170 крупных союзных и международных турнирах за период 1947—1967 гг.

Мы оценивали итоги каждого турнирного выступления гроссмейстеров по четырехбалльной шкале, как 1) отличные, 2) хорошие, 3) посредственные и 4) неудовлетворительные. Такие оценки, конечно, условны, но для самой общей характеристики результатов деятельности они, по-видимому, вполне приемлемы. В качестве критериев использовались устоявшиеся, проверенные временем оценки специалистов, имеющиеся в шахматной литературе.

Так, например, итоги выступления Смыслова на турнире претендентов в Амстердаме в 1956 г. (1-е место) были оценены как отличные, в Московском турнире гроссмейстеров 1967 г. (2—5 места) как хорошие, в 27-м первенстве СССР (7—8 места) — как посредственные и в 34-м первенстве СССР (10—11 места) — как неудовлетворительные.

Анализ выявил определённые индивидуальные различия в реакциях на первый результат. Так, Тайманов добивался общего успеха чаще всего после победы в первой результативной партии, а для Таля и Штейна это обстоятельство не имело большого значения.

В целом же были получены следующие средние данные: при выигрыше первой результативной партии указанные гроссмейстеры в 35% рассмотренных турниров добились отличных общих результатов,

в 33 — хороших, в 24 — посредственных и в 8% — неудовлетворительных. При проигрыше первой результативной партии было отлично завершено 32% турниров, хорошо — 30, посредственно — 21 и неудовлетворительно — 17%.

Сравнение данных по выигрышу и проигрышу в первой результативной партии приводит к заключению: различие в их влиянии на итоги турниров не существенно. Конечно, приятнее сначала выиграть, чем проиграть, но, как показывает анализ, для общего итога игры в турнирах это не имеет решающего значения.

Иная картина наблюдается в матчах. Мы проанализировали итоги 24 матчей на первенство мира, начиная с матча Стейниц — Цукерторт (1886 г.) до поединка в Рейкьявике (1972 г.). Не были учтены только результаты закончившихся вничью матчей Ласкер — Шлехтер (1910 г.), Ботвинник — Бронштейн (1951 г.) и Ботвинник — Смыслов (1954 г.).

Кроме того, рассмотрены все претендентские матчи (1965, 1968, 1971, 1974, 1977 гг.) — всего 35 матчей, также матчи на первенство СССР: Ботвинник — Тайманов, 1953 г., Полугаевский — А. Зайцев, 1969 г., Петросян — Полугаевский, 1970 г. и официальные матчи ФИДЕ: Бронштейн — Болеславский, 1950 г., Керес — Геллер, 1962 г., Портиш — Решевский, 1964 г., Таль — Ларсен, 1969 г. Из соревнований на первенство СССР и ФИДЕ, как явствует

из вышесказанного, не учтены лишь итоги завершившихся вничью матчей Ботвинник — Левенфиш (1937 г.), Смыслов — Портиш (1970 г.), а также матч Геллер — Смыслов (1955 г.), в котором результативной оказалась последняя партия.

Итак, были проанализированы итоги 67 матчей на высшем уровне. В 53 (1) из них общий успех сопутствовал тому, кому удалось выиграть первым. Только в 14 матчах победили шахматисты, начавшие с поражения. В матчах на первенство мира соотношение 17:7, в состязаниях претендентов — 29:6, в других матчах ФИДЕ — 5:0, в матчах на первенство СССР — 2:1.

Соотношение впечатляющее! В 79% матчей победа в первой результативной партии означала и общую победу. И только в 21% случаев проигравшему удавалось изменить неблагоприятный исход борьбы. Таким образом, различие между ценностью первого выигрыша и проигрыша может быть выражено отношением 3,76:1, т. е. победивший в первой результативной партии имел в матчах почти в четыре раза больше шансов на успех, чем проигравший.

Сравним эти данные с результатами турниров. Если считать в них успешными итоги, оцененные в качестве отличных и хороших, то, как следует из приведенных выше расчетов, различие в ценности победы и поражения выражается отношением 68:62, т. е. 1,09:1. Итак, можно констати-

ровать разительное отличие значения исхода первой результативной партии для турниров и матчей.

Для полноты картины сделаем небольшой экскурс в историю женских шахмат. Были рассмотрены итоги крупнейших соревнований за 1953 — 1975 гг. (8 матчей на первенство мира и 13 матчей претенденток). Победе в первой результативной партии соответствовал положительный итог в 14 матчах. В 7 матчах «проигравшие» одержали конечную победу. Таким образом, в женских матчах соотношение 2:1, т. е. чуть ли не вдвое ниже, чем у мужчин.

Не свидетельствует ли это о большей стойкости женского характера? Вряд ли сейчас можно дать обоснованное заключение. Для этого, во-первых, пока недостает статистических данных, а во-вторых, женские соревнования 50-х и 60-х годов не отличались такой же ровностью состава, как мужские. Во всяком случае, с появлением на шахматном Олимпе Гаприндашвили и здесь устанавливается «мужской» порядок: из пяти выигранных ею матчей на первенство мира в четырех она одержала победу в первой результативной партии.

Чем же обусловлено столь существенное различие в значении первой результативной партии для турниров и для матчей? По-видимому, в первую очередь разницей психологического содержания борьбы в турнирах и матчах. В матчах конфликт, соперни-

чество между участниками выражены в более острой форме. В турнирах — есть лазейки для компромисса, выражающиеся в тактике: с сильными делать ничью, со слабыми — выигрывать. В матчах подобная тактика бессмысленна.

Далее, поражение в матче означает необходимость в дальнейшем решить еще более сложную задачу — успешно противостоять сопернику, который только что доказал, что он сильнее. В турнирах же поражение на старте, как правило, не ведет к столь тяжелым психологическим последствиям. Встречи с разными соперниками (а не с одним и тем же) позволяют лучше сохранять самообладание после поражений.

Наконец, в матчах встречаются обычно более равные по силе игры соперники, и для шахматиста высокого класса в них труднее выправить положение.

Интересны индивидуальные особенности игры в матчах в зависимости от исхода первой результативной партии. Большую силу духа проявил Стейниц в матчах с Чигориным (1892 и 1894 гг.). Примечательны хладнокровие и решительность, продемонстрированные Быковой. Три матча на мировое первенство — с Руденко (1953 г.), Рубцовой (1958 г.) и Зворыкиной (1960 г.) — она начинала с поражений (с Руденко счет был даже 0:2), но потом убедительно переигрывала соперниц. Заслуживает внимания стойкость Смыслова, прояв-

ленная им в матче с Ботвинником (1954 г.). Ботвинник из первых четырех партий выиграл три при одной ничьей. Но матч окончился вничью со счетом 12:12.

Преимущество белых. В литературе, посвященной конфликту, отмечается, что сторона, первой начавшая действия, получает ряд преимуществ. Это объясняется тем, что планы атакующего относительно места и времени наступления, как правило, не бывают точно известны другой стороне и содержат элемент неожиданности.

В шахматах, как показывает статистика, играть белыми также более выгодно. Мы рассмотрели результаты отдельных партий в ряде крупных соревнований с 1886 по 1978 г. Оказалось, что в матчах на первенство мира и в матчах претендентов белые выиграли 192 партии (32,2% от общего числа партий), проиграли 108 (18,7%) и 278 партий (48,1%) закончили вничью. Соотношение 1,8:1 в пользу белых.

В двадцати турнирах игравшие белыми выиграли 710 партий, проиграли 502 и 1268 закончили вничью. Соотношение 1,4:1. В турнирах «белые» хотя и не достигли над черными столь внушительного перевеса, как в матчах, но все же сохранили явное преимущество.

Как объяснить эти данные? Теоретически пока не представляется возможным обосновать преимущество белых. Математикой еще не обнаружена оптимальная стратегия игры, означающая ответ на

вопрос: должны ли белые выиграть или партия закончится вничью при лучшей игре с обеих сторон?

Причины успехов белых прежде всего психологические. В этом убеждают данные, полученные путем анализа партий. Выяснилось, что, играя белыми, шахматисту гораздо легче придать борьбе характер, более соответствующий своему стилю и настроению. Так, например, Фурману в 38 из 50 рассмотренных партий удалось получить излюбленные им позиции с перевесом в пространстве, Рагозин же из 30 партий белыми в 26 получил атакующие позиции. Примечательны и сравнительные результаты их игры белыми и черными в этих партиях: Фурман белыми набрал 76%, черными — 34, а Рагозин соответственно 68 и 46%.

Отметим, что позиции, полученные Фурманом и Рагозиным в дебюте, нельзя было определенно расценить в пользу белых. Но зато эти позиции явно им нравились. Конечно, в успехе игры белыми существенна роль разносторонней дебютной подготовки. Но сами по себе эти знания, нередко весьма обширные (укажем на пример Суэтина) не имеют решающего значения. Наибольший эффект приносит не объем знаний, а их творческая переработка и приспособление к индивидуальному стилю игры.

Значение психологических факторов в успехе «белых» особенно рельефно показывают результаты анализа партий, сыгранных в матчах.

В матчах встречаются, как правило, почти равные по классу, но отнюдь не одинаковые по творческим позициям, достоинствам и недостаткам шахматисты. В процессе длительного матчевого противостояния гораздо отчетливее, чем в турнирах, выявляются преимущества каждого из соперников. А использовать эти преимущества значительно легче при игре белыми. В этом — основная причина столь неравной борьбы равных соперников при наличии белых и черных фигур. Укажем для примера на матч Алехин — Эйве (1935 г.). Алехин был сильнее в трактовке острых неопределившихся позиций. Играя белыми, ему часто удавалось создавать подобные положения. Эйве же превосходил в тот период соперника в маневренной спокойной игре и в технике. Эта своеобразная творческая несовместимость принесла успех белым с впечатляющим счетом — 13:4 (остальные 13 партий закончились вничью). Алехин набрал белыми 9,5 очка из 15, Эйве — 10, из 15. А общий итог матча, как известно, был 15,5:14,5 в пользу Эйве.

Поэтому игра черными, даже для опытного шахматиста, обычно бывает связана со значительными трудностями. На первых ходах, как правило, приходится следовать выбранному соперником направлению борьбы. Очень важно при этом почувствовать нужный момент для проявления встречной активности и подготовить обоснованные контрдействия.

При игре черными часто встречаются две ошибочные линии поведения. Одна связана с пассивным следованием воле соперника и получением объективно худших позиций в миттельшпиле (Портиш), другая — с преждевременным открытием встречных излишне рискованных действий. Этой линии обычно придерживались импульсивные натуры (Яновский).

В целом проблема надежной игры черными (особенно в матчах) остается нерешенной даже для большинства шахматистов экстракласса. Отдельные примеры успешных действий черными связаны с глубоким пониманием соперников (Ласкер), особо тщательной разработкой дебютного репертуара (Фишер) и творческим сочетанием психологической и аналитической подготовки (Карпов).

Таким образом, право первого хода дает шахматисту определенные психологические преимущества, выражающиеся в возможности полнее и быстрее проявить сильные стороны своего стиля игры и характера и в определенной мере скрыть свои слабости.

При оценке поведения шахматистов в игровых ситуациях и в выявлении индивидуальных особенностей полезно привлекать данные о структуре показанных ими результатов и эффективности игры с соперниками разного уровня мастерства. Рассмотрим эти данные.

Структура результатов. Результаты шахматных партий

можно разделить на две группы: ничейные, с одной стороны, и выигрыши и проигрыши — с другой. Одинаковые общие итоги выступлений в соревнованиях часто складываются из весьма различающихся частных результатов (результатов отдельных партий). Так, например, на турнире в Мальорке (1971 г.), набрав по 9 очков из 15, шестое и седьмое места поделили Ларсен и Чом. У Ларсена этот итог сложился из 8 выигрышей, 5 поражений и 2 ничьих, а Чом выиграл 5 партий, 2 проиграл и 8 закончил вничью.

Изучение спортивного пути многих шахматистов показало, что соотношение между двумя видами частных результатов (ничьими и выигрышами и проигрышами) обладает для каждого определенной стабильностью и характеризует их индивидуальное своеобразие.

Известно, что выиграть партию у равного соперника, полагаясь только на технику и избегая риска, почти невозможно. Поэтому большая доля бескомпромиссных результатов должна, на наш взгляд, свидетельствовать о большей готовности шахматиста к риску.

Для изучения этого вопроса были рассмотрены выступления 25 видных шахматистов в соревнованиях периода 1860 — 1977 гг. Всего были учтены результаты почти 12 000 партий.

Естественно, было принято во внимание, что уровни раз-

Сравнительные данные о результатах партии

№ группы	№ п/п	Фамилия	Общее кол-во партий	Количество			Процент ничьих
				выигр.	проигр.	ничьих	
I	1	Стейниц (1836—1900)	412	214	115	83	20,1
	2	Блэкберн (1841—1924)	379	146	132	101	26,6
	3	Цукерторт (1842—1888)	151	74	46	31	20,5
	4	Чигорин (1850—1908)	492	210	189	93	18,9
II	5	Тарраш (1862—1934)	497	218	104	175	35,2
	6	Ласкер (1868—1941)	398	211	52	135	33,9
	7	Пильсбери (1872—1906)	264	143	49	72	27,2
	8	Шлехтер (1874—1918)	698	244	102	352	50,4
	9	Рубинштейн (1882—1961)	598	272	103	223	37,3
III	10	Нимцович (1886—1935)	379	156	73	150	39,5
	11	Капабланка (1888—1942)	296	105	24	167	56,4
	12	Боголюбов (1889—1952)	390	160	116	114	29,2
	13	Алехин (1892—1946)	443	199	55	189	42,6
	14	Эйве (р. 1901)	302	82	86	134	44,3
	15	Флор (р. 1908)	338	82	57	199	58,8
	16	Ботвинник (р. 1911)	538	217	78	243	45,1
	17	Керес (1916—1976)	760	272	111	377	49,6
IV	18	Болеславский (1919—1977)	341	103	49	189	55,4
	19	Смыслов (р. 1921)	762	236	104	422	55,3
	20	Петросян (р. 1929)	763	212	72	479	62,7
	21	Ларсен (р. 1935)	383	164	73	136	35,5
	22	Таль (р. 1936)	593	214	102	277	46,7
V	23	Портиш (р. 1937)	469	160	66	243	51,8
	24	Фишер (р. 1943)	255	108	37	110	43,1
	25	Карпов (р. 1951)	290	109	15	166	57,2

вития теории игры и подготовленности шахматистов существенно влияли на долю ничейных результатов на различных этапах обозреваемого периода. Так, в период 1860 — 1894 гг. лишь в 17,4% партий из крупных соревнований были зафиксированы ничьи. В период 1895 — 1914 гг. — период широкого распространения теории Стейница — процент ничьих

повысился до 36,6%. В 1920 — 1940 гг. крупнейшие состязания дали уже 45,8% ничейных результатов, а в послевоенный период — 52% ничьих.

Эта тенденция обусловлена неуклонным развитием теории игры. Рост знаний позволил значительно повысить технику игры и мастерство защиты. Поэтому шахматисты были разделены на группы, каждая

из которых представляла определенный этап развития шахмат. И готовность к риску отдельных шахматистов, естественно, сравнивалась только в пределах группы. Полученные данные приведены в табл. 3.

В первой группе обращают внимание результаты Чигорина. Анализ показал, что в позициях, где Стейниц и Блэкберн довольствовались равенством, он, не останавливаясь перед риском, стремился достичь большего. Это не всегда оправдывалось, но оставалось отличительной чертой Чигорина.

Во второй группе выделяются крайние позиции Пильсбери и Шлехтера. Анализ партий этих шахматистов также ясно показал их диаметрально противоположное отношение к опасности. В третьей группе осторожность характерна для Капабланки. На эту особенность его творчества указывал Алехин: «Это — инстинкт самосохранения, в жертву которому он уже принес так много красивых заманчивых замыслов, из-за которого он поставил на открытые линии для размена столько пар ладей».

Несмотря на возросшую технику и распространение научных методов подготовки, представителям третьей группы Ботвиннику и Кересу удалось проводить бескомпромиссную стратегию борьбы.

Очень разнообразны показатели представителей четвертой группы. Несмотря на быстрый рост шахматных знаний, окрепло направление, все боль-

ше учитывающее в игре психологические факторы. В этом плане особенно успешно отстаивали «право на риск» Таль и Ларсен.

Соотношение ничейных и бескомпромиссных исходов партий относительно устойчиво. Оно в определенной мере меняется на протяжении жизненного пути. Анализ выявил тенденцию к некоторому увеличению доли ничьих после завершения оптимального периода выступлений. Укажем в этой связи на Тарраша, Нимцовича, Кереса и Болеслава.

Эффективность борьбы с соперниками разного уровня мастерства. Анализ дает возможность судить об отношении шахматистов к решению задач разной трудности. Участников рассматриваемых турниров мы разделили на три равные группы. К первой трети мы отнесли победителей соревнований, ко второй — занявших места в середине таблицы, к последней — побежденных. Представители этих групп были названы «лидерами», «средняками» и «аутсайдерами».

Взяв для определенного шахматиста совокупность турниров с его участием, нетрудно подсчитать количество очков, набранных им против каждой группы. Конечно, для анализа должны быть учтены равноценные соревнования, а выборка — быть представительной.

Подобным образом мы рассмотрели игру 36 видных шахматистов прошлого и современности. Для иллюстрации

приводим отдельные результаты анализа.

Алехин. Учтено 400 партий. Набрал в них 274 очка (68,5%). С «лидерами» — 71 из 126 (56,3%), с «средняками» — 100,5 из 146 (68,8%), с «аутсайдерами» — 102,5 из 128 (80%).

Карпов. Учтена 181 партия. Набрал 118 очков (65,2%). С «лидерами» — 28 из 50 (56%), с «средняками» — 44 из 68 (64,7%), с «аутсайдерами» — 46 из 63 (73%).

Естественно, что успешность игры возрастает при переходе от «лидеров» к «аутсайдерам». Однако амплитуда колебаний результатов у отдельных шахматистов весьма различна. У Алехина она составляет 27,3 (разность процентных показателей), у Карпова — 17, а у Чигорина — 34,3. Размах амплитуды в известной степени выражает ровность результатов игры шахматиста.

Обсудим распространенные случаи сочетания результатов. Высокие результаты как с «лидерами», так и с «аутсайдерами» обычно свойственны шахматистам с объективной самооценкой.

Высокие результаты зрелого шахматиста против «лидеров» и относительно посредственные с «аутсайдерами» указывают либо на его излишнюю самоуверенность, либо на пассивность в борьбе. А у молодого шахматиста, только вышедшего на арену больших соревнований, это сочетание может служить признаком бо-

гатых потенциальных возможностей для дальнейшего роста.

Успешная игра в турнирах с сильнейшими, по-видимому, позволяет предполагать и матчевые достижения шахматиста, даже при отсутствии соответствующего опыта. Укажем на примеры Ласкера и Чигорина перед матчами со Стейницем. В начале 1971 г. говорили о трудностях, ожидающих Фишера в матчах. Почему-то многие не принимали тогда во внимание, что Фишер с «лидерами» набрал в турнирах 75% возможных очков.

Часто встречается сочетание низкого результата против сильнейших с успешной игрой с «аутсайдерами». Шахматист такого склада порой добивается крупных успехов в смешанных турнирах, но при ровном и сильном составе участников терпит крах. Обычно это сочетание свидетельствует как об активности и боевитости шахматиста, так и о недостаточности высокого класса его игры. Но возможна и другая причина — робость перед авторитетами, неуверенность в своих силах. Это больше свойственно молодым шахматистам.

Итак, мы рассмотрели ряд распространенных игровых ситуаций, познакомились с влиянием результативной стороны деятельности на поведение шахматистов. Данные, полученные путем подобного анализа, весьма информативны и могут быть использованы как при составлении характеристики соперников, так и в целях самоанализа.

Хронометраж

В последние годы много говорят о достоинствах хронометража. Подчеркивая объективность этого метода, отдельные его приверженцы даже ратуют чуть ли не за то, чтобы объявить хронометраж универсальным методом шахматных исследований.

Спора нет, хронометрические данные вполне объективны. Они удобны для статистической обработки и составления графиков. Но было бы неверно только по количеству минут и секунд оценивать содержание мыслительной деятельности шахматиста. Они не сообщают, о чем размышлял шахматист в эти минуты.

Шпильман рассказывает о следующем эпизоде: «Нимцович достиг против Чигорина положения, при котором тот неминуемо должен был сдать. Чигорин, однако, не сдавался, а погрузился в продолжительное, глубокое раздумье. Когда он в конце концов все-таки сложил оружие, Нимцович спросил его: «Разрешите мне один вопрос: почему вы так долго обдумывали ход в положении, где все равно ничего нельзя было придумать?» — «Ах, я, конечно, это прекрасно видел, — отозвался Чигорин, — но я задумался над тем, как сложилась бы партия, если бы я десятью ходами раньше сыграл иначе» [42, 60].

Хронометраж, несомненно, полезный метод изучения шахматной деятельности, но все

же метод вспомогательный. Он может дать ценный материал лишь в сочетании с другими методами: анализом партий, самонаблюдением шахматиста, наблюдением за поведением противника в различных игровых ситуациях и т. п. Конечно, для достоверных заключений должно быть привлечено большое количество хронометрических данных.

Обычно приводятся показатели двух видов: времени, затраченного на всю партию, и времени, затраченного на отдельные ходы.

Данные о времени, затраченном на партию в целом, позволяют судить об относительной скорости игры шахматистов и отсутствии цейтнотов. Так, например, мы узнаем о том, что Цукерторт в матче со Стейницем играл вдвое быстрее соперника, а Фишер в последние годы затрачивал на партию, как правило, не более 2 часов 20 минут.

Подобные сведения небезынтересны, но они не дают информации для индивидуальной подготовки к противнику. Гораздо содержательнее данные хронометража всех по отдельности ходов в партии.

Такой хронометраж очень полезно учитывать при анализе партий, сопоставляя скорость принятия решения и его качество с характером и сложностью позиции.

Для примера рассмотрим партии Петросяна, сыгранные им в матче на первенство ми-

ра 1966 г. с Б. Спасским. Вторая партия матча (белые Петросян) развивалась так:

1. c4 e6 2. К c3 d5 3. d4 С e7
4. К f3 К f6 5. С g5 0—0
6. e3 h6 7. С h4 b6 8. cd
К : d5 9. С : e7 Ф : e7 10.
К : d5 ed 11. Л c1 С e6 12. Ф a4
c5. 13. Ф a3 Л c8 14. С e2 a5
15. 0—0 Ка6 16. dc bc 17. К d4
С d7 18. С : a6 Л : a6 19. Ке2
a4 20. Л fd1 Ф d6 21. Л d2 С e6
22. h3 Л c7 23. К f4 c4 24. Ф : d6
Л : d6 25. Ке2 a3 26. ba С f5 27.
К c3 Л cd7 28. Л d4 К p f8 29.
f3 К p e7 30. Л cd1 С e6 31. Л b1
Л a6 32. a4 К p d6 33. К p f2
К p c5 34. Л d2 Л a5 35. К p e2
С f5 36. e4 de 37. fe Л : d2 +
38. К p : d2 С d7 39. Л b7 К p c6
40. Л b8 К p c5 41. Л f8 С e6
42. Л b8 С d7 43. Л b7 К p c6
44. Л b2 К p c5 45. К p e3 Л a7
46. Л d2 С c6 47. g4 Л b7 48.
Л f2 Л d7 49. Л d2 Л b7 50. h4
f6. Ничья.

Используя при анализе партии данные хронометража, по-видимому, можно сделать следующие предварительные замечания об игре белых. Первые 14 ходов были сделаны в быстром темпе. Выбор черными дебюта не оказался неожиданным для Петросяна — он был подготовлен к такому развитию борьбы. Затем он задумался над 15-м ходом в связи с тем, что черные избрали редкое продолжение: 14... a5. Над 16-м ходом белые продумали 22 минуты, так как определялся план дальнейшей игры. Видимо, принятое решение было связано с определенными сомнениями, поскольку над 17-м и 18-м ходами, логически следовавшими из наме-

ченного плана, белые размышляли сравнительно долго — 11 и 8 минут.

Из-за ошибки черных на 19-м ходу (вместо 19... a4 лучше было 19... С b5 с равенством) перед белыми вновь возникла необходимость основательно оценить позицию — это вызвало десятиминутные размышления над 20-м и 21-м ходами. В дальнейшем конкретные решения принимались быстро, за исключением 19 минут над 22-м ходом (спорная профилактика — лучше сразу 22. К f4) и 8 минут над 28-м ходом, когда белые избрали не лучшее (речь идет о возможности 28... Л b2), хотя и обязывающее, а более надежное и очевидное продолжение. Секретный 41-й ход при откладывании обдумывался долго — 15 минут, хотя это вряд ли объяснялось сложностью выбора. Вероятные причины — усталость или особо ответственное отношение к секретному ходу.

На основании одной партии делать выводы было, конечно, рано. Мы продолжили анализ и рассмотрели подробным образом все партии матча. А затем для дополнительной проверки возникших предположений подвергли специальному разбору те позиции, в которых был зарегистрирован особенно значительный расход времени Петросяном.

Были выделены позиции, в которых Петросян обдумывал ход свыше 30 минут, от 20 до 30 минут и от 15 до 20 минут.

Выяснилось, что свыше 30 минут он думал дважды:

в шестой партии, когда при обеспеченном равенстве искал и не нашел пути к выигрышу, и при записи секретного хода в седьмой партии. Здесь Петросян избрал наиболее решительный и экономный путь к победе.

От 20 до 30 минут Петросян обдумывал ход в двенадцати случаях, а от 15 до 20 минут — в четырнадцати. Анализ этих случаев позволил судить о том, какого типа позиции наиболее трудны для него.

А в целом на основании всей работы с использованием хронометража было сделано заключение в котором, в частности, отмечались:

1. Быстрота и точность секретного расчета.

2. Быстрое и верное решение технических проблем, особенно в позициях с преимуществом.

3. Быстрая игра в дебюте и при доигрывании отложенных партий. Это позволяло предполагать хорошую теоретическую подготовку Петросяна к матчу и высокое качество анализа отложенных партий.

4. Быстрое и успешное принятие решений в тактической защите.

5. Длительность обдумывания при наличии альтернативы — 1) надежная позиция, но без определенных перспектив на получение перевеса или 2) некоторые перспективы, но с предоставлением противнику контршансов. Обычно выбирается первое.

6. Длительность обдумывания при появлении у противника даже незначительных уг-

роз атаки. Как правило, принимались срочные профилактические меры.

7. Относительно длительное и тщательное обдумывание секретных ходов при откладывании партии. Обычно записывался лучший ход.

Конечно, замечания, подобные приведенным выше, не дают полного представления о шахматисте. Но они могут служить существенным дополнением к информации, полученной другими методами исследования.

Использование хронометража перспективно также для изучения игры в какой-либо отдельной стадии партии. Так, многие шахматисты хорошо известные им дебютные варианты играют в темпе блиц. Правильно ли это? На первый взгляд быстрота кажется оправданной — ведь экономится время. Однако привлечение хронометрических данных позволяет глубже разобраться в этом вопросе.

Приведу пример из собственной практики. При анализе своих партий периода 1962 — 1964 гг. я обнаружил следующее: после молниеносного начала игры я затем тратил на обдумывание ходов с 10-го по 20-й почти в четыре раза меньше времени, чем на пять последующих. Выяснилось также, что в моих партиях далеко не все обстояло благополучно с выбором стратегического плана.

Внимательное изучение партий и данных хронометража привело меня к выводу, что ошибки в выборе плана не

были случайными и во многом объяснялись излишней быстротой игры в дебюте. Обычно к 12—15-му ходам заканчивается развитие фигур и наступает один из важнейших моментов игры — выбор плана. А моя торопливость на первых ходах приводила к тому, что я не мог преодолеть инерцию, не мог остановиться. И уже потом, столкнувшись с трудностями, на 20—25-м ходах был вынужден углубляться в анализ позиции, порой слишком поздно.

Похожее явление наблюдается еще в позициях, где есть так называемые очевидные ходы. Немало шахматистов без раздумий делают эти ходы и... допускают серьезные ошибки. Наблюдения за игрой Фишера показывают, что даже, казалось бы, совершенно вынужденные ходы он никогда не делает без 5—10-секундного обдумывания. Много времени на это не уходит, но зато приобретает лишняя гарантия от зевков.

Рассмотрим теперь применение хронометража к изучению типичных игровых ситуаций: Одна из таких самых распространенных ситуаций — цейтнот.

Цейтнот — трудное испытание для психики шахматиста. Возникновению цейтнота способствует немало объективных факторов: недостаточная теоретическая подготовка, растренированность, сложность положения на доске и значение спортивного результата данной партии. Однако основная причина цейтнота кроется

в свойствах характера шахматиста, прежде всего в снижении волевых качеств и критичности мышления. Исчерпать анализом большинство шахматных позиций невозможно. Поэтому быстрота принятия решения связана не только с объемом знаний, но главным образом с уверенностью и решительностью шахматиста [18].

При подготовке можно определить следующую программу изучения: *частота цейтнотов у противника; успешность игры в цейтноте; зависимость возникновения цейтнота от характера позиции; зависимость возникновения цейтнота от стадии соревнования, значимости спортивного итога данной партии и результата предыдущей партии; качество игры в чужом цейтноте; эффективность профилактики цейтнотов; пользуется ли противник приемом сознательного попадания в цейтнот.*

Прежде всего следует определить, что такое цейтнот. В известной мере это понятие субъективное. У одного чувство ограниченности времени, к примеру, возникает при наличии 15 минут на 10 ходов, у другого — при 5 минутах на такое же количество ходов. Мы будем считать цейтнотом такую ситуацию, когда на обдумывание каждого из оставшегося до контроля числа ходов остается не больше минуты, причем резерв времени не превышает 10 минут.

Исходя из этого, нетрудно подсчитать частоту цейтнотов в соревновании у того или иного шахматиста. Условимся,

что возникновение цейтнотов по крайней мере в половине партий состязания будем считать высокой частотой, от одной четверти до половины — средней, а до одной четверти — низкой.

Например, на межзональном турнире в Гетеборге, 1955 г., Петросян лишь в одной партии (из двадцати) испытывал острый недостаток времени (с Г. Пильником), Геллер же «пережил» 7 цейтнотов, а Керес — 6. Игру Петросяна в Гетеборге можно охарактеризовать низкой частотой цейтнотов, а Геллера и Кереса — средней частотой.

В полуфинале первенства СССР (Пермь, 1971 г.) мы наблюдали за частотой цейтнотов у ряда участников. Результаты таковы: высокая — у Дорошкевича; Зильберштейна, Рашковского; средняя — у Бухмана, Дементьева, Капенгута; низкая — у К. Григоряна, О. Донченко, Крогиуса, Кузьмина, Романишина, Слуцкого. Не было цейтнотов в партиях Зайцева и Лутикова.

Однако судить о подверженности цейтнотам какого-либо шахматиста по итогам одного соревнования не всегда можно. Укажем на пример Кузьмина, который отличался полным отсутствием цейтнотов, а в пермском полуфинале трижды испытывал нехватку времени. Для верности желательно систематическое исследование.

Для творчества Петросяна (до 1969 г.) характерна ярко выраженная низкая частота цейтнотов.

У Геллера наблюдалась иная картина. После 1955 г. у него «медленно, но верно» увеличивалась частота цейтнотов, и к 1969 г. она оказалась близкой к половине в крупных турнирах и матчах. Играя с Геллером, необходимо было учитывать возможность цейтнота.

Но, конечно, мало только знать о подверженности противника цейтнотам. Важнее обладать информацией о том, насколько цейтнот ему «противопоказан», как успешно он играет в собственном цейтноте. Оценить эффективность игры в цейтноте не просто. По-видимому, единственным разумным критерием может быть сравнение оценок позиции до и после цейтнота.

Анализ показал, что в цейтноте все теряют больше, чем приобретают. Однако относительная величина цейтнотных потерь довольно значительно разнится у отдельных шахматистов. Это обстоятельство важно учитывать в игре и при подготовке.

Как соотносятся блиц и цейтнот? Психологически это принципиально различные явления. Поэтому по силе игры блиц нельзя судить об умении шахматиста сражаться в цейтноте. Для примера мы сравнили игру «специалистов» блица — Бронштейна, Васюкова, Петросяна и Таля — с группой не столь быстрых шахматистов, в которую вошли Авербах, Полугаевский, Смыслов. Результаты «специалистов» в цейтноте оказались несколько хуже.

При подготовке важно оп- делить те позиции, которые вызывают у противника наи- большие трудности в поисках решения, т. е. требуют дли- тельного обдумывания. Удач- ное практическое использо- вание этой информации позволяет скрыто управлять действиями соперника, вызывая у него цейтнот.

Так, например, замечено, что Портиш попадает в цейт- нот преимущественно в слож- ной динамичной обстановке на доске, насыщенной комбина- ционными мотивами. Особенно медленно он играет при кру- том, неожиданном повороте в развитии партии.

А у Бронштейна происхож- дение цейтнотов большей частью иное. Его смущают яс- ные позиции с определившимися планами игры. Он начинает искать исключения, проверять очевидное и... попадает в цейт- нот!

Отмеченные особенности стиля Портиша и Бронштейна часто с успехом использова- лись их противниками. Укажем на матч Таль — Портиш (1965 г.). Добавим, что хоро- шее знание манеры игры про- тивника позволяет экономить свое время. Так, играя с Ив- ковым (матч 1965 г., 2-я пар- тия), Ларсен без колебаний предложил неясную жертву пешки. Он писал: «Такие пеш- ки Ивков не берет — в этом я был совершенно уверен... Время для обдумывания сле- дует беречь!» [19, 60].

Изучая противника, полез- но учитывать зависимость воз- никновения у него цейтнотов

от стадии соревнования и спортивного значения партии.

Анализ показывает, что на старте, в середине турнира и на финише цейтноты возникают неравномерно. У многих шах- матистов количество цейтно- тов резко возрастает на фини- ше. В связи с особым значе- нием этого этапа соревнований, а также с обычно наступаю- щей усталостью дефицит вре- мени испытывают и шахматис- ты, обычно не подверженные цейтнотной «болезни». Из вид- ных современных шахматистов, пожалуй, лишь Петросян отли- чается одинаковой «размерен- ностью» игры на всех этапах соревнования.

Интересны данные об изме- нении темпа игры в зависи- мости от результата предыду- щей партии. Выигрыш, как правило, ведет к более быст- рой и уверенной игре, при проигрыше наблюдается об- ратная картина.

После поражения особенно часто оказываются в цейтноте шахматисты, стремящиеся не- медленно взять реванш. К та- ким натурам относится, напри- мер, Ларсен. Петросян не меняет привычного размеренного темпа игры после проигрыша. Это, в частности, указывает на его умение спокойно переносить поражения.

Ценную информацию о про- тивнике дает изучение его по- ведения в чужом цейтноте. Здесь распространенной пси- хологической ошибкой являет- ся стремление максимально ускорить темп своей игры, что- бы не дать сопернику возмож- ности подумать за «чужой

счет». В этом случае происходит фактическое уравнивание времени, но не учитывается, что противник в силу необходимости лучше настроен на быструю игру. Такое поведение свидетельствует о недостатке выдержки, повышенной эмоциональной возбужденности шахматиста. Неправильная тактика игры в цейтноте противника встречалась в практике таких опытных гроссмейстеров, как Глигорич, Сабо, Таль, Флор.

Гораздо выгоднее в цейтноте противника не торопиться и не увлекаться случайно подвернувшимися под руку тактическими операциями. Нужно тщательно продумать план, длинный вариант. А намеченную серию ходов уже можно делать быстрее. Именно так играют Ботвинник и Петросян.

Внимание должно быть уделено также тому, как противник осуществляет профилактику цейтнота. Профилактика — это всегда конфликт между стремлением как можно глубже проникнуть в тайны позиции и необходимостью считаться с регламентом времени.

Шахматисты различными способами сознательно регулируют затраты времени. Каждый из приемов имеет свои достоинства и недостатки. Коротче говоря, универсального способа нет, и решение вопроса зависит от развития чувства самоконтроля шахматиста, умения находить в каждом конкретном случае разумную меру времени.

Рассмотрим наиболее распространенные индивидуальные особенности профилактики цейтнотов.

1. *Оставление резерва времени.* Еще Шпильман советовал всегда оставлять на последний ход 5 минут. Многие шахматисты стремятся придерживаться этого правила. Но на практике такой подход не оправдался. Он слишком догматичен. Часто бывает, что пятиминутный резерв времени лучше израсходовать раньше.

2. *Введение промежуточных контролей.* При этом шахматист заранее планирует затраты времени на определенные серии ходов: например, 15 минут на первые 10 ходов и по 45 минут на каждый последующий десяток ходов. Этот способ позволяет шахматисту сознательно, а не стихийно следить за расходом времени. Но неверно буквально следовать этому способу, ибо невозможно знать заранее, когда в партии возникнут наибольшие трудности.

3. *Обдумывание при ходе противника.* Этот прием легко рекомендовать, но ему трудно следовать. Всегда напряженно работать при ходе противника очень утомительно, и большинство шахматистов не в состоянии выдержать подобную нагрузку. Чаще всего к этому приему прибегают частично — лишь в наиболее напряженные моменты борьбы. К тому же обдумывание при ходе противника обычно не очень производительно, поскольку рассматривается много нереальных вариантов.

4. *Быстрая игра в дебюте.* Подобный способ взят на вооружение Полугаевским и Суэтиным. О его оценке мы уже говорили.

5. *Метод «свертывания».* Под угрозой приближающегося цейтнота шахматист сознательно ликвидирует напряженность положения. При этом он часто жертвует своими преимуществами, упрощая позицию или предлагая ничью.

Так, например, для Петросяна, по его собственному выражению, цейтнот часто бывал «призраком». При приближении цейтнота Петросян нередко соглашался на ничью в перспективных позициях (с Кересом, Гетеборг, 1955 г.) или форсировал размены.

6. *Отказ от профилактики.* Это, собственно говоря, антипрофилактика. В противоположность предыдущему приему здесь шахматист, учитывая надвигающийся цейтнот, все же решает пойти на него. Он сознает, что рискует, но полагает еще более важным найти сильнейшее продолжение на доске. Такой метод применяют Геллер и Полугаевский.

Отметим в заключение, что знание конкретных способов профилактики цейтнота, применяемых противником, очень важно на практике.

Остановимся теперь на случаях сознательного попадания в цейтнот. Основной расчет строится на том, что противник увлечется, станет играть «на цейтнот» и потеряет объективность.

Чаще всего сознательное попадание в цейтнот применя-

ется в тяжелых позициях, когда «отступать некуда». Но надо иметь в виду и более тонкое использование этого приема. Бывает, что позиция равная или даже чуть лучшая, но видно, что тривиальное продолжение не даст больше ничьей. Тогда прибегают к «самоцейтноту». Так успешно играл Бронштейн. Тем, кто так действует, обычно нельзя отказать в психологической проницательности, хорошем понимании душевного состояния противника.

Следует также учитывать, что иногда «самоцейтнот» применяется как средство для мобилизации своих сил, как своеобразный психологический допинг. О подобных примерах рассказывал Дорошкевич.

Но все же в целом метод «самоцейтнота» вряд ли заслуживает положительного отношения. Шахматист должен уметь мобилизовать свою энергию без помощи подобных трюков.

Обратимся теперь к другому важному вопросу: как учитывается партнерами в процессе игры взаимный расход времени? Многие шахматисты регулярно следят за показаниями часов. В проведенном нами анкетном обследовании участников командного первенства СССР (Ростов-на-Дону, 1971 г.) и полуфинала первенства страны (Пермь, 1971 г.) 70 шахматистов из 130 опрошенных подтвердили это. «При обдумывании своего очередного хода я всегда задаюсь мыслью: почему так быстро или медленно сыграл против-

ник», — рассказывал мастер Дементьев.

Авторы комментариев к партиям часто вполне резонно отмечают влияние на ход борьбы режима времени. Приведем для примера несколько фрагментов примечаний Ларсена к партии с Таймановым (Гавана, 1967 г.): «Черные начинают играть на выигрыш! У Тайманова оставалось восемь минут, а у меня, после долгого размышления над этим ходом, на часах значилось втрое больше...» «Белые предлагают ничью! Но у них осталось всего две минуты, а у меня — двадцать!» [19, 169].

От сравнения расположения стрелок на циферблатах нередко зависят настроения противников и общая оценка перспектив игры. Положительный или отрицательный баланс времени влияет на оценку рискованности принимаемого решения.

Фишер в матче в Рейкьявике воодушевлялся, когда видел, что соперник обгоняет его по затратам времени. А как корректируется показаниями часов оценка позиции, нетрудно увидеть из приведенных высказываний Ларсена.

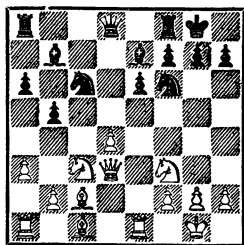
Существенное значение имеет не только общий баланс времени, но и продолжительность обдумывания каждого отдельного хода. Обычно настораживает, когда противник думает долго, особенно в «простой» позиции. Возникает вопрос: о чем же размышлял противник, что он заготовил?

Белые только что сделали ход 14. Л e1. Полугаевский

Найдорф

Полугаевский

Мар-дель-Плата, 1971

рассказал после партии: «Внешне кажется, что логичнее 14. Л d1. Меня насторожило, что ход ладьей был сделан после продолжительного раздумья. Вскоре я заметил, что после естественного 14... Л с8 15. d5 ed 16. С g5 g6 17. Л :e7 белые выигрывают».

Иногда длительным обдумыванием маскируют блеф. Но такой прием обычно имеет успех только в цейтноте или на ближайших подступах к нему. Кроме того, долгие размышления могут служить признаком неуверенности.

Если противник в сложной позиции играет быстро, надо опасаться возникновения чувства недооценки ситуации. Кажется, что он не мог всего рассчитать, чего-то недосмотрел и т. д. Потеря бдительности в таких ситуациях часто наказывается. Превосходно пользовался этим приемом гроссмейстер А. Зайцев. При ходе противника он тщательно изучал позицию и, когда наступала его очередь, отвечал молниеносно. Многие его доверчивые партнеры жестоко расплачивались, ошибочно полагая, что он играет непродуманно.

Восприятие соперника

Мерное тикание часов. За доской — двое. Вот один из них коротким и энергичным жестом передвигает фигуру. На его лице угрюмая непреклонность — взор магнетически прикован к квадрату черно-белых клеток. Другой же весь в движении — он то бросает настороженные взгляды на противника, на часы, то в сторону зрителей, тербит волосы, откидывается на стул и наконец, как будто спохватившись, порывисто делает ход.

Подобные сцены можно наблюдать чуть ли не в каждом турнире. Очень выразительно и по-разному проявляется в борьбе состояние шахматистов. Часто поведение соперников интересует зрителей не менее, чем положение на доске. По внешнему виду шахматистов судят и о позиции. Например, тревожный взгляд, стоящая рядом чашка остывшего кофе создают у болельщиков впечатление, что дела у этого шахматиста плохи.

Однако интересна не только реакция зрителей. Для шахматиста-практика большое значение имеет ответ на вопрос: представляет ли какую-либо ценность информация о внешности противника? Можно ли по лицу, движениям, одежде судить об игре, эмоциональном состоянии, намерениях противника?

Единого мнения на этот счет нет. Мы предположили, что сочетание непосредственного наблюдения с другими

методами подготовки может служить важным, а иногда и решающим условием разностороннего и объективного понимания противника. Для проверки этого предположения был проведен сравнительный анализ игры шести выдающихся шахматистов — Чигорина, Тарраша, Ласкера, Рубинштейна, Капабланки и Ботвинника — с соперниками гроссмейстерского класса. Конкретная цель исследования состояла в выяснении влияния на спортивные результаты отсутствия опыта личного общения (при первой партии) или наличия такового (в последующих встречах с тем же противником). Среди выбранных шахматистов Ласкер и Ботвинник зарекомендовали себя специалистами глубокой психологической подготовки, а остальные, напротив, известны тем, что на индивидуальные особенности противника обращали гораздо меньше внимания.

Мы анализировали результаты, показанные этими шахматистами в годы их наибольших успехов. Фактический материал представлен на табл. 4.

Из таблицы видно, что для Чигорина, Тарраша, Рубинштейна и Капабланки их первое знакомство за доской с гроссмейстерами оказалось в общем более удачным, чем последующие партии. Это обстоятельство, по-видимому, не имеет иного объяснения, кроме того, что они в меньшей степени, нежели их противни-

Таблица 4

**Зависимость эффективности игры
от использования данных наблюдения**

	% очков, набранных в первых партиях	% очков, набранных в последующих партиях с теми же противниками
Чигорин	65,0	50,0
Тарраш	79,1	62,5
Ласкер	50,0	66,7
Рубинштейн	62,5	59,3
Капабланка	63,7	59,8
Ботвинник	55,8	61,5

ки, использовали для будущих встреч впечатления, вынесенные из первых личных контактов за доской.

Сохранившиеся материалы подкрепляют обоснованность такого заключения. В период своих наивысших достижений Капабланка резко отрицательно относился к индивидуальной подготовке. Рубинштейн указывал, что он сражается против белых или черных фигур и личность противника не имеет при этом никакого значения. Тарраш видел в шахматах прежде всего интеллектуальную задачу, решение которой не зависит от характера шахматиста, а всецело подчиняется незыблемым правилам. Не уделяя должного внимания изучению соперников и Чигорин. Наиболее яркие тому примеры — проигрыш Стейницу (23-я партия матча 1892 г.) и Яновскому (Гастингс, 1895 г.). В то же время Чигорин не имел себе равных в области «чистого» анализа, когда понимание индивидуальности противника не имело столь важ-

ного значения. Напомним о его блестящих победах над Стейницем (матч по телеграфу, 1890 — 1891 гг.) и Ласкером (тематический матч, 1903 г.).

«Психологи» Ласкер и Ботвинник значительно улучшили результаты своей игры в последующих встречах по сравнению с первыми. Несомненно, одно только знание опубликованных в печати партий, не подкрепленное наблюдениями за конкретно-психологической обстановкой, в которой эти партии игрались, невыгодно сказывалось на результатах первых встреч. Так, например, Ласкер потерпел поражение в первых партиях против Маршалла и Рубинштейна, хотя в дальнейшем играл с ними весьма успешно (20 очков из 27 возможных).

Совершенно справедливо отмечал Зак: «Но для того чтобы правильно разрешить проблему каждого из своих противников, Ласкеру недостаточно было познакомиться с игранными ими ранее партия-

ми. Очень важно было знать характер и темперамент этих людей, их склонности и привычки, их режим, поведение за шахматной доской и в жизни — одним словом, все то, что можно было выявить только при личном общении с ними. И неудивительно, что первые встречи с сильными шахматистами всегда были для Ласкера самыми трудными и часто заканчивались его поражением» [11, 81].

Также и у Ботвинника «заочные» способы изучения противника неизменно дополнялись и обогащались данными наблюдений. Более понятными в этом свете представляются успехи Ботвинника в матче-реванше с Талем (1961 г.) Ботвиннику понадобился определенный срок личного общения с ним в процессе напряженной матчевой борьбы, чтобы глубже понять характер соперника.

Для выяснения вопроса о том, какое значение придают шахматисты восприятию противника, был также проведен опрос почти ста мастеров и гроссмейстеров. Ответы были разными. Были, например, такие: «стараюсь противника не замечать», «внешние проявления поведения противника во внимание не принимаю, учитываю только положение на доске».

Однако почти 80 процентов опрошенных положительно отзывались о пользе наблюдения за противником. «Всегда стремлюсь замечать все эмоциональные нюансы в поведении соперников», — ответил грос-

смейстер Гуфельд. Некоторые шахматисты даже проводили длительные наблюдения за будущим противником. Например, Петросян побывал в 1965 г. в Тбилиси на матче претендентов. Бронштейн при подготовке к матчу с Ботвинником (1951 г.) прибегнул к оригинальному способу — изучению противника по фотографии. Он повесил портрет Ботвинника над своей постелью!

Все это говорит о том, что и в шахматах старая истина «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», указывающая на роль непосредственного наблюдения, имеет веские основания.

Использование шахматистом только методов кабинетной подготовки, стремление «не замечать противника» превращают живую партию в своеобразное состязание при переписке с соответствующими психологическими особенностями заочной игры. Не принимая в расчет личности противника и конкретной психологической обстановки борьбы, такой шахматист значительно обедняет свои возможности.

В то же время нельзя видеть в наблюдении волшебную палочку-выручалочку, всегда достаточную для правильного понимания соперника. Непосредственное наблюдение может принести пользу лишь в том случае, если оно сочетается с другими методами изучения противника, прежде всего с анализом его партий. Результаты проведенного нами опроса показали, в частности, что наблюдение принесло пользу в

первую очередь тем шахматистам, которые сочетали этот прием с другими методами индивидуальной подготовки. Укажем и на рассмотренные выше результаты первой и последующих встреч Чигорина, Тарраша, Рубинштейна и Капабланки с гроссмейстерами. Вполне вероятно, что в некоторых случаях они пытались распознать смысл внешнего поведения противника, но эти попытки не дали особого эффекта из-за их отрицательного отношения к другим методам психологической подготовки.

Познакомимся теперь с конкретными примерами наблюдений за внешностью противника. Приведенные материалы собраны путем опроса и наблюдений или взяты из литературных источников.

Большое внимание обычно уделяется выражению глаз. Любопытный эпизод произошел на турнире претендентов в Кюрасао (1962 г.). Для встречи с Фишером Петросян приготовил старинный и не пользующийся в наше время репутацией надежного вариант Мак-Кетчона во французской защите. В. Васильев писал: «Когда Фишер увидел, что Тигран избрал неожиданное и трудное для себя начало, он даже обиженно взглянул на противника. Петросян перехватил этот взгляд и внутренне поздравил себя с психологической удачей» [9, 96]. Взглянув Фишера выдал его стремление немедленно наказать противника за проявленное «неуважение» и показал несколько самонадеянное отношение к

дебюту, выбранному соперником. Надо сказать, что «взгляд не обманул»: Фишер импульсивно и не лучшим образом провел дебют, расстроился и в конце концов проиграл.

Григорян рассказывал, что в позиции, где вся борьба, казалось, еще была впереди, его насторожило беспокойство, появившееся в глазах Лутикова (полуфинал первенства СССР, Пермь, 1971 г.). Он стал искать более решительных продолжений и вдруг увидел то, чего опасался противник. Оказывается, нашелся форсированный путь к выигрышу.

Часто состояние шахматиста отражается в мимике. Внимательно следил за мимикой противника Фишер. Есть фотография, на которой он снят за первой партией матча с Б. Спасским. Фишер сидит, обхватив лицо руками, но между пальцами оставлены «бойницы» для глаз, которые внимательно изучают не столько позицию, сколько склонившегося в раздумье над доской соперника.

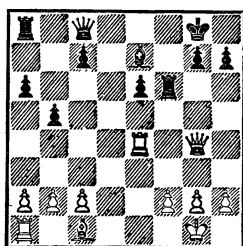
В книге Фишера «Мои 60 памятных партий» есть ряд ссылок на наблюдения, сделанные во время игры: «Я мог видеть по выражению лица Смыслова, что он уже считает свою позицию проигранной». В другом месте Фишер писал: «В этот момент я чуть не угодил в тонко расставленные сети. Рассматривая вариант 17. С g5? Л g6 18. h4 h6 19. Ф h5, я обратил внимание на то, что Трифунович казался чересчур спокойным, и стал подозревать, что он читает мои мысли.

И тут я увидел, что после 19...
Ф e8! черные выигрывают» [39,
125]. В партии было 17. С e3!

Фишер

Трифуневич

Блед, 1961

Данные о состоянии противника дают наблюдения за изменениями его дыхания. В особенно напряженные моменты борьбы многим шахматистам в буквальном смысле труднее дышится. У гроссмейстера Суэтина в такие моменты начинается кашель, вызванный отнюдь не простудой. Затруднения с дыханием при волнении можно заметить у Тайманова, Савона, польского мастера Костро, Дорошкевича и других.

Довольно часто обращают внимание на изменения кровообращения. Дорошкевич рассказывал, что когда он играл с Зильберштейном (Пермь, 1971 г.), то заметил, что у противника внезапно покраснели уши. Дорошкевич посчитал, что ситуация на доске оказалась Зильберштейну в этот момент крайне неприятной. Впоследствии выяснилось, что его предположения были правильными.

Вспоминается, как необычно бледен был Савон в заключительных турах 39-го чемпионата СССР. Несомненно, блед-

ность выражала напряженность его душевного состояния.

В некоторых случаях информацию об эмоциональном состоянии шахматиста дают другие внешние изменения. В партии Таль—Панно (Порторож, 1958 г.) черные хорошо вели длительную острую игру, но в последний момент допустили ошибку. Кобленц объясняет ошибку Панно усталостью: «По лицу Панно струились капли пота» [15, 106].

В какой-то степени сигнализируют о настроении даже волосы. У Полугаевского в трудные моменты они чаще всего растрепаны, а когда прическа не нарушена, то можно не смотреть на доску — опасности нет!

Большую информацию можно получить, наблюдая движения шахматистов во время игры. Например, ходьба. По походке прогуливающегося в ожидании хода партнера-шахматиста можно кое-что узнать об его эмоциональном состоянии. Ботвинник вспоминал: «В сложной позиции, сделав ход, Алехин обычно вставал и начинал, словно коршун, кружить вокруг столика».

Не менее выразительны жесты шахматиста. Так, во время партии с Глигоричем (Амстердам, 1954 г.) Найдорф в цейтноте вдруг поставил под удар пешку. Он тут же судорожно схватился за голову и затем потянулся рукой назад к пешке, как бы собираясь взять обратно ход. Не имея большого запаса времени на обдумывание, а также полагаясь на честность «жестов

отчаяния». Глигорич тотчас же «схватил» подставленную пешку и... быстро проиграл! Оказывается, Найдорф задумал хитрую ловушку и для усыпления бдительности противника разыграл всю эту пантомиму, этичной которую, конечно, не назовешь. Но, безусловно, жесты информируют не только о подобных трюках. Борисенко при возникновении чувства неуверенности обычно разводит руками, Фурман любил медленно тянуться к фигуре, как будто бы намереваясь сделать ход, а затем вдруг быстро отдергивал руку и погружался в длительное размышление.

Любопытно, как по-разному в зависимости от эмоционального состояния шахматиста передвигаются им фигуры на доске. В трудные цейтнотные минуты (вернее сказать, секунды) начинают слегка дрожать руки у Савока и Полугаевского. У некоторых плавные, мягкие движения сменяются резкими, как в боксе, ударами по доске.

Когда настроение хорошее, Гуфельд аккуратно ставит фигуру прямо в центр клетки, но стоит только возникнуть неуверенности, как красота геометрических пропорций тотчас же нарушается — фигура ставится чуть ли не между клетками доски. Таль говорил, что он почувствовал «глухую ярость» Смыслова по тому, как он старательно «ввинчивал» фигуры в доску (III круг, турнир претендентов, 1959 г.).

В общем, немало может поведать о противнике даже, ка-

залось бы, такой незначительный факт, как процесс передвижения фигуры по доске.

Беспристрастными свидетелями страстей, обуревающих шахматистов, являются бланки с записями партий. Я не раз замечал, как Смыслов, почувствовав озабоченность, взамен прежних плавных движений для записи хода полной нотацией быстрым взмахом руки оставлял на бланке короткий и неразборчивый знак. Впрочем, это характерно не только для Смыслова. У многих почерк на бланке служит верным показателем смены настроений.

Надо сказать еще об изменениях позы и осанки шахматистов. Было заметно, например, как обычно чуть сутулившийся Нежметдинов немного привставал со стула, когда надвигался кризис, как теряли в такие моменты свою бравую осанку Штейн и Гипслис. Петросян любит прогуливаться со скрещенными на груди руками. Систематические наблюдения показали, что эта поза сохраняется лишь тогда, когда «на Шипке все спокойно». Изменение позы сразу выдавало его обеспокоенность ситуацией на доске.

Показателем настроения служит также голос. У многих шахматистов излишнее волнение проявляется в переходе внутренней речи во внешнюю. За время многочисленных встреч с Дубининым я убедился, что, как только мой противник начинал проговаривать шепотом варианты и свои соображения о позиции, это означало: он предельно устал.

При появлении неуверенности обычно меняются интонация и тембр голоса, речь становится более прерывистой.

Уверенность обычно сопровождается лаконичностью и решительностью речи. Когда я, предложив Нежметдинову ничью (Саратов, 1953 г.), получил в ответ краткое и твердое «нет», то понял, что уж что-то, а уверенность у моего партнера имеется с избытком.

Говоря о внешнем выражении эмоциональных состояний, надо еще упомянуть об аккуратности внешнего вида, и в частности об одежде. Это тоже полезно принимать во внимание. Один из участников гроссмейстерского турнира в Москве (1967 г.) рассказывал: «Мне предстояла важная партия. Противник опаздывал. Наконец он появился и, тяжело дыша, направился к столу. Обычно он отличался аккуратностью. Но на этот раз я заметил, что он неряшливо побрился, небрежно повязал галстук. Я подумал: «К настоящей боевой партии он сегодня не готов». Предположение оправдалось. Противник играл вяло, и мне быстро удалось захватить инициативу».

Итак, мы рассмотрели несколько примеров, в которых различные факторы внешности учитывались при распознавании настроения противника. Возникает вопрос: все ли указанные факторы одинаковы по своей значимости, и если нет, то какие из них наиболее существенны? А. А. Бодалев, посвятивший этой проблеме ряд интересных исследований,

указывал, что в процессе общения людей их лица и особенно глаза наиболее явственно выражают внутреннее состояние. Выражение глаз и мимика лица в большинстве случаев являются главными источниками информации о противнике.

Иногда высказывается мнение о том, что наблюдение за противником во время игры неэтично. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с этим утверждением. Конечно, должно быть осуждено назойливое поведение, отвлекающее соперника и мешающее обдумыванию. Однако здесь речь идет о наблюдениях иного рода. О наблюдениях, в которых, не пытаясь спровоцировать партнера, шахматист стремится понять то, что следует из неизбежного факта присутствия и своеобразного поведения двух людей за доской. Поэтому, как говорится, нельзя запрещать видеть то, что нельзя не увидеть.

Важнейшая практическая задача заключается в интерпретации и осмыслении полученных данных. Очень трудно на основании внешних проявлений составить верное представление о внутреннем душевном состоянии противника. «Я стараюсь наблюдать за партнером. Но результаты пока неважные. Не умею заметить главное», — рассказывал мастер Р. Часто данные наблюдения чересчур прямолинейно связываются с внутренними побуждениями шахматиста: «смотрит уверенно — значит, дебютный вариант знает». А потом выясняется,

что показная уверенность была лишь «хорошей миной при плохой игре»; встретившегося дебюта этот шахматист толком не знал.

Что же можно посоветовать при анализе данных наблюдения? Следует еще раз подчеркнуть, что эти данные необходимо сопоставлять с материалом, полученным другими методами исследования. Одно только наблюдение собой пользы не принесет.

Более того. Излишнее увлечение наблюдением за партнером — дело опасное. Ведь главное для шахматиста — расположение фигур на доске. Все рассматриваемые способы изучения противника (и наблюдение за ним в том числе) призваны помочь правильно оценить ситуацию, сложившуюся в партии, но отнюдь не заменить расчет вариантов или стратегическую оценку. Никакое, даже самое проникновенное, наблюдение не может само по себе выиграть партию, оно может лишь помочь шахматисту мыслить вернее, глубже, более рационально. И об этом никогда не следует забывать. К тому же в критические моменты увлеченность игрой затрудняет планомерное наблюдение.

Однако вернемся к рассматриваемому методу.

Эффективность восприятия (и основанного на нем понимания) другого человека зависит от трех главных условий: способностей наблюдателя, особенностей жизненной ситуации при наблюдении и личности наблюдаемого.

Для успешности наблюдений необходимо познакомиться с тем, как интерпретируются наукой внешние проявления поведения человека. В некоторых руководствах по психологии бледность рассматривается как признак страха; испарина — признак гнева, смущения, нервозности; сжатие кистей, локти, прижатые к бокам, — признак нервозности и напряженности; ерзание на стуле, частая перемена позы, изменение положения ног — внутреннего беспокойства и т. д. Конечно, нельзя все подобные выводы автоматически переносить на шахматы, но знать их бесполезно.

Важно добиться того, чтобы наблюдение было целенаправленным и систематичным. Вначале не стоит разбрасываться, гораздо полезнее сосредоточиться на каком-либо одном признаке (допустим, поставить перед собой задачу — наблюдать в течение всего соревнования за жестикуляцией соперников).

Для верного понимания шахматиста его необходимо хорошо знать. Научные положения являются лишь общим ориентиром для исследователя. В каждом конкретном случае нужно учитывать индивидуальные особенности, иначе ошибки неизбежны. Так, например, бледность обычно является признаком страха. В большинстве случаев так оно и есть. Однако у Таля бледность, наоборот, часто свидетельствует о его решимости и собранности. Для многих частая перемена позы оз-

начает проявление внутреннего беспокойства. А для Тайманова это привычное занятие во время игры, совсем не связанное с волнениями.

Поэтому для успешного понимания шахматиста нужны не эпизодические, а многократные наблюдения за его поведением. Лишь тогда можно обоснованно судить о том, что означают в каждом данном случае бледность, импульсивность движений, мимика и другие внешние проявления.

Результаты наблюдения должны тщательно анализироваться и сравниваться. Это необходимо для выявления существенных элементов поведения противника.

И еще одно замечание. Тому, кто предвзят скептически относится к самой идее ценности такого изучения противника, любое наблюдение мало что даст. Здесь уместно привести слова одного шахматиста, адресованные группе мастеров: «Неужели вы не чувствуете того, что чувствует ваш противник? Наверное, просто не хотите чувствовать!»

Безусловно, многое в успешных наблюдениях зависит от игровой ситуации. Как правило, самые напряженные моменты борьбы наиболее информативны. В таких ситуациях шахматист, даже при желании, не всегда может скрыть подлинные чувства и мысли. Как показывает опыт, ценную информацию дают наблюдения за шахматистом на финише, в цейтнотах, в кризисные моменты борьбы. Это соображение часто учитывается на практи-

ке. А. Зайцев рассказывал, что он особенно внимательно следил за поведением противников после собственного сильного хода. «Встречаясь с трудностями, — говорил А. Зайцев, — противник более откровенно выражает свои чувства».

Успех наблюдения во многом зависит от личности противника — от его умения или неумения маскировать свои эмоциональные состояния. Эффективность маскировки в известной степени определяется темпераментом шахматиста. Например, холерику, человеку сильно возбудимому, труднее скрывать свои чувства, чем уравновешенному, флегматику. Но не только природный темперамент определяет успех маскировки. Велика роль систематического сознательного контроля за своим поведением. Воспитание внешней сдержанности — сложный процесс, зависящий от развития волевых черт характера. На эту сторону деятельности шахматисты обычно обращают мало внимания. Приведем несколько высказываний гроссмейстеров и мастеров: «Маскируюсь скорее подсознательно. Если требуются усилия, не стремлюсь к сдерживанию чувств», «сознательно не маскируюсь», «я не делаю маски, так как тогда потеряю искренность в жизни» (?) и т. д. На последнее высказывание можно ответить словами одного видного гроссмейстера: «Маскировка необходима для успеха в шахматах. Она вполне этична, поскольку шахматы — состязание, борьба».

Любопытно, что Алехин, показавший пример успешного самовоспитания, совершенно не обращал внимания на внешнюю сдержанность. Ботвинник писал: «За доской Алехин был настолько непосредственным человеком, что, задумывая какую-нибудь комбинацию, он не мог сдерживать своих чувств» [41, т. 2, с. 572]. То же самое можно сказать и о Глигориче. Настроение легко прочитать на его лице. Однажды он опоздал на партию с Ларсеном и не мог скрыть возникшего смущения и волнения. Ларсен мгновенно учел растерянность партнера и избрал для такого случая заранее подготовленный, но весьма рискованный дебютный вариант. Выяснилось, что Ларсен сумел верно оценить момент для применения сомнительного оружия. Глигорич не смог преодолеть волнения и проиграл, не оказав должного сопротивления.

Но если Алехин и Глигорич просто не придавали значения маскировке, то у ряда других шахматистов понимание ее целесообразности имело, хотя успехами в этом отношении они похвастать не могли. По-видимому, неудачи маскировки объяснялись влиянием темперамента и отсутствием должного самоконтроля и систематической тренировки.

Мастер Г. указывал: «Пытаюсь скрыть свои чувства — не получается. Как только увлекусь позицией, забываю о самоконтроле». Бенко, видимо, хорошо понимал, что выразительность его поведения дает

наблюдательному противнику важную информацию. Но скрывать свои чувства ему не удавалось. Поэтому в нашумевшем случае в партии с Талем (турнир претендентов, 1959 г.), вероятно, он надел темные очки не из-за якобы гипноза со стороны противника, а скорее в целях искусственной маскировки, поскольку естественная не получалась.

Вместе с тем имеется много примеров завидной внешней сдержанности шахматистов. Невозмутимо держится Карпов. Обычно был непроницаем Керес. Ни мимикой, ни единым жестом он не выдавал своего истинного состояния. Сдержанность Кереса — результат целеустремленного самовоспитания. Правда, надо отметить, что у него эта работа облегчалась наличием уравновешенного природного темперамента.

Поэтому особого признания заслуживают удачные перевоплощения Таля. Ему, человеку по натуре очень впечатлительному, маскировка давалась, вероятно, с большим трудом. Приведем пример маскировки из практики Таля. Близок финал турнира претендентов 1959 г. Таль на очко впереди Кереса. Играет он с Фишером. Позиция отчаянная. Стоит Фишеру найти верный ход ладьей, и положение становится безнадежным. Фишер записывает на бланке ход — увь, правильный — и «подсовывает» бланк на глаза сопернику, чтобы проверить по поведению Таля точность своего выбора. «Как тут быть?.. И когда Фишер так и впился в него взгля-

дом, Таль с каменным лицом, на котором не шевельнулся ни один мускул, как ни в чем не бывало продолжал свою прогулку. И тогда, сбитый с толку невозмутимостью противника, Фишер сам попал в свою хитро поставленную западню», — писал В. Васильев [9, 205]. Фишер изменил решение и сделал другой, гораздо более слабый ход. Таль выиграл эту партию.

На межзональном турнире 1955 г. в Гетеборге встреча Иливицкий — Гимар была отложена в острой позиции с двумя лишними пешками у белых. Однако анализ показал, что играть на выигрыш опасно. Вначале Иливицкий следовал этой оценке, но затем изменил свои планы. Его ввел в заблуждение внешний вид Гимара — отрешенный взгляд как будто бы совершенно не заинтересованного в результате партии шахматиста. Иливицкий сыграл рискованно, но оказалось, что безучастный вид аргентинца был лишь маской. Гимар нашел интересные контршансы и одержал победу.

Внешняя сдержанность Кесреса неоднократно способствовала его успехам. Маскировка Таля и Гимара также послужила им полезную службу. Все отмеченные случаи маскировки вполне допустимы в шахматной борьбе. Внешнее выражение чувств сдерживается, активные же и демонстративные акции с целью внушить противнику ложные представления о своем душевном состоянии не предпринимаются.

В общем, подобная маскировка вполне согласуется с правилами шахматного кодекса и сложившимися этическими нормами.

Иное отношение должно быть к «маскировке», при которой поведение используется с целью сознательного обмана соперника, причем с применением выразительных средств, не соответствующих моральным нормам человеческого общения. Это фактически уже не маскировка, а намеренная провокация, не имеющая ничего общего с этикой шахматных соревнований.

С подобными целями часто изображается отчаяние после совершенной якобы ошибки. Это удалось Гунсбергу в одной из партий матча со Стейницем. Тот взял, казалось бы, незащищенную пешку и потерял фигуру, попавшись в прозрачную ловушку. Пока Стейниц обдумывал ход, Гунсберг горестно вздыхал, держался руками за сердце и т. д. Об аналогичном случае в партии Найдорф — Глигорич мы уже говорили.

Арсенал приемов подобного рода достаточно широк: это стук при передвижении фигур и включении часов, непрерывные предложения ничьей, намеренная запись на бланке слабого хода, в то время как обдумывается другой ход, и т. п. Но не будем продолжать. Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы определить правильное отношение к этому «джентльменскому набору».

Итак, мы познакомились с

основными особенностями восприятия соперника в процессе игры.

Было установлено, что наблюдение целесообразно, а иногда и просто необходимо для объективного суждения о

противнике. Привлечение данных наблюдения позволяет лучше понять уровень подготовленности шахматиста, его эмоциональное состояние, а также предвидеть его намерения.

Глазами противника

При подготовке не следует пренебрегать дерзкой мыслью — попытаться взглянуть на предстоящую борьбу глазами противника, познакомиться с его соображениями, оценкой обстановки.

Такое мысленное путешествие «за линию фронта» имеет целью приоткрыть завесу тайны над тем, что на самом деле думает противник о себе, о своих шансах и как он в глубине души оценивает игру других шахматистов.

Для этого следует попытаться выяснить прежде всего критичность противника: его самонадеянность или скромность, самолюбие, объективность отношения к себе и другим. Какими же средствами можно решить поставленную задачу? Прямых путей проникновения во внутренний мир человека, как известно, не существует. Остается судить по тому, как работает шахматист над своим совершенствованием, как изменяется его творчество.

Мы уже неоднократно подчеркивали необходимость изучения стиля игры и характера шахматиста в развитии. Хорошо иллюстрирует это положение

применительно к обсуждаемой теме следующее высказывание Полугаевского: «При подготовке к матчу (матч на звание чемпиона СССР с А. Зайцевым. Владимир, 1969 г. — Н. К.) я более всего опасался составить превратное мнение об игре своего соперника, ибо Зайцев «образца 50-х годов» и Зайцев 60-х годов — это два разных шахматиста. У прежнего Зайцева я мог бы найти слишком много изъянов в творчестве, и моя подготовка пошла бы по неверному пути. Поэтому я забыл о Зайцеве 50-х годов, как будто и не существовало нашего личного счета (4:0) в мою пользу... Я увидел, что А. Зайцев проделал над собой гигантскую работу, сумел ликвидировать массу изъянов в своем творчестве» [24].

Рассматривая, например, только дебютную часть партий Фишера за 1968—1971 гг., нетрудно заметить, что он пошел по пути постепенного, но неуклонного расширения своего дебютного репертуара. Если раньше он почти неизменно играл за белых только 1. e2 — e4, а за черных — сицилианскую и староиндий-

скую защиты, защиту Грюнфельда и еще несколько начал, то в указанный период его арсенал обогатился ходами 1. с4, 1. b3, 1. K f3 в игре белыми, а также защитой Аলেখина, защитой Уфимцева и другими модернизациями в игре черными.

При исследовании качества самостоятельной работы и самооценки противника вполне обоснованно применение методов анализа партий и анализа результатов. Однако наиболее интересны источники, дающие информацию о том, как противник сам расценивает достигнутые результаты и сыгранные партии. Эти сведения содержатся в статьях, книгах, интервью, комментариях к партиям и даже в отдельных высказываниях. Поучительно также наблюдать поведение шахматистов сразу же после окончания партии и их анализ после игры.

Приведем несколько примеров. В комментариях к своей партии с Робачем (белые), где были сделаны ходы 1. e4 c5 2. K f3 K c6 3. d4 cd 4. K : d4 K f6 5. K c3 e5, Ларсен указывал: «...я написал статью об этом варианте... В связи с этой статьей Оле Якобсон довольно справедливо заметил, что раз я пишу о варианте, значит, я исключил его из своего репертуара. Нужно лишь добавить, что я играл этот вариант очень редко... Я считал, что его применение должно быть каждый раз неожиданностью, — какое мне, черт возьми дело, корректен ли он на сто процентов!» [19, 76].

А поведение после партии? По свидетельству Шпильмана, обычно возбужденный Яновский винил в проигрыше всех и вся, но только не себя. Поиному держится Полугаевский. Он внимательно разбирает с противником перипетию борьбы и стремится найти ошибку в своих расчетах. Тайманов же неутомимо доказывает, что везде имел преимущество. В общем, немало полезных сведений дает наблюдение за поведением шахматистов сразу же после напряженной борьбы. В такие моменты откровенность и непосредственность часто побеждают сдержанность даже самых скрытных натур.

Для выяснения комплекса вопросов, связанных с самооценкой противника и направлением его подготовки, необходимо наметить программу исследований. Можно предложить следующий план:

1. Отношение шахматиста к ошибкам: а) конкретного характера; б) общего характера; в) допущенным в ходе игры.

2. Отношение к изучению теории.

3. Реакция на типичные игровые ситуации.

4. Отношение к мнениям других о своей игре. Влияние моды и авторитетов.

5. Умение прогнозировать действия соперников.

6. Организация самостоятельной работы.

7. Сравнительная оценка силы игры соперников и своей.

Предложенной программой исследования можно руководствоваться и при решении

проблем самоанализа, в частности при изучении собственной самооценки.

Перейдем к рассмотрению поставленных вопросов. Надо отметить, что конкретные ошибки редко повторяются в практике опытных шахматистов.

Эйве — Рубинштейн (Киссинген, 1928 г.).

1. d4 d5 2. c4 e6 3. K c3 K f6 4. C g5 C e7 5. e3 0—0 6. K f3 K b d7 7. Л c1 a6 8. cd ed 9. C d3 c6 10. 0—0 Л e8 11. Ф b3 h6 12. C f4 K h5? Эйве ответил 13. K : d5, и черные остались без пешки (13... cd? 14. C c7). Два года спустя на турнире в Сан-Ремо Рубинштейн встретился с Аলেখиним. Забыв (!) о партии с Эйве, он попался в аналогичную ловушку.

Но пример с Рубинштейном — исключение. Обычно сходные ошибки не делаются. Так, например, в партии **Липницкий — Петросян** (Москва, 1951 г.) после 1. e4 e5 2. K f3 K c6 3. C c4 C e7 4. d4 d6 5. K c3 K f6 6. h3 0—0 7. 0—0 черные резонно отказались от разменов в центре: 7... K : e4 из-за 8. K : e4 d5 9. C : d5 Ф : d5 10. K c3 с инициативой у белых. Решение Петросяна, возможно, основывалось на опыте его партии с Суэтиным (Москва, 1950), где после 1. e4 e5 2. K f3 K c6 3. C b5 a6 4. C a4 K f6 5. 0—0 C e7 6. d4 ed 7. Л e1 0—0 8. e5 K d5 9. K : d4 K : d4 10. Ф : d4 K b6 11. C b3 d5 12. ed Ф : d6 13. Ф e4! C f6 14. K c3 Л b8 15. C f4 Ф c5 16. Ф e3! черные попали в полосу серьезных затруднений из-за того, что при худшем развитии фи-

гур рано раскрыли позицию в центре (9... K : d4 и 11... d5).

Показателем отношения шахматиста к своим ошибкам служит применение дебютных систем, ранее складывавшихся неудачно в его практике. Как правило, в этом случае им подготовлено усиление. Но каково качество проделанного «ремонта»? От ответа на этот вопрос и зависит оценка умения шахматиста критически подойти к допущенным промахам.

В партии **Микенас — Ботвинник** (Москва, 1940 г.) было сыграно 1. d4 K f6 2. c4 e6 3. K c3 C b4 4. Ф c2 d5 5. cd ed 6. C g5 h6 7. C h4 c5. 8. 0—0 0—0? Черные получили тяжелую позицию и проиграли. Это же положение встретилось в партии Керес — Ботвинник (Ленинград — Москва, 1941 г.). Ботвинник подготовил существенное усиление: 8... C : c3! 9. Ф : c3 g5 10. C g3 cd! 11. Ф : d4 K c6 12. Ф a4 C f5 13. e3 Л c8 с превосходной игрой у черных.

Надо отметить, что вообще в практике Ботвинника не было ни одного (!) случая повторения ранее сделанной дебютной ошибки. Он непрерывно и успешно совершенствовал свой дебютный репертуар.

У многих шахматистов «ремонт» дебютного оружия не отличается такой доброкачественностью. Можно указать на Лисицына, который постоянно усиливал вариант дракона и постоянно в нем проигрывал, на Борисенко, также проигравшего ряд партий после специальной подготовки системы с ходом C f4 в защите Грюнфельда за белых.

Важно учитывать и отношение шахматиста к своим недостаткам более общего характера, допустим, к слабой технике эндшпиля, к изъянам в стратегической постановке партии, к неуверенной игре в пассивных позициях и т. д.

Можно привести немало примеров успешной работы шахматистов над устранением подобных недостатков.

В партиях молодого Бронштейна имелся заметный недочет в искусстве разыгрывания эндшпиля. Упорной тренировкой гроссмейстер изжил этот недостаток. Такой же недочет в своей игре сумел исправить Болеславский. Нежметдинов для улучшения игры в окончаниях проштудировал, в частности, этюды Селезнева, Куббея, Маттисона, Ринка. Это принесло определенную пользу.

Однако далеко не всегда наблюдаются столь благоприятные результаты. Найдорф на протяжении своей долгой шахматной карьеры сохранил нелюбовь к эндшпилю и недостаточно отточенное умение его играть. Сабо так и не преуспел в защите пассивных положений, а Иливицкий — в создании и сохранении инициативы.

Ликвидация недостатков подобного рода — дело сложное и, пожалуй, менее привычное, чем шлифовка дебютного репертуара или усвоение тактических приемов. Здесь меньше ясности в выборе методов работы. Поэтому отношение к ошибкам общего порядка является более верным и глубоким критерием в оценке уме-

ния шахматиста определять и ликвидировать слабые стороны своей игры.

Психологически очень трудно за короткий срок признать свою неправоту. Реакция на ошибки, допущенные в процессе игры, характеризует оперативность тактической мысли шахматиста и его решительность. Познакомимся с двумя различными видами реакций на совершенную ошибку. В партии Ильин-Женевский — Ботвинник (Ленинград, 1938 г.) черные сыграли сначала $S e7 - f8$, но затем, три хода спустя, решились, несмотря на потерю времени, вернуть слона на прежнее место. По этому поводу Флор писал: «Этот весьма характерный для Ботвинника ход чрезвычайно много говорит о нем! Всегда относящийся к себе критически, Ботвинник понял, что на 12-м ходу он сделал ошибку, и решил ее исправить. Это говорит также об его решимости. Не многие мастера поступили бы так.

Например, Эйве в одной партии с Алехиным сделал ошибку ($L f1 - e1$). Двумя ходами позже он должен был бы защитить свою пешку $f2$ ходом $L e1 - f1$, и тогда, несмотря на потерю темпов, его партия была бы вполне хороша. Однако у него не хватило мужества признать свою ошибку, и он защитил пешку $f2$ ходом $K d1$. Ход Ботвинника красноречив!» [40].

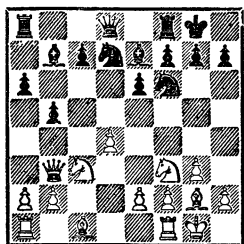
Наиболее тяжелые последствия наблюдаются при неумении или нежелании признать свой промах в выборе стратегического плана. В этих слу-

чаях часто имеет место цепная реакция последовательно возникающих ошибок.

Алаторцев

1940

Левенфиш

Белые стремятся воспрепятствовать маневру $c7 - c5$:
11. Л d1 c5! 12. dc С:c5 13. К e5.

Последовательно, но ошибочно. Белые рассчитывают лишь на 13... Ф c8 14. С:b7 Ф:b7 15. К:d7 К:d7 16. С f4 с давлением в центре. Но их ожидает сюрприз.

13... Ф b6!

Замечательный контрудар, подчеркивающий неразумное упорство белых в отстаивании избранного плана. Теперь надо было ограничиться скромным 14. К d3, поскольку вариант 14. С:b7 С:f2+ 15. Кр f1 Ф:b7 16. Л:d7 Ф h1+ в пользу черных. Но белые все еще мечтают наказать противника за кажущееся пренебрежение к открытой линии в центре.

14. К:d7? К:d7 15. С:b7?

А это уже проигрывает. Лучше 15. Л f1 или 15. e3. Но решиться на бесславное отступление ладьей, понятно, не легко.

15... С:f2+ 16. Кр f1 К c5.

В этом все дело. Черные успевают спасти фигуру и ос-

таться с лишней пешкой. Партия белых проиграна.

Своеобразие самостоятельной работы шахматиста в известной мере характеризуется его отношением к изучению теории. При анализе важно выяснить направленность интересов и усилий шахматиста. Многие интенсивно занимаются лишь теорией дебютов. От этих шахматистов, как правило, нельзя ожидать быстрого повышения класса игры, поскольку развиваются они негармонично и недостатки знаний в области миттельшпиля и эндшпиля не устраняются. Подобное, на наш взгляд неправильное, отношение к изучению теории особенно заметно у многих европейских шахматистов. Играя, скажем, с югославом Чиричем или англичанином Кином, можно с надеждой смотреть в будущее, если удовлетворительно закончилась дебютная стадия партии.

Конечно, изучение дебютной теории тоже полезно, и расширение дебютного репертуара свидетельствует об опереженном росте шахматиста, но значительно перспективнее для дела не забывать о существовании и других стадий партии.

Глубокими и разносторонними познаниями в области теории обладал Алехин. По свидетельству Тартаковера, он помнил все наиболее значительные партии, сыгранные мастерами в течение десятилетия. Из современных шахматистов, пожалуй, наиболее высокой эрудицией обладают

Ботвинник, Петросян, Портиш, Фишер, Геллер, Глигорич.

Бытует мнение, что обширные знания обедняют творческое содержание игры, сковывают самостоятельность шахматиста. Надо решительно признать нелепость и вредность подобных суждений. Самостоятельность отнюдь не является следствием безграмотности.

Внезапное «озарение», нахождение ценной идеи очень часто опирается на глубокое знание проблемы.

Обсудим теперь вопрос об отношении шахматиста к оценкам своей игры со стороны коллег, тренеров, комментаторов и к влиянию моды. Мы сейчас не собираемся выяснять, когда хорошо или плохо следовать чужим советам. Задача иная — обратить внимание на целесообразность учета этих сведений при составлении характеристики противника. Изучение влияния общественного мнения на шахматиста позволяет судить о развитии его самостоятельности.

Сначала об отношении к оценкам коллег, высказываниям авторитетов, комментаторов. Вот, к примеру, характерное, для Ларсена отношение к чужому мнению: «... считают, что у меня хорошо разработанный дебютный репертуар, но ведь это же недоразумение... Утверждают, что я безразлично отношусь к двум слонам, но я с этим не согласен ... Каков мой стиль? Об этом много написано и сказано, и немало вполне разумного. Но можно ли вообще говорить о каком-то стиле? Разве шахматист все

свои партии играет в одном стиле?» [19, 193].

Эти несколько строк много говорят о Ларсене. Он даже рискнул выдвинуть более чем спорный тезис о невозможности разделения шахматистов по стилям игры, чтобы лишний раз заявить протест против навязывания ему чьего-то мнения, определения, классификации.

Иначе реагировал на чужую оценку в свое время Керес. Панов писал: «Ботвинник... сообщил, к общему удивлению, что, по его мнению, сила Кереса заключается вовсе не в глубоком комбинационном зрении, а, наоборот, в тонкой стратегии, что Керес — шахматист маневренно-позиционного стиля, что именно этим он страшен своим противникам и в этом именно отношении Кересу следует совершенствоваться». По-видимому, Ботвинник ошибся в характеристике стиля Кереса. По свидетельству Панова, Керес согласился с этим ошибочным мнением, вняв совету, и... «уже не достигал некоторое время (пока не изменил манеры игры) былых успехов» [28, 89].

При изучении каждого конкретного случая принятия или отрицания шахматистом чужого мнения следует учитывать, кем это мнение было высказано. Нередко шахматисты совершенно неоправданно считают, что заслуживающее внимания суждение может быть высказано только равным или практически более сильным игроком. Думаем, что между способностью к критическому

анализу шахматного творчества и практической силой игры далеко не всегда есть соответствие.

Несколько слов о влиянии моды. Мода в шахматах бывает главным образом двух видов — дебютная и на стиль игры.

Чаще следуют дебютной моде. Усвоить ее проще. Модному стилю (например, стилю Капабланки в 20-е годы или стилю Талья в 50-е) следовать труднее. Однако и такие попытки делались.

При подготовке важно учитывать, что подверженность моде может проявляться по-разному. В ряде случаев это полное принятие существующей моды. Так, например, не успела еще высохнуть краска на новом теоретическом руководстве, а шахматист уже стал полным сторонником появившихся рекомендаций. Наблюдается и крайне отрицательная позиция по отношению к моде. И наконец, наиболее распространено некое среднее отношение. Из модных материалов шахматист выбирает то, что непосредственно относится к его стилю игры, сложившимся взглядам.

При длительном контакте с тренером существует реальная «опасность» во многом уподобиться наставнику. Не будем обсуждать сейчас, хорошо это или плохо. Отметим только, что, может быть, поэтому шахматисты, строго оберегающие свою самостоятельность, — Ботвинник, Ларсен, Фишер — во многих случаях предпочитали обходиться без тренера.

Вопрос о влиянии тренеров затрагивает и другую тему — об умении прогнозировать действия соперников. Полугаевский писал: «В третьей партии я собирался сыграть защиту Тарраша, полагая, что А. Зайцев ее явно не ждет, так как в моей практике она почти не встречалась. Если бы он знал, что за долголетнюю работу с Арониным, прекрасным знатоком этой защиты, я хорошо познакомился с ее схемами и приобрел определенный навык в разыгрывании, то, несомненно, уделил бы внимание подготовке к этому дебюту» [24].

Здесь подмечена существенная подробность: при прогнозировании действий соперника полезно учитывать влияние на его творчество окружающей микросреды — тренера, товарищей по совместной работе над шахматами. Полугаевский совершенно справедливо указал на недочеты подготовки А. Зайцева в этом отношении. Подобной ошибки в матче на первенство мира 1966 г. избежал Петросян, правильно предполагая возможность применения Б. Спасским защиты Макогонова — Бондаревского.

Возможное влияние близкого окружения полезно учитывать при встрече с шахматистом, стиль игры которого мало знаком или вообще неизвестен. Таль, впервые встретившись за доской с Дарга, предположил, что стиль противника сходен с игровым почерком ряда немецких мастеров. В этой партии предположение оправдалось.

Конечно, успешное прогнозирование основано не только на учете влияния наставников и друзей. Важная роль принадлежит умению обнаружить постоянные элементы в игре противника. Расчет строится на вероятности их повторений.

Рассмотрим начало 14-й партии матча **Ботвинник — Смыслов** (1954 г.). 1. d4 K f6 2. c4 g6 3. g3 C g7 4. C g2 0—0 5. K c3 d6 6. K f3 K bd7 7. 0—0 e5 8. e4 c6 9. C e3 K g4 10. C g5 Ф b6 11. h3 ed!

Ботвинник пишет: «Эти три хода мой партнер сделал молниеносно, чему я искренне удивился. Действительно, можно удивляться тому, что Смыслов во всех тонкостях сумел подготовиться к варианту, который я никогда не применял в официальных соревнованиях» [41, т. 2, с. 446]. После 12. K a4 Ф a6 13. hg b5 14. K :d4 ba черные получили хорошую игру.

Под впечатлением этой партии Ботвинник выдвинул интересный вопрос: не нашел ли Смыслов новый метод изучения партнера, позволяющий готовиться к системам, еще не применявшимся данным шахматистом?

По-видимому, никакого чудодейственного средства Смыслов не нашел, поскольку, например, в матче 1958 г. не сумел предугадать появления в дебютном арсенале Ботвинника защиты Каро—Канн.

Вполне вероятно такое объяснение: при подготовке Смыслов учел, что противник любит играть систему с g2 — g3 в стариндийской защите. По-

этому встретившийся в партии вариант был взят на заметку. Анализ собранного материала подсказал, что кроме скромных продолжений 9. d5, 9. b3 и общеизвестного 9. h3 существует довольно «ядовитый» ход 9. Се3, при котором черным до сих пор не удавалось достичь уравнения (к этому времени были сыграны подобным образом партии Котов — Бронштейн и Лилиенталь — Константинопольский). Вывод очевиден: необходимо тщательно проанализировать вариант с ходом 9. Се3, потому что Ботвинник мог обратить внимание на результат борьбы в дебюте упомянутых партий.

Отсюда следует, что при прогнозировании игры противника надо учитывать не только влияние ближайшего окружения, но и воздействие «посторонних» идей, созвучных его вкусам. Предугадать же резкое изменение творческих установок вряд ли возможно. Впрочем, для зрелого шахматиста это вещь почти и нереальная.

По организации самостоятельной работы можно судить о развитии таких качеств характера, как настойчивость, последовательность, трудолюбие.

Но как трудятся соперники? Обычно шахматисты мало осведомлены о работе своих коллег.

Первый вопрос — о систематичности занятий и количестве отводимого на них времени. Ответы очень разноречивы. Таль сообщил следующее: «Я не любитель долго засиживаться. Мне нравятся импро-

визация, легкие партии с друзьями. Увлечшись, порой забываю об обеде, свиданиях, сне. Но могу даже по несколько дней не смотреть на шахматную доску.

О своей систематической напряженной работе рассказывали Полугаевский, Фишер. Фишер как-то спросил Тайманова: «Сколько часов в день вы уделяете музыке?» — и, услышав ответ: «Три—четыре часа», недоуменно произнес: «Так что же тогда остается для шахмат?»

Но, конечно, дело не только в количестве дней и часов, хотя вряд ли кто-нибудь будет оспаривать пользу систематического труда. Главная проблема — организация занятий на высоком качественном уровне. Здесь многое зависит от общей культуры шахматиста, развития его логического мышления. Необходимы навыки исследовательской работы, которые не возникают только благодаря передвижению фигур на доске. Большое впечатление на меня произвело качество аналитической работы Бондаревского. Он умеет сочетать разнообразные логические подходы к решению проблемы. И когда после сотрудничества с Бондаревским видишь, как некоторые участники представительных турниров анализируют по единственному популярному способу «я туда — оч сюда — я туда», кажется, что оказался в каменном веке.

Но есть и другие примеры. Полугаевский рассказывал, что каждую партию он стремится разбирать так, как буд-

то она идет в печать. Он по несколько раз возвращается к тщательному анализу наиболее важных партий.

Следует еще отметить, что самостоятельная подготовка обычно содержит две стадии: сбор материала и его осмысление, переработку. Некоторые шахматисты на первой стадии заканчивают свой труд и в лучшем случае успевают еще бегло проглядеть содержание статей и тексты партий. Подобную работу, по сути дела, нельзя назвать ни творческой, ни самостоятельной.

Мы рассмотрели несколько приемов, позволяющих как бы изнутри взглянуть на мотивы действий других шахматистов. Познакомимся теперь с наиболее, пожалуй, заманчивой попыткой проникнуть во внутренний мир соперника. Речь идет о намерении разведать те сокровенные мысли, в которых противник оценивает свои силы и шансы других шахматистов. Успех «разведки» во многом определяет выбор стратегии борьбы в предстоящей партии. Самоуверенности можно, к примеру, противопоставить тактику заманивания, а робости — энергичное нападение.

Кроме того, возникает вопрос: какие качества самооценки шахматиста благоприятствуют успеху? Нередко приходится слышать, что скромность будто бы мешает в борьбе, а излишняя самоуверенность, наоборот, содействует достижению успеха.

При изучении этих вопросов был собран обширный

фактический материал. Выяснилось, что по многим публичным заявлениям трудно установить истину. Часто в интервью и комментариях, независимо от того, переоценивал ли себя шахматист или был излишне скромн, отход от правды делался с целями: 1) определенного воздействия на противника, 2) рекламы или дезинформации, 3) стимуляции собственного состояния.

Так, например, вряд ли объективно характеризуют молодого Ласкера следующие слова, сказанные им накануне матча со Стейницем (1894 г.): «Я уверен, что в матче с ним я побью его... Во мне кроется столько самолюбия, что я добьюсь звания чемпиона всего света. Если состоится матч со Стейницем, то самолюбие мое будет удовлетворено» [25]. По свидетельству современников, близких к Ласкеру, он очень волновался перед матчем и серьезно опасался искусства противника.

По-видимому, более достоверные сведения дают не прямые публичные оценки силы своей игры, а косвенные источники. Так, например, ценный материал содержат отдельные высказывания, доверительные беседы, закрытые анкеты.

Мы изучали эту проблему путем проведения бесед с «глазу на глаз» и анкетирования участников десяти турниров. Было оговорено, что фамилии испытуемых не будут опубликованы. Поэтому познакомимся с анонимными результатами исследования.

Каждому испытуемому перед началом турнира предлагалось расположить всех участников (в том числе и себя) в порядке силы игры. Затем для каждого шахматиста было подсчитано среднее место, отведенное ему другими участниками, и проведено сравнение этого среднего показателя с местом, на которое он поставил себя сам. Допустим, Васильев установил следующее расположение участников по силе: 1. Андреев. 2. Борисов. 3. Васильев. 4. Григорьев. 5. Дмитриев. 6. Евгенийев. 7. Жуков. 8. Зимин. Предположим, что остальные участники турнира отвели Васильеву только пятое место. Разность дает коэффициент «—2». Условимся, что отрицательный коэффициент указывает на переоценку своих сил, а положительный — на их недооценку (излишнюю скромность). Нулевой коэффициент будем рассматривать как свидетельство объективной оценки.

Далее мы сравнили итоги соревнований с данными предварительной оценки. При этом участники были разделены на несколько групп в зависимости от величины отрицательного или положительного коэффициентов. На основании сравнительного анализа результатов, показанных в 148 случаях участия в соревнованиях, было установлено, что лучшего относительного успеха (по продвижению по местам) добилась группа с коэффициентами 0, —1, —2. Затем, примерно с одинаковыми показателями, шли группы с коэффициентами

—3 и +1, +2. Относительно худшие результаты были у шахматистов с наибольшей величиной коэффициента.

Учитывая эти результаты, можно предположить, что успеху в наибольшей степени благоприятствует согласованность самооценки с оценками других участников. Некоторое преувеличение собственных сил оказывается более выигрышным, нежели их недооценка. Крайние проявления самоуверенности и скромности приводят к серьезным неудачам.

Тартаковер остроумно разделял шахматистов на четыре

группы: «...есть шахматисты, играющие слабо и не знающие, что играют слабо: это невежды — избегай их! Есть шахматисты, играющие слабо и знающие, что играют слабо: это разумные — помоги им! Есть шахматисты, играющие сильно и не знающие, что играют сильно: это скромные — уважай их! Есть шахматисты, играющие сильно и знающие, что играют сильно: это шахматные мудрецы — следуй им» [34]. По отношению к мудрецам мы бы добавили — и больше всего опасайся их!

Самоанализ

Во время совместной работы с гроссмейстером Авербахом я обнаружил в его картотеке объемистое досье с надписью «Ю. Л. Авербах».

С удивлением я рассматривал тогда этот необычный «автопортрет», состоящий из сотен партий и комментариев. Заметив мое недоумение, Юрий Львович так объяснил причины составления досье на самого себя: необходимо учиться, что соперники тоже готовятся к встречам с ним, составляют картотеки, анализируют его партии и пытаются выяснить подлинные мотивы тех или иных поступков. Поэтому полезно предугадать ход мыслей противника в этом направлении.

С тех пор прошло немало лет, но впечатление от разговора не стерлось в памяти.

Действительно, за доской двое. Как же можно ограничивать подготовку только изучением противника и брать в расчет лишь одну сторону? Необходимость углубленного самоанализа очевидна. Эта работа, во-первых, может лучше распознать намерения противника, а во-вторых, позволит по-настоящему самокритично оценить собственное творчество, лучше узнать свои ошибки и недостатки.

Правда, в шахматной литературе встречаются отдельные замечания о пользе самоанализа. Вот два из них. Алехин: «Я считаю необходимым для успеха три следующих фактора. Во-первых, понимание своей силы и слабости, во-вторых, точное разумение силы и слабости противника; в-третьих, более высокая цель, чем минутное

удовлетворение. Эту цель я вижу в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств» [34]. Петросян: «Каждый шахматист, играя с противником, в то же время борется с самим собой. Каждая партия или матч одновременно внутренняя борьба. Я проиграл немало ответственных партий, так как прежде всего не смог победить самого себя» [9, 116]. Однако о практических шагах в деле шахматного самоанализа мало что известно. По-видимому, опыт Ю. Авербаха — один из первых.

Как же изучать себя? Полагаем, что программа исследований формально не должна отличаться от методики изучения противника. Можно предложить аналогичные способы: анализ партий, анализ результатов, хронометраж, выявление трудных игровых ситуаций. Поэтому в предыдущих разделах книги мы неоднократно указывали на те методики, которые могут быть рекомендованы при изучении собственного творчества и решении вопросов самосовершенствования. В этих разделах есть обширный материал, относящийся к проблеме самоанализа. Необходимо подчеркнуть, что проблемы понимания другого человека и самого себя тесно взаимосвязаны и взаимобусловлены и не могут рассматриваться изолированно.

Только наблюдение должно уступать место самонаблюдению. Конечно, самонаблюдение имеет свои недостатки. Но все

же мы должны прибегнуть к самонаблюдению, поскольку часто нет другого способа получения информации о себе. Необходимо только данные самонаблюдения сопоставлять с объективными фактами. Так, примером самонаблюдения является запись своих мыслей во время игры. Целесообразно позднее сравнить эти записи с реальным ходом партии, данными хронометража и другими объективными фактами.

Итак, при изучении противника и себя используются сходные методы. Однако некоторое различие все же имеется. Оно состоит в разной направленности работы. При составлении характеристики противника надо стремиться с одинаковой объективностью показать и его силу, и слабые стороны. Отношение к себе должно быть более критичным. Основной упор необходимо сделать на выявление недостатков, на тщательный анализ поражений, срывов в турнире, просчетов в подготовке и др.

О достоинствах своей игры правильнее думать во вторую очередь. Капабланка сказал: «Мало есть выигранных мною партий, которые научили бы меня столько, сколько мои проигрыши» [12, 7].

Преимущественная направленность на изучение недостатков отнюдь не свидетельствует о необъективности. Дело в том, что психологически труднее выявить недочеты своей игры, нежели достоинства. Хорошо известно, например, что многие шахматисты любят демонстрировать выиг-

ранные партии, долго их помнят, а проигранные часто забывают гораздо быстрее.

Какие же психологические причины вызывают столь различное отношение к успехам и неудачам? Во-первых, следует указать на искусственное разделение логических и психологических аспектов борьбы. Шахматисты часто доказывают несправедливость исхода партии или всего соревнования, основываясь лишь на «чистом» анализе. При этом они забывают о сопутствующей турнирной обстановке: накале борьбы, усталости, цейтноте, психологическом воздействии противника и т. д. Короче говоря, совершенно не учитывается то, что играют люди, а не машины.

Во-вторых, имеется тенденция сваливать вину за проигрыш на противника. Его ошибки переоцениваются, и создается ложное представление о соотношении силы игры. В случае же собственного успеха представляется, что все шло вполне закономерно. Алехин отмечал: «Мы больше учимся на собственных ошибках, хотя ошибки других и кажутся более поучительными» [34].

И наконец, в-третьих, допущенные промахи часто расцениваются как обидная случайность, фатальное невезение. Панов рассказывал, что он однажды «зевнул» Кану ладью на поле а6. «При последующем анализе, разбирая самые разные варианты, я несколько раз повторял тот же зевок, упорно ставя ладью на то же самое место, под удар. Это доказы-

вает, что зевок был не случайностью, а следствием какого-то в корне ошибочного плана, прочно свившего себе гнездо в моем мозгу, причем в состав плана входил захват поля а6. Стало быть, и проигрыш не был случаен, как мне искренне казалось в то время, а явился логическим следствием плохой формы и недоработанности плана» [28, 81].

Указанные психологические барьеры необходимо учитывать в конкретной работе. Очевидно, что надо тщательно разбирать каждую сыгранную партию. Однако нельзя ограничиваться анализом сразу же по окончании партии. В такие моменты шахматисты обычно перевозбуждены и бывают не в состоянии правильно оценить ход борьбы. Поэтому по примеру литераторов, советующих возвращаться к исправлению рукописи спустя некоторый срок, шахматистам следует дать время партии «отлежаться».

Лучше всего проводить разбор своего творчества в спокойной послетурнирной обстановке. При этом очень полезно привлечь данные хронометража и записи соображений во время игры. В общем, хочется посоветовать: постарайтесь как можно полнее воссоздать психологическую атмосферу борьбы, не ограничиваясь только шахматным анализом.

В полуфинале первенства СССР (Ленинград, 1949 г.) мне предстояло в последнем туре встретиться с Лисицыным. Для выполнения мастерской нормы необходим был только

выигрыш. Однако я быстро и почти без сопротивления проиграл эту партию. После окончания соревнований я обнаружил дебютную ошибку и, удовлетворившись этим, закончил анализ. Действительно, в дальнейшем я не повторял тот дебютный промах, но зато, ограничившись чисто шахматной стороной, проглядел более существенный недочет. А следовало обратить внимание на то, что быстрая катастрофа произошла именно в решающей встрече после тура, когда во что бы то ни стало требовалась победа. К сожалению, столь серьезный недостаток своей игры, как неуверенное проведение решающих встреч, я распознал значительно позднее.

Перед шахматистом, изучающим собственное творчество, стоит важная задача — отделить главное, наиболее существенное от второстепенного и случайного. Помощь в решении этой задачи может принести использование данных статистики.

Поучительный в этом отношении материал содержит биография Ботвинника. Вот пример. В предвоенные годы многие специалисты об. чяли его успехи преимущественно дебютной эрудицией. Ботвинник решил разобраться в обоснованности этого мнения. Для этого он, в частности, сравнил свои результаты белыми и черными в 11-м первенстве СССР (Ленинград, 1939 г.). Выяснилось, что в восьми партиях черными он набрал 6,5 очка, а белыми — 6 очков из 9.

Ботвинник писал по этому поводу: «Этот же чемпионат полностью обезоружил моих «критиков»: играя черными, такого результата нельзя добиться «дебютной эрудицией», ибо, какова бы ни была эта эрудиция, черными во всех партиях перевеса в дебюте не получишь! Значит, я переигрывал своих противников в дальнейшей борьбе — мои дебютные познания здесь были ни при чем...» [41, т. 1, с. 548].

Ботвинник обосновал сделанное заключение и анализом партий. Он привел для иллюстрации фрагменты из четырех партий, иггранных им черными: с Белавенцем, Лисициным, Макогоновым и Рабиновичем. Во всех рассмотренных примерах белые попали в трудные позиции не из-за дебюта, а вследствие недостаточно высокой техники позиционной игры. В дальнейшем, уже в 50-х годах, вопрос о «дебютной эрудиции» как основной причине успехов Ботвинника снова всплыл на поверхность. Отвечая на утверждения Левенфиша, Ботвинник указал на их противоречивость. Левенфиш обосновал свои выводы лишь пятью (!) партиями из ста рассмотренных.

Позволю себе привести пример из собственной практики. Долгое время я играл белыми против староиндийской защиты самые разнообразные варианты. Естественно, что попытка «объять необъятное» не могла принести успеха. Стало ясно, что надо остановить выбор на одной, максимум на двух системах. Сделать это

удалось благодаря помощи хронометража и статистики. Оказалось, что в варианте с фианкеттированием королевского слона я играл сравнительно успешно и более равномерно расходовал время на обдумывание. Выбор был сделан, и, насколько можно судить по результатам нескольких лет, вполне удачный.

Однако шахматисты далеко не всегда следуют логике фактов. Так, автор этих строк длительное время питал необъяснимое влечение к атаке Маршалла в испанской партии. Несмотря на чередование половинок и нулей, я был не в силах отказаться от магнетического влияния этого дебюта. Последний печальный пример — партия с Талем (Ленинград, 1970 г.).

В предыдущей главе был затронут вопрос об отношении шахматиста к оценке другими его творчества. Тогда мы ограничились указанием на целесообразность учитывать в характеристике положительную или отрицательную реакцию шахматиста на критику. Сейчас же мы должны не только констатировать имеющиеся факты, но и попытаться разобраться в существовании этого вопроса.

Согласно теориям, распространенным в буржуазной психологии, источники и цели самоанализа замкнуты пределами отдельной личности. Отсюда и практическое руководство: «Смотрите внутрь себя, развивайте единственное в своем роде я» [5].

Подобная самоизоляция не способствует развитию личности. Совершенно справедливо говорил философ Д. Рескин: «Познать самого себя» есть основное правило. Но неужели Вы думаете, что можно познать себя, всматриваясь в себя? Нет. Вы можете познать себя, только присматриваясь к тому, что вне Вас. Сравните Ваши силы с силами других» [38, 161].

Подлинная самостоятельность заключается не в том, чтобы безоговорочно отвергать все замечания. Односторонняя негативная позиция указывает лишь на упрямство шахматиста, отсутствие у него разумных внутренних убеждений. Все это только затрудняет правильное понимание собственного творчества.

Нельзя отмахиваться от критики, какой бы несправедливой она ни казалась на первый взгляд. Ведь вряд ли критикующий задавался специальной целью вас обидеть — скорее всего ему что-то не понравилось в вашей игре по существу. Поэтому, отбросив предвзятость, надо попытаться разобраться в обоснованности сделанных замечаний.

Насколько можно судить по биографическим материалам, всегда учитывал замечания о своей игре, особенно критические, М. Ботвинник. Часто он не соглашался с чужим мнением (например, о роли «дебютной эрудиции» в его творчестве), но неизменно был внимателен к нему. Большую помощь в правильном определении недостатков собственной

игры принесли Котову советы Романовского.

К сожалению, даже на высшем шахматном уровне насчитывается немало примеров противоположного характера. По поводу позиции из второй партии матча Талья — Глигорич (1968 г.) многолетний наставник экс-чемпиона мира А. Кобленц писал следующее: «Объективность требует признать, что в этой позиции проявилась характерная черта для творчества Талья последних лет: блестящие и глубокие идеи чередуются у него иногда с грубыми тактическими промахами и антипозиционными вылазками. За примерами далеко ходить не надо: вспомним партии Талья с Портишем и Глигоричем в московском международном турнире 1967 г. А от хода g7 — g5 против Ларсена (9-я партия матча), могу признаться, я чуть не получил в шок».

Я не согласен с Талем связывающим эти просчеты и промахи с плохой спортивной формой: как тренеру мне ясно, что частое упоминание в его комментариях замечаний: «ускользнуло от моего внимания», «мне померещилось», «я недооценил» и т. п. свидетельствует просто о неравности игры» [16].

В течение ряда лет Талю не удавалось преодолеть указанные недочеты. Примером может служить хотя бы его неудачное выступление в межзональном турнире в Ленинграде (1973 г.), прозвучавшее обидным диссонансом на фоне предшествовавшей этому тур-

ниру серии побед рижского гроссмейстера.

Требуется критика и в повседневной работе над изучением собственного творчества. Для этой цели полезна проверка полученных выводов вдвоем — с тренером или товарищем по совместной работе над шахматами. В этой связи можно определить условия, благоприятствующие творческому содружеству двух шахматистов.

Конечно, при данной направленности работы необходимо приблизительное равенство шахматистов по классу игры и уровню шахматной культуры. Нужно и взаимное доверие. Но силы игры и доверия еще недостаточно. Необходимо взаимная симпатия, более того — дружба. Без настоящей дружбы вряд ли возможна полная отдача энергии при совместной работе. По видимому, преимущественно по этому признаку комплектовались пары: Болеславский — Сокольский, Керес — Микенас, Портиш — Чом, Геллер — Сахаров, Геллер — Гуфельд, Глигорич — Матанович и др.

Однако, как показывает практика, хотя наличие дружеских отношений — условие обязательное, одной дружбы для полного успеха мало. Для эффективной работы необходимо постоянное столкновение мнений, обстановка благожелательной, но острой дискуссии. Мы, например, считаем, что работа Е. Геллера с Э. Гуфельдом и Ю. Сахаровым не оказалась достаточно продуктивной, поскольку взаимной

критики в содружестве недо-
ставало.

Все сказанное может соз-
дать впечатление, что наибо-
лее перспективно объединение
шахматистов с различными ус-
тановками и стилями игры.
Кажется, что уж тогда полез-
ные для дела диспуты просто
неизбежны.

Действительно, практика
дала немало примеров удачно-
го творческого содружества
очень разных по стилю игры
шахматистов. Назовем такие
пары: Алехин — Элисказеэ,
Ботвинник — Рагозин, Бела-
венец — Юдович, Смыслов —
Симагин, Карпов — Фурман.
Известно, что по признаку раз-
личия творческих установок
С. Глигорич выбрал своим тре-
нером Д. Велимировича.

Однако можно указать и на
множество случаев, когда по-
лярность стилей не дала ожи-
даемого эффекта, а, наоборот,
сходство творческих позиций
не оказалось помехой делу.
По нашим наблюдениям, суть
проблемы не столько в разно-
образии стилей игры, сколько
в наличии у обоих шахматис-
тов определенных черт харак-
тера.

Главная опасность для сов-
местной работы — соглаша-
тельство. Какими бы разными
по творчеству ни были бы
шахматисты, но если один из
них всегда согласен с мнением
другого, то толка от работы не
будет. Успех содружества
Смыслов — Симагин объяс-
нялся прежде всего тем, что
гроссмейстеры приходили к
общему заключению, только
основательно поспорив.

Таким образом, различие
стилей игры — благоприятное,
но не решающее условие эф-
фективности совместной рабо-
ты. Главное — самостоятель-
ность характеров обоих парт-
неров, умение не только прини-
мать чужое мнение, но и от-
стаивать свое.

Итак, мы последовательно
рассмотрели ряд общих мето-
дических требований к работе
по изучению собственного твор-
чества. Предположим теперь,
что такая работа проделана:
определены слабые и сильные
стороны игры и поведения. Это
позволяет понять, на чем стро-
ит свои расчеты противник,
и дает возможность вернее
предугадать его действия. Од-
нако роль самоанализа этим
не исчерпывается. Самоанализ
дает материал для дальнейше-
го развития личности шахма-
тиста путем самовоспитания.
Действительно, раз недостат-
ки определены, то можно серь-
езно подумать о способах их
исправления.

Шахматисты разработали
немало интересных приемов
самосовершенствования. Ши-
рокой известностью пользуют-
ся предложения Нимцовича.
Он рекомендовал при анализе
сначала самостоятельно наме-
тить ход, а уже затем сравнить
его со случившимся в партии.
Полезно также читать шах-
матную литературу без доски.

Ботвинник универсальным
методом считает тренировку.
Он писал: «...я уже давно со-
ветовал нашим мастерам, си-
стематически попадающим в
ужасный цейтнот, один путь
борьбы с этим недостатком.

Надо играть тренировочные партии и при этом обращать внимание в первую очередь на часы, а не на качество игры или ее результат и продолжать эти упражнения до тех пор, пока не выработается навык целесообразно распоряжаться временем, успевая рассчитывать все необходимые варианты... Таким методом надо лечить и другие недостатки: во время специальных тренировочных партий надо обращать внимание на определенный недостаток — до его полного исчезновения» [41, т. 1, с. 549].

Эти и другие методы, разработанные шахматистами-практиками, несомненно, полезны, и было бы неправильно их отвергать. Но все же эти методы носят относительно частный характер, и возможности их применения ограничены. Так, игра вслепую помогает развитию комбинационных способностей. Однако, как правило, для практической игры нужны не только определенные качества мышления, но и широкий комплекс свойств личности шахматиста.

Рассмотрим, к примеру, проблему трудного противника (т. е. шахматиста, которому систематически проигрываешь). В игре с таким соперником кроме чисто шахматных моментов огромное, вероятно решающее, значение имеет общее психическое состояние шахматиста, наличие у него уверенности и спокойствия. Поэтому при подготовке недостаточно, скажем, проштудировать дебюты или провести тренировки по разыгрыванию

окончаний, даже если причиной предыдущих проигрышей был дебют или эндшпиль. Прежде всего необходимо обрести состояние собранности и душевного равновесия.

Обратимся к ситуациям цейтнота. Практика показала, что распространенные средства: тренировочные партии, быстрая игра в дебюте и другие — сами по себе не являются достаточно надежными лекарствами против цейтнотной болезни. Объясняется это тем, что чересчур длительное обдумывание связано не столько с уровнем тренированности шахматиста, сколько с общими недостатками волевой сферы его характера.

Поэтому для совершенствования шахматист должен применять в сочетании со специфическими, чисто шахматными способами подготовки и общепсихологические методы самовоспитания.

Рассмотрим в порядке постановки вопроса перспективы использования методов самоубеждения и самовнушения в шахматной практике. Самоубеждение и самовнушение являются видами воздействия человека на собственную психику с целью вызвать определенные мысли, чувства и действия.

Самоубеждение должно преимущественно опираться на понимание, на логическую доказательность приводимых доводов. Процесс самоубеждения — это скрытая дискуссия с самим собой. Прежде чем выносится заключение, последовательно рассматриваются

различные соображения «за» и «против». Приведем несколько примеров.

Партия отложена. обстоятельный анализ показал, что опасность проигрыша не угрожает. Должна быть ничья. Но чувство какого-то безотчетного страха не покидает шахматиста. Он нервничает, суетится, наспех обедает и в том же состоянии томительного беспокойства проводит остающееся перед игрой время. В результате приходит на партию перевозбужденным. Не правда ли, знакомая картина?

Однако можно попытаться прекратить ненужные волнения. Прежде всего следует отвлечься от хаоса посторонних мыслей и постараться глубже сосредоточиться на анализе. При этом последовательно, не торопясь воспроизвести в памяти основные варианты. Вывод по каждому варианту надо фиксировать при помощи внутренней речи (например, в виде следующей фразы: «Итак, вторжение ладьи на вторую линию для меня неопасно. Это даст противнику максимум ничью». Обобщение частных выводов по отдельным вариантам должно дать заключение о надежности или опасности позиции в целом. Конечный результат мысленного анализа также следует выразить в словесной форме. Привлечение развернутой внутренней речи усиливает доказательность рассуждений.

Как показали наши наблюдения, подобная методика обычно оказывалась эффективным средством для снятия от-

рицательных эмоциональных состояний. Конечно, если в процессе самоубеждения возникает новая ценная идея или обнаруживается какая-либо неожиданность, не предусмотренная раньше, то, учитывая изменение ситуации, надо приниматься за новый анализ. Но это уже другой вопрос.

Самоубеждение применяется при возникновении сомнений. Оно активно противодействует неопределенности мыслей и чувств шахматиста и способствует принятию твердого решения. В этом большое достоинство метода самоубеждения.

Нимцович, проанализировав результаты своих выступлений в соревнованиях, увидел, что напряженную борьбу во всех партиях он выдержать не в состоянии. Полученные данные настолько его убедили, что он разработал для себя соответствующую турнирную тактику, которой неукоснительно следовал.

Для сохранения сил к финишу он стал руководствоваться принципом экономии энергии на старте и в середине турнира.

Нимцович писал о своей игре на турнире в Карловых Варах (1929 г.): «Начиная с 11-го тура и вплоть до 18-го я сыграл 5 коротеньких партий: с Грюнфельдом я достиг чуть-чуть лучшего эндшпиля, а затрата энергии предстояла бы огромная... А главное, я не опасался малодушно, что в будущем, мол, буду сетовать на самого себя за упущенный выигрыш, ибо твердое реше-

ние исключает всякие грядущие самобупреки (принцип властного решения!)» [27].

Возможности использования приемов самоубеждения очень широки. Укажем на процесс выбора хода в партии, отношение шахматиста к различным игровым ситуациям, решение вопросов подготовки и т. д. Отметим, в частности, целесообразность применения самоубеждения для преодоления цейтнотов.

Нимцович указывал: «...90% случаев цейтнота получается не от того, что игрок занят был расчетом разветвляющихся вариантов, а просто по причине жалкой нерешительности» [27]. Конечно, в таком деле трудно подсчитать проценты, но в целом мысль Нимцовича, несомненно, правительна. Мы посвятили несколько занятий с кандидатами в мастера и перворазрядниками выяснению вопроса: над чем они размышляли в предцейтнотный период? Выяснилось, что в большинстве случаев время было потеряно не на углубленное изучение намеченных продолжений (и неплохих, как показал анализ после партии), а на бесплодные сомнения вроде: «там не хорошо это, здесь не нравится то, что же делать?» Был дан совет — в будущем при приближении цейтнота постараться поставить перед собой вопрос: действительно ли необходимо длительное обдумывание и нет ли здесь аналогии со случаями, разобранными на занятиях? Предварительные результаты эксперимента позволяют вы-

сказать мнение, что самоубеждение способствует более рациональному расходованию времени.

Конечно, самоубеждение не приводит автоматически к успеху. Результат самоубеждения зависит от того, насколько серьезно шахматист осознал необходимость преодоления недостатков своей игры.

Безусловно, самоубеждение не является универсальным методом самовоспитания. При ограниченном количестве исходных данных для логического анализа, при трудности сопоставления разнообразных факторов, а также в ситуациях, требующих быстрого решения, самоубеждение не всегда возможно, не всегда эффективно. В подобных случаях — часто применяется самовнушение.

Самовнушение также является способом управления собственной психикой, но в отличие от самоубеждения критичность сознания здесь не столь высока. Самовнушение в большей степени опирается на эмоциональные моменты и чувство доверия. Что-либо внушить себе означает испытать твердое доверие к внушенному.

Самовнушение осуществляется путем проговаривания вслух или мысленно определенных приказов или наставлений. Применение самовнушения основано на «правиле трех К» — конкретности, краткости и категоричности.

Самовнушение не может быть использовано для одномоментного решения нескольких целей (например, для борьбы с просмотрами и для

преодоления чувства страха перед противником). Нельзя также ставить перед самовнушением задачу слишком общего характера (допустим, внушать себе мысль стать сильным мастером). Самовнушение всегда направлено на достижение какой-либо конкретной цели. Н. Головкин в своей интересной книге «Путь к мастерству» приводит пример преодоления усталости во время соревнований благодаря непрестанному применению самовнушения. Самовнушение должно быть также кратким и категоричным. Употребление многословного и противоречивого самовнушения подрывает веру в истинность внушаемого.

Для каждого отдельного случая следует заранее выработать определенную форму самовнушения, которая должна произноситься от своего имени в утвердительной форме и в настоящем, а не в будущем времени. Противопоказано употребление частицы «не».

Недостаточно использовать при самовнушении, например, такие выражения: «я не расстроен», «я не буду долго думать», «я сегодня буду играть хорошо», «я не зеваю» и т. п. Лучше говорить: «я спокоен», «я быстро играю», «я сегодня играю точно и сильно», «я верно рассчитываю все варианты».

Для успеха самовнушения требуется определенная зрелость личности, в частности высокая устойчивость внимания. Академик В. Бехтерев указывал, что самовнушение может оказаться действенным при условии полного на нем

сосредоточения. Считается также, что для самовнушения благоприятно состояние мышечного расслабления. Мы полагаем, что эти соображения не исключают возможности успешного употребления самовнушения и во время игры.

Самовнушение находит широкую сферу применения в разнообразных шахматных ситуациях. По-видимому, перспективна роль самовнушения в профилактике цейтнотов и снятии отрицательных эмоциональных состояний (например, после поражения, перед встречей с трудным противником, на финише и т. д.).

Было бы неверно противопоставлять самоубеждение и самовнушение. Оба метода тесно связаны, имеют различные промежуточные формы и на практике часто выступают в сочетании. Обычно самовнушение создает почву для самоубеждения, а последнее нередко носит внушающий характер.

Например, при подготовке к трудному противнику применяется способ «дискредитации». Заключается он в том, что для анализа намеренно выбираются только проигранные будущим соперником партии. Это делается с целью создать преувеличенное мнение о его недостатках и тем самым повысить собственную уверенность.

Решение применить способ дискредитации и подбор материалов первоначально основываются на внушающем воздействии мыслей о том, что противник не так уже силен и с ним можно справиться. Затем

вступает в дело логический анализ. Результаты анализа, казалось бы вполне объективного, убеждают шахматиста в том, что противник имеет значительные недочеты в игре. Страх пропадает.

Нимцович для борьбы с излишним волнением советовал искусственно преуменьшать значение результатов соревнования. Здесь также преодоление отрицательного эмоционального состояния вначале базируется на внушении большей значимости чего угодно, но только не результата партии. В последующем анализе, «спекулируя» важными, но в данный момент совершенно посторонними соображениями, шахматист убеждает себя в том, что действительно не стоит слишком переживать из-за результата игры.

В свою очередь, возникшие убеждения не сохраняются в неизменном виде. Путь получения убеждающего вывода постепенно забывается. В сознании остается лишь итоговая мысль, которая часто оказывает уже категоричное внушающее воздействие. Укажем на разнообразные примеры, а также на «принцип властного решения».

Нередко самоубеждение и самовнушение не только не дополняют друг друга, но и выступают в противоборстве. Так бывает, когда логический анализ приводит шахматиста к неблагоприятным заключениям. В этом случае в создании положительного эмоционального противовеса особенно велика роль самовнушения. Само-

внушение используется в борьбе с очевидной, казалось бы, логикой фактов для изменения сложившегося мнения. Тартаковер писал: «Внужденная потеря пешки ведет часто к психической подавленности, в то время как истолкование этой потери как жертвы пешки является источником, откуда можно черпать энергию для продолжения боя. Мы видим, таким образом, сколько оттенков можно придать одному и тому же обстоятельству, и несомненно, что боец, посвященный во все эти психологические тонкости и обладающий сверх того крепкими нервами, и будет считаться с указанными соображениями и постарается их использовать к своей выгоде» [35, 188].

Таким образом, самовнушение и самоубеждение — средства воздействия на собственную психику — находятся в сложной взаимосвязи.

Итак, мы познакомились с основными методами самовоспитания шахматиста. Рассмотрим теперь вопрос о том, как влияет самоанализ на планирование шахматистом участия в соревнованиях и выбор тактики борьбы.

Сколько надо играть? Эта проблема одна из наиболее важных для практики и в то же время одна из наименее исследованных. Можно услышать самые разноречивые мнения о том, что лучше: играть ли чаще, реже, больше или меньше? Обычно дискуссии об определении оптимальной шахматной нагрузки возникают при объяснении неудач. Иг-

рающие мало при этом сетуют на снижение игровых навыков, отставание от теории, играющие много — на усталость, потерю «вкуса» к шахматам и... также на отставание от теории. Обе стороны по-своему правы, даже относительно теории. В первом случае верно учитывается то, что теория глубоко осваивается только на практике, а во втором имеется в виду не менее справедливая мысль, что при непрерывном участии в соревнованиях просто некогда засесть за серьезное изучение теории.

Возможно ли определить оптимальную частоту выступлений шахматиста в соревнованиях? Оговорим сразу, что этот вопрос будет обсуждаться применительно к шахматистам, находящимся в возрасте творческой зрелости. Очевидно, что в другие периоды жизненного пути (периоды начала шахматной деятельности и спада достижений) «норма» должна быть иной.

Для получения информации мы обратились к авторитетам. Выяснилось, что какие-либо ясные рекомендации отсутствуют. Так, например, Панов советует регулярно несколько раз в год играть в местных или менее значительных соревнованиях, а в наиболее ответственных — два-три раза. Сколько партий в год это означает — 50, 60 или 100, — понять трудно.

Мы обратились к спортивным биографиям тридцати видных шахматистов прошлого и современности. Анализ показал, что в период активных

выступлений эти шахматисты играли в среднем 37 партий в год. Гроссмейстеры нынешнего поколения в связи с повышением интенсивности шахматной жизни выступают в соревнованиях чаще. Средняя норма для них — 42 партии в год. Приведем для примера отдельные результаты: Чигорин — около 40 партий (за год), Капабланка — 25, Алехин — 47, Рагозин — 35, Ботвинник — 26, Решевский — 29, Керес — 45, Фишер — 40.

Относительно равномерное распределение по годам наблюдалось у большинства современных шахматистов. Из современных гроссмейстеров сравнительно неравномерно выступали Фишер и Ларсен. Фишер за период 1958 — 1971 гг.: 1958 г. — 37 партий, 1959 г. — 80, 1960 г. — 68, 1961 г. — 41, 1962 г. — 68, 1963 г. — 26, 1964 г. — 11, 1965 г. — 32, 1966 г. — 35, 1967 г. — 47, 1968 г. — 26, 1969 г. — 1, 1970 г. — 73, 1971 г. — 21.

Полученные результаты показывают, что многие видные шахматисты в наиболее активный (и обычно более успешный) период своей спортивной деятельности за год играли в среднем около 40 партий. Отклонения от среднего уровня в отдельные годы, как правило, не превышали 10—12 партий. Следовательно, в год они играли 30—50 партий.

Можно ли считать такое количество партий оптимальной нормой годовой нагрузки квалифицированного шахматиста?

Однозначный ответ, по-видимому, невозможен. Имеются существенные индивидуальные различия в понимании того, сколько нужно играть. Ларсен указывал: «Сколько партий можно сыграть за год «в полную силу» — дело сугубо индивидуальное. Для себя самого я считаю максимальной цифру 80...» [19, 194]. Геллер, Глигорич, Гуфельд также утверждают, что для них полезны частые выступления.

Ботвинник придерживался, как известно, иной точки зрения и в годы расцвета играл лишь по 20—30 партий в год. Следовательно, строгого правила, обязательного для всех, нет — шахматист должен сам попытаться определить оптимальный объем нагрузки.

Однако ошибочно было бы не принимать во внимание и имеющийся ориентир — число 40. Нередко при определении своей нормы шахматисты увлекаются и весьма субъективно планируют выступления в соревнованиях. В решении этого вопроса нельзя действовать «на глазок». Необходим объективный сравнительный анализ результатов и качества партий.

Нельзя забывать и о том, что прогресс в шахматах возможен при сочетании игры и подготовки. Нарушение баланса в ту или другую сторону, как правило, ни к чему хорошему не ведет. Так, на наш взгляд, В. Горт смог бы достичь большего, если бы не так увлекался участием в соревнованиях. То же самое можно сказать про отдельные

периоды выступлений Е. Геллера и С. Глигорича. Обратные примеры — растренированность М. Ботвинника перед матчем с Д. Бронштейном (1951 г.), В. Смысловым (1954 г.) и М. Талем (1960 г.).

Шахматисты, отличавшиеся завидным спортивным долголетием, не играли слишком много и часто. Укажем на Ласкера, Капабланку, Видмара, Мароци, Эйве, Ботвинника, Решевского, Левенфиша.

Конечно, если шахматист не способен серьезно организовать самостоятельную работу, то уж лучше играть чаще. Но это уже не пример для подражания.

Кроме общегодовой игровой нормы полезно определить дополнительную нагрузку в отдельном соревновании. Для этого мы равняли несколько примерно равноценных международных и всесоюзных турниров с 16, 18, 20 и большим числом участников. Выяснилось, что количество грубых просмотров резко увеличилось начиная с 18-го тура.

По-видимому, можно предположить, что оптимальное число участников в турнире — 16—18. Конечно, имеются индивидуальные различия и в понимании этого вопроса. Ботвинник считал лучшим для себя турнир при 16 участниках, а Ларсен и Таль предпочитали более длительные соревнования.

Перерывы между состязаниями, по мнению ряда советских и зарубежных гроссмейстеров и мастеров, должны быть в среднем два месяца.

Однако на деле некоторые шахматисты планировали календарь своих выступлений по-иному. Горт, например, играл подряд в пяти (I) соревнованиях. Ларсен писал: «66 турнирных партий за четыре месяца. Повторяю — это совершеннейшая глупость, и больше я ее никогда не сделаю» [19, 154]. Мы полагаем, что независимо от индивидуальных особенностей для сохранения спортивной формы двухмесячный перерыв между ответственными соревнованиями необходим. Это, по-видимому, минимальный срок для того, чтобы прийти в себя, обсудить итоги закончившегося состязания и сделать наметки на будущее.

При планировании календаря выступлений в соревнованиях шахматист должен учитывать особенности своей игровой выносливости. Можно также считать, что понимание допустимой для себя нагрузки является одной из составляющих, на которых базируется выбор определенной тактики борьбы в турнире или матче.

Так, например, Нимцович не случайно связывал свой крупный успех на турнире в Карловых Варах (1929 г.) с заранее намеченным режимом «экономии сил». Приняв во внимание результаты турниров в Дрездене (1926 г., 8,5 очка из 9, 1-е место, на 1,5 очка выше А. Алехина) и в Лондоне (1927 г., 8 из 11, 1—2-е места), с одной стороны, и турниров в Нью-Йорке (1927 г., 20 партий, 3-е место ввиду срыва во второй половине состязания),

Земмеринге (1926 г., 17 партий, 4—5-е места) и особенно в Баден-Бадене (1925 г., 20 партий, 9-е место), с другой стороны, Нимцович понял, что с полным напряжением сил не может успешно играть на всем протяжении длительного турнира. Поэтому в Карловых Варах, как уже отмечалось, он вполне сознательно сыграл в середине турнира пять коротких партий. В результате Нимцович с 15 очками из 21 оказался победителем, опередив Капабланку, Шпильмана, Рубинштейна, Эйве, Видмара, Мароци, Маршалла, Грюнфельда и др.

По-видимому, учитывал свои индивидуальные возможности в этом отношении Ботвинник. В относительно коротких соревнованиях он стремился к напряженной игре во всех партиях, а в более продолжительных гибко варьировал накал борьбы. Отвечая на критику по поводу «непонятной» ничьей в партии с Болеславским (матч-турнир, Москва — Ленинград, 1941 г.), Ботвинник писал: «Шахматный кодекс гласит: шахматист обязан провести турнир в полную силу. Для этого надо экономить свои силы во всех случаях, когда это возможно» [7, 53].

Конечно, не надо искать в приведенных рассуждениях лазейку для оправдания потока десятиходовых ничьих, встречающихся в практике некоторых шахматистов. Не надо смешивать разумные самоограничения, основанные на понимании пределов собственной

выносливости, и отказ от борьбы, объясняемый нежеланием трудиться или безотчетным страхом. Впрочем, при тщательном анализе турнирной обстановки выявить случаи немотивированного отказа от борьбы обычно не составляет труда.

Известны шахматисты, затевавшие борьбу «до последней капли крови» чуть ли не в каждой партии. Чаще это было связано с верным пониманием своих возможностей и приносило успех (Фишер, Нежметдинов), иногда — с неразумным упорством и вело к срывам (Рагозин, Симагин).

Безусловно, тактика турнирной борьбы определяется не только нормами общей нагрузки. Важная роль принадлежит знанию особенностей собственной игры на различных этапах соревнования, после поражений, во встречах с противниками разной силы и т. д.

О начале матча Таль — Глигорич (1968 г.) Кобленц писал: «...в канун первой партии, которую Таль играл белыми, мы на нашем «военном совете» должны были решить: приберечь ли «сюрприз» для финиша или немедленно раскрыть карты? (речь идет о заготовленной дебютной новинке. — *Н. К.*). Я советовал «бросать бомбу» сразу — если теоретик терпит фиаско в испытанном длительной практикой варианте, он может в психологическом отношении оказаться надолго выбитым из колеи. Таль со мной согласился. Но, принимая это решение,

мы оба не пожелали откровенно признать, что подчас на старте у Талья игра не клеится. Выстрел мог оказаться холостым» [16].

Оказалось, однако, что не учтенная при выборе общего плана борьбы стартовая неуверенность Талья сыграла главную роль в исходе партии. Он потерпел поражение, а дебютная заготовка выстрелила вхолостую.

Конечно, знаниям о тех или иных особенностях своей игры нельзя всегда слепо доверяться. Нередко возникают нестандартные ситуации, и в привычные рецепты приходится вносить коррективы.

Так, например, после проигрыша шахматисты ведут себя по-разному. Одни стремятся сразу же отыграться, другие, считая необходимым иметь какой-то срок, чтобы успокоиться, не возражают против ничьей. Таль и Полугаевский обычно стремятся к реваншу. Однако после проигрыша Глигоричу первой партии матча Таль изменил своей привычке. Кобленц писал: «Обычно Таль после поражения горит желанием немедленно отреванироваться, но на сей раз он понял, против Глигорича черными рисковать не следует» [16]. А вот свидетельство Полугаевского: «Обстановка перед началом третьей партии (матч 1969 г. — *Н. К.*) сложилась для меня очень напряженной. Накануне я потерпел поражение. Зайцев вел в счете, и второй проигрыш был бы равносильен сдаче матча. С другой стороны, впереди всего четыре

партии для «отыгрыша». Я... пренебрегая краткостью оставшейся дистанции, решил не рисковать. Никаких сильнодействующих средств! Психологический настрой шел просто на игру «в шахматы». Соответственно был подготовлен и дебют» [24].

Итак, мы познакомились с некоторыми особенностями самоанализа в шахматной деятельности. Было установлено, что понимание достоинств и недостатков своей игры позволяет шахматисту лучше предвидеть намерения противника, обычно стремящегося нанести удар по наиболее уязвимому месту. Мы также убедились, что самоанализ — необходимое условие для успешной работы по преодолению недочетов собственной игры.

При подготовке к соревнованиям очень важно попытаться сопоставить себя с противником, выявить, в чем он сильнее или слабее, и сообразно с этим наметить план предстоящей борьбы.

Поэтому изучение противника и изучение собственного творчества нельзя считать двумя независимыми направлениями подготовки. Смысл шахматной игры, состязания двух соперников требует использовать эти материалы в единстве, сравнивая и сопоставляя себя и противника по различным качествам. Таким образом достигается еще одна цель самоанализа — снабдить сравнительный анализ достоверными данными о себе.

Верно сравнить противника и себя — задача рудная. Ус-

пешное ее решение зависит от качества каждого из двух взаимовлияющих компонентов анализа.

Так, например, более углубленное самопонимание содействует лучшему пониманию противника. Алехин стал значительно полнее представлять себе плюсы и минусы в игре соперников после того, как проделал огромную работу по изучению собственного творчества накануне матча с Капабланкой.

Сравнение себя и противника, кроме решения практических задач, способствует развитию более точного самопонимания.

Интересно, что лучше и быстрее в творчестве противника распознаются те черты, которые имеются у себя. То, что отсутствует в собственной игре, понимается с большими трудностями и оценивается не так точно. Укажем в этой связи на Ласкера и Ботвинника, которым не удалось в полной мере оценить опасности, таившиеся в выжидательной манере игры соответственно Шлехтера и Петросяна.

Как же осуществляется сопоставление? Распространены два «метода». Это сопоставление либо по чересчур общим критериям, например: «противник сильнее в позиционной игре, я в тактике», либо по дебютному репертуару. Надо сказать, что оба способа мало удовлетворительны.

Мы считаем, что при сопоставлении себя и противника следует проводить сравнительный анализ по всем пунктам

предложенной программы изучения шахматиста, включающей следующие основные разделы: анализ партий, анализ результатов, данные хронометража, анализ поведения во время игры, особенности самооценки и отношения к противнику. По каждому конкретному пункту исследования должен быть получен по возможности ясный ответ на вопрос «кто сильнее?».

И наконец, несколько слов по поводу отношения к противнику во время игры. Речь, конечно, идет о внутреннем эмоциональном настрое. Во внешних действиях следует строго придерживаться духа и буквы спортивной этики, к тому же поведение во время соревнований регламентировано.

Взаимодействие соперников

Взаимное влияние соперников может принимать разнообразные формы: внушение, убеждение, подражание и т. д. Многие соперники Таля, отнюдь не склонные к рискованным действиям, в партиях с ним вдруг спонтанно меняли привычное поведение и сами вызывали на доске несвойственные их стилю осложнения. Помню, во время игры я не мог дать ясный отчет, почему от партии к партии жертвую Талю пешки и вызываю комбинационные бури на доске. Анализируя потом указанные партии и свое состояние, я не мог объяснить принятые решения иначе, нежели результатом заразительного воздействия крайне острой игры Таля.

А вот по поводу внутренней установки существуют различные мнения. Жесткая позиция представляется нам наиболее отвечающей характеру борьбы. «Если во время игры будешь думать, что напротив тебя сидит твой друг, — указывал Таль, — никакой борьбы не получится». Если мы часто повторяем, что на шахматных досках борются люди, а не деревянные фигуры, что шахматы — напряженный спортивный поединок между двумя личностями, то надо быть последовательным и отказаться от представлений об идиллии, царящей на шахматных состязаниях. Чтобы добиться успеха, нужен характер бойца!

Внушение особенно действует на лиц впечатлительных и не обладающих достаточной самостоятельностью и критичностью мышления. Успех внушающего воздействия связан также с авторитетностью воздействующего лица. Мастер С. рассказывал, что, играя со Смысловым, он не заметил очевидной ошибки противника, поскольку не верил, что Смыслов может допустить промах.

Внушение часто возникает на основании убеждения. Шахматист, многократно убедившийся в правильности расчетов противника, постепенно начинает принимать их на веру, не вдаваясь в критический анализ.

Источниками взаимного влияния могут быть различные действия и поступки соперников. Прежде всего укажем на влияние, оказываемое игровыми действиями шахматистов. Приведем несколько замечаний Алехина к партиям турнира в Нью-Йорке (1927 г.): «Смелость противника выводит Маршалла из равновесия, и он допускает — теперь и в дальнейшем — ряд едва ли исправимых неточностей». «После этого хода белым остается лишь ждать, пока противник нанесет им смертельный удар». «Ход, демонстрирующий робкое стремление к ничьей». «Авантюра, являющаяся следствием неудовлетворенности своей партией» [1, 112].

Анализируя партию Капабланка — Маршалл по поводу хода белых 11. h3 и ответа черных 11... K b6?, Алехин писал: «Психологический оборонительный ход: на случай K e5 белые препятствуют ответу K g4 и таким путем стараются внушить противнику, что ход конем на e5 вообще неуместен... И Маршалл действительно поддается внушению» [1, 113].

Определенное влияние оказывает информация о результативности игры противника. положении в турнире; результате предыдущей партии; месте, занимаемом противником в классификационной иерархии и т. д. Алехин указывал, что победа Капабланки в Нью-Йорке (1927 г.) во многом могла быть объяснена тем, что ряд его соперников играли с

ним не в полную силу, испытывая излишнее почтение к авторитету Капабланки в шахматном мире.

Действительно, часто приходится наблюдать, как один и тот же шахматист совершенно по-разному играет в партиях против гроссмейстеров или кандидатов в мастера. Во встречах с гроссмейстерами такой шахматист проигрывает, не столько уступая мастерству соперников, сколько из-за излишней робости перед авторитетами.

Сильное воздействие оказывает внешний облик противника. Мы говорили уже об этом подробно, когда обсуждали проблему восприятия соперника. Приведем здесь лишь высказывание Котова о влиянии внешнего облика Фишера: «Факт сильного воздействия личности Фишера на противников бесспорен. Я внимательно наблюдал в Ванкувере за игрой Тайманова и Фишера. Сам я всю жизнь отличался даже чрезмерной шахматной храбростью (которая часто мне мешала), мне не был страшен никто... Но, честное слово, если бы мне пришлось играть против Фишера, я, вероятно, также ступешался бы. Это неотрывно висящее над шахматной доской длинное лицо фанатика, горящие глаза, отрешенность от внешнего мира. Эти длинные пальцы, снимающие с доски твои пешки и фигуры... И противники Фишера теряют над собой контроль» [17].

Взаимовлияние шахматных соперников основывается и на

временных характеристиках игры. Сравнение времени, затраченного на обдумывание, обычно влияет на степень уверенности шахматиста. Из 70 ответов участников командного и личного первенства СССР (Ростов-на-Дону, 1971 г. и Пермь, 1971 г.) в 61-м сообщалось, что сравнительно большая затрата времени вызывает беспокойство и неуверенность, а обратное соотношение — уверенность.

Можно указать и на другие виды воздействия, встречающиеся в шахматной деятельности: предложение ничьей, откладывание партии сразу же после выполнения контрольного числа ходов или, наоборот, продолжение игры в подобной ситуации, публичная оценка силы игры и творческого облика соперника и т. п.

Анализ сравнительной значимости различных видов воздействия показал следующее. Если ситуация может быть оценена однозначно, т. е. выявлено либо решающее преимущество одной из сторон, либо наличие ясного равенства шансов, то поведение соперников не оказывает существенного влияния на изменение их эмоционального состояния.

При возникновении сложных, не поддающихся однозначной оценке позиций, информационная значимость восприятия противника, учета хронологических показателей, авторитетности противника и других факторов заметно повышается. По поведению противника шахматист пытается расшифровать его отношение

к позиции и тем самым восполнить недостаток имеющейся информации о сложившейся на доске ситуации, а собственным поведением стремится дезинформировать противника.

Определить здесь однозначно, какого рода информация (о выразительных ли движениях, затратах ли времени, о квалификации ли шахматиста или о других его качествах) оказывает преимущественное влияние на соперника, не представляется возможным. При решении этого вопроса следует учитывать индивидуальные особенности взаимодействующих между собой противников и конкретную информативность тех или иных действий в данной конкретной ситуации.

В результате непрекращающегося противоборства сторон либо устанавливается приблизительно равенство силы взаимного влияния, либо одна из сторон получает преимущество, подчиняя себе, в известной мере, волю противника. Завоевание одной из сторон такой психологической инициативы опережает снижение у другой стороны уверенности, решительности и критичности.

Приведем пример борьбы за овладение психологической инициативой. Гроссмейстер Гуфельд, тренер Геллера на межзональном турнире 1970 г., так описывал партию Геллер — Фишер: «Перед игрой оба соперника испытывали неуверенность. Фишер потому, что до этого неоднократно проигрывал Геллеру, а Геллер слишком высоко оценивал шахматный авторитет соперника, к

тому же Геллер лидировал в турнире, а поражение передавало первое место Фишеру. В общем соперники расценивали возможную ничью как благоприятный для себя результат, хотя каждый не знал точно о состоянии и намерениях другого. И вот партия началась. На 5-м ходу Фишер избрал вариант, пользующийся репутацией ничейного. В этот момент Геллер допустил серьезный психологический промах. Ему представилось, что желанная цель близка, и он непроизвольно произнес: ничья? До этого момента не менее обеспокоенный Фишер понял неуверенность состояния Геллера. Он ответил отказом на предложение ничьей. По-видимому, в неуверенности соперника он обрел веру в себя. Геллер совсем растерялся. Через несколько ходов он «зевнул» пешку и в конце концов потерпел поражение».

Что определяет успех в борьбе за овладение психологической инициативой? Изучение этого вопроса показало, что решающее значение принадлежит ситуации, возникшей на доске. Наличие преимущества, как правило, вызывает состояние большей уверенности. При отсутствии определенной оценки положения инициативой чаще овладевают более активные и оптимисты.

Борьба за психологическую инициативу — атрибут конфликтной деятельности. В случае уступок или пассивности одной стороны другая сторона, как правило, переходит к более активным действиям. Иногда

наблюдается равновесие взаимных воздействий, но взаимной пассивности во взаимоотношениях противников обнаружено не было.

Продолжительность владения психологической инициативой различна. В большинстве ситуаций психологическая инициатива через непродолжительный период времени переходит от одного соперника к другому в связи с переходом преимущества или возникновением позиций, соответствующих стилю игры одного из противников.

Мы провели наблюдения за 20 партиями мастеров. В 18 партиях психологическая инициатива переходит из рук в руки по 4—6 раз.

Реже встречаются случаи относительно постоянного и эффективного влияния одного шахматиста на другого. Такое взаимовлияние проявляется в том, что один из двух равных по классу игры шахматистов постоянно проигрывает другому: Керес регулярно проигрывал Ботвиннику (до 1955 г.), Глигорич — Штейну, Котов — Болеславскому и т. д. Причем побежденные проводили партии с «трудными» противниками ниже своей обычной силы.

Возникновение столь устойчивых взаимоотношений следует объяснить характером борьбы в первых результативных встречах этих шахматистов. В этих партиях побежденные не просто проиграли, но подверглись впечатляющему разгрому (см., например, партию Керес — Ботвинник, 1941 г.), что вызвало сомнение

в своих силах в последующих встречах.

Владение психологической инициативой является важным условием достижения успеха. Наличие инициативы позволяет навязать противнику несвойственный его стилю характер борьбы, скрыть подготовку собственных планов и начать их осуществление неожиданно.

Таким образом, владение психологической инициативой позволяет более гибко варьировать разнообразные способы борьбы, учитывая индивидуальные особенности и состояние соперников.

Познакомимся теперь со способами борьбы, которые используются соперниками.

В психологической и специальной литературе, посвященной анализу отдельных видов конфликтной деятельности, часто упоминается о разнообразных приемах борьбы. Пишут о необходимости координировать силы, маскировать собственные планы, бороться за овладение инициативой и т. п. Причем описание указанных приемов дается вне какой-либо теоретической системы.

Мы сделали попытку систематизировать имеющийся материал. В конфликтной деятельности следует различать две стороны — внешнюю и внутреннюю. С внешней стороны конфликтная деятельность предстает как реальное столкновение противодействующих сил. Внутренняя сторона конфликтной деятельности выражается главным образом в психологическом взаимодей-

ствии противников, каждый из которых принимает, сообщает и использует информацию друг о друге.

Для систематизации встречающихся на практике методов борьбы и выявления их специфики мы провели анализ исходя из условного разделения внешней и внутренней сторон конфликта.

При одном подходе, отвлекаясь от внутренней стороны конфликта и рассматривая преимущественно его внешнюю сторону, мы опирались на изучение предмета данной деятельности и отметили значенные объективной оценки позиции, основывающейся на законах и правилах теории шахмат. Другой подход, выделяющий внутреннюю сторону, дал возможность исследовать методы борьбы, при которых в анализе ситуации учитывалась и личность противника.

При этом следовало выяснить вопросы: Какую роль играют личностные особенности противников в выборе тех или иных методов борьбы? Увеличивает ли использование информации о себе и противнике вероятность принятия более эффективного решения?

Анализ показал, что в противоборстве используются разные методы борьбы — общие и частные. Общие методы содержат рекомендации, пригодные для поведения в самых разнообразных ситуациях и по отношению к различным противникам. В частных методах (или, лучше сказать, приемах) реализуются рекомендации общих методов на основе анализа

данной ситуации и учёта индивидуальных особенностей конкретных противников.

Общие методы психологической борьбы с противником следующие: 1) создание противнику максимальных трудностей; 2) маскировка собственных намерений и дезинформация противника.

Шахматисты, пожалуй, лучше всего понимают достоинства метода создания трудностей противнику. Большей частью он применяется вполне сознательно. Так, Таль и другие шахматисты, веря в свои способности расчета вариантов, сознательно создают сложные, насыщенные комбинационными возможностями позиции, полагая, что противникам в них труднее разобраться.

Трудности создаются на основании анализа стиля игры и характера противника (с Талем, например, противники предпочитают вести строго позиционную борьбу, а с Портишем, наоборот, — острокомбинационную; Ботвинник менее уверенно играет в 12—15-х турах, Холмов — решающие встречи на финише и т. д.).

Проявление уверенности и самообладание также создают трудности для противника. «Я проиграл потому, что Н. с невозмутимым видом продолжал борьбу в ясной ничейной позиции», — рассказывал Гуфельд.

Широко используется в борьбе маскировка, которая выражается в создании ложных угроз, отвлекающих ударов на второстепенном участке борьбы и прочих приемах. Если удастся дезинформировать

противника, то осуществление истинной цели сопровождается психологическим эффектом внезапности. Внезапность — обычный компонент действий, рассчитанных на введение противника в заблуждение.

Внезапность вызывает нередко ошибки противника. Объясняется это тем, что обычно трудно сразу перестроиться на решение новых проблем при резком изменении характера борьбы.

Однако эффект внезапности кратковременный. Действия, рассчитанные только на неожиданность, оправдываются сравнительно редко (в цейтноте или других трудных ситуациях, а также тогда, когда ответственное ответное решение надо принять немедленно — на этом же ходу). Поэтому игру на внезапность как самоцель нельзя рекомендовать. Но если обоснованные решения сочетаются с неожиданностью их осуществления, то они оказывают более сильное воздействие на противника.

Нешаблонность в действиях обычно сопровождается внезапностью. Поэтому творческие решения в борьбе приобретают как бы двойную силу: помимо объективной значимости они своей неожиданностью также воздействуют на противника.

Познакомимся теперь с распространенными приемами психологического воздействия.

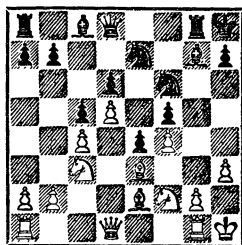
1. **Согласие с противником.** Если противник проводит какой-либо план или тактическую операцию, то демонстрируется полное подчинение его замыслам. Но эта

«покорность» временная. На самом деле еще заранее определен тот рубеж, до которого можно следовать намерениям противника. По достижении этого рубежа выявляются изъяны в планах противника.

Ботвинник так описывал решающую встречу с Котовым на финише 11-го чемпионата СССР (Ленинград, 1939 г.): «После долгих колебаний мой выбор пал на защиту Нимцовича. Я вполне основательно полагал, что мой противник также готовился к партии, и не ошибся. Котов внимательно наблюдал за моей игрой в турнире. Он видел, как я разыграл защиту Нимцовича в партии с Макогоновым, и заметил, что при избранном мною порядке ходов может привести игру в защиту Рагозина, до сих пор расценивавшуюся «теорией» к выгоде белых. На этом свои анализы Котов, вероятно, и закончил. Я же подготовку продолжил, просмотрел несколько партий, иггранных защитой Рагозина, и пришел к выводу, что она дает черным равные шансы. Так оно и вышло: мы начали партию защитой Нимцовича, затем игра перешла в защиту Рагозина, и мой противник явно начал чувствовать себя не совсем уверенно. Со стороны белых последовало два-три незаметных промаха — Котов, безусловно, не предвидел некоторых ответов черных, и хотя в одном месте я сам не сыграл сильнейшим образом, но преимущества уже не выпустил и на 38-м ходу довел партию до победы» [6, 11].

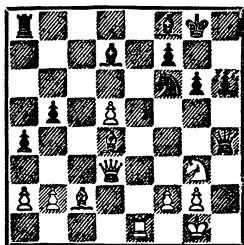
Прием согласия обычно применяется для скрытой подготовки контрнаступления. Демонстрируется кажущаяся покорность воле противника, а в действительности готовится ответный удар.

Эване Тайманов
Матч СССР — США, 1954

Черные сыграли 17... К g6. Тайманов писал: «...Коварный ход. Я чувствовал, что Эвансу не терпится сыграть g4, и заготовил комбинационный удар. Признаю, что здесь я начал волноваться, попадетс я противник в ловушку или заметит ее?» 18. g4. «Удача! Темпераментный Эванс считает, что подготовка закончена и медлить не к чему. Теперь развязка близка» [32, 84]. 18... fg 19. hg K h5! В этом и заключалась хитрость Тайманова. После 20. gh Ф h4+ 21. Kp g2 K :f4+ черные получили решающую атаку.

Метод согласия зачастую оказывается эффективным тогда, когда игра противника строится на отдельных ловушках. В такие моменты противник бывает настолько увлечен, что не обращает внимания на «встречное коварство». В итоге оправдывается поговорка: «Нерой другому яму — сам в нее попадешь».

Белые переоценивают свои возможности, рассчитывая на эффект ловушки, хорошо было 29. К e4.

29. Л e6? fe. Безобидность замысла белых подчеркивал и ход 29... С g7, но так, конечно, сильнее. 30. Ф :g6+ С g7 31. К e4 Л f8 32. g3.

Вот в чем состоял замысел белых. На первый взгляд они правы, поскольку при отступлении черного ферзя на h5 или h3 выигрывает К :f6+, но Фурман заранее заготовил красивое возражение. 32... Ф :e4! 33. С :e4 С e8. Теперь белый ферзь пойман (уже по-настоящему), и материальный перевес черных решает.

Практика выявила особенно успешное применение метода согласия против шахматистов, отличающихся излишней самоуверенностью.

2. Заманивание. В отличие от ситуаций, где применяется прием согласия, здесь противник, еще не выбрав определенного плана игры. Смысл метода заманивания как раз и состоит в стремлении «помочь» противнику найти план. Для этого он провоцируется на активные действия какой-либо «приманкой»:

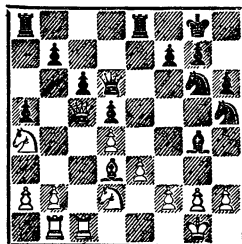
перспективой выигрыша материала, захвата пространства, атаки и т. д. Расчет состоит в том, что противник увлечется заманчивыми возможностями и потеряет объективность.

Часто заманивание основано на «приманке» материального характера.

Фюштер

Симагин

Матч Москва — Будапешт, 1949

Черные провоцируют противника забрать пешку a5, надеясь выиграть время для атаки на короля.

18... Ф f6 19. К b6? Л ad8 20. Ф :a5 К h4 21. С f1 Ф g5 22. Кр h1 К f6 23. g3 К f3 24. С g2 Ф h5 25. К :f3 С :f3 26. Ф e1 Л d6 27. Кр g1 С :g2 28. Кр :g2 К g4 29. h3 К :f2! 30. Ф :f2 Л f6 31. Ф g1 Ф e2+ 32. Кр h1 Л f2. Белые сдались.

Конечно, заманивание не всегда с неизбежностью приводит к нарушению объективного взгляда противника на игру. Произойдет это или нет — зависит от характера шахматиста и особенностей турнирной ситуации.

С другой стороны, заманивание таит в себе опасность сделать такие уступки противнику, которые могут оказаться непоправимыми. Допустимая мера риска оправдывается прежде всего своеобразием по-

зиции. Шахматист, ведущий борьбу способом заманивания, должен стараться находить в позиции скрытые ресурсы.

3. Выжидание. Этот метод близок к заманиванию. Разница заключается в том, что при заманивании выставляется приманка и тем самым делается попытка навязать противнику выбор решения, а при выжидании ему предоставляется свобода действий. Результат успешного применения обоих методов одинаков, т. е. противник решается на активные действия, которые для него невыгодны.

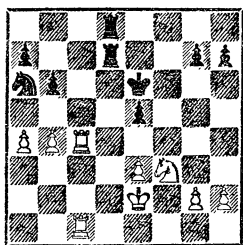
Метод выжидания также с успехом применяется в тех случаях, когда противник обречен на пассивную защиту.

Для примера приведем окончание партии Нимцовича с Таррашем с комментариями Нимцовича.

Нимцович

Бреславль, 1925

Тарраш

26. Л 1с2.

«Один из тех невзрачных ходов, которые для стесненного, подверженного всяческим угрозам противника горше наилучшей прямой атаки. Этот ход — «оборонительный» и «выжидательный» [27].

26... h6 27. h4! Л d6 28. h5.

«Как следствие хода 26.

Лс2 у белых возникли новые возможности атаки — пешка g7 сделалась отсталой. Маневр Л с4 — g4 не только подчеркнет слабость пешки «g», но и поставит черного короля в бедственное положение. Все эти возможности возникли у белых совсем легко, исключительно как логическое следствие выжидательного хода 26. Л с2. Наиболее тонкие ходы, это — выжидательные ходы!» [27].

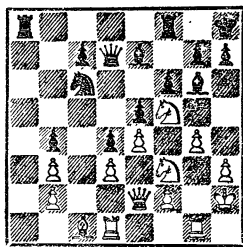
28... Л d5 29. Л g4 Л 5d7 30. Л с6+ Л d6 31. Л g6+ Кр e7 32. Л :g7+. Белые выиграли пешку, а вскоре и партию.

4. Ложная цель. Один из партнеров проводит какой-либо план или маневр, чтобы создать у противника впечатление, что осуществление этого плана или маневра является основной целью игры. А между тем истинные намерения маскируются.

Панов

Москва, 1943

Рагозин

25. Л g2.

Панов писал: «Начало хитрой психологической ловушки. Цель этого наивного с виду хода — заставить противника поверить, что белые готовят обычное в подобной позиции сдвоение ладей» [28, 30].

25... С f7 26. g5 С : b3?

«Черные попадают в капкан, считая само собой разумеющимся, что теперь последует подготовленный белыми ход 27. Л dg1, после чего ходом 27... g6 создавалась обо-
роноспособная позиция с лишней пешкой. Следовало играть сразу 26... g6...» [28, 31].

27. g6!!

«Неожиданно выясняется, что положение черных безнадежно и их королю не выбраться из матовой сети» [28, 31].

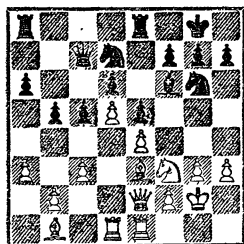
27... С : d1 28. Ф : d1 h6 29. С : h6! gh 30. Ф d2 С d6 31. g7+. Черные сдались.

Часто в качестве ложной цели используется игра на одном фланге, а тем временем готовится наступление на другом.

Ласкер

Петербург, 1909

Берн

Черные могли сыграть 23... с5 — с4. Однако их внимание приковано к королевскому флангу, где началось наступление белых. О том, что в конечном итоге противник намерен использовать свои шансы на ферзевом фланге, черные не задумываются.

23... Ф d8? 24. h4 С e7 25. h5 К gf8 26. Л h1 h6 27. Л dg1 К h7 28. Кр f1 Кр h8 29. Л h2

Л g8 30. К e1 Л b8 31. К с2 а5? 32. С d2 С f6 33. f3 К b6 34. Л f2 К с8 35. Кр g2 Ф d7 36. Кр h1 К e7 37. Л h2 Л b7 38. Л f1 Л e8 39. К e3 К g8 40. f4 С d8 41. Ф f3.

Нимцович так комментировал эти ходы: «Итак, Ласкер вел атаку на королевском фланге, чтобы прервать контакт между неприятельскими фигурами и ферзевым флангом. Теперь он собирается расшатать ферзевый фланг противника посредством с3 — с4 и получить таким образом два преимущества сразу: слабости у противника и открытые линии для своих слонов» [27]. Добавим к этому, что черные, устремившие все внимание на королевский фланг, беспечно отнеслись к другому району доски. Об этом свидетельствуют ходы 31... а5, 41... с4 и заключительная ошибка — 43... Ф : b5 (необходимо было 43... С : e3 Ф : b5).

41... с4 42. а4 С b6 43. ab Ф : b5? 44. К f5 Ф d7 45. Ф g4 f6 46. С с2 С с5 47. Л a1 Л eб8 48. С с1 Ф с7 49. С a4 Ф b6 50. Л g2 Л f7 51. Ф e2 Ф a6 52. С с6 К e7 53. К : e7 Л : e7 54. Л a4, и белые вскоре выиграли.

Иногда ложная цель создается в одной партии для затруднения дебютной подготовки противника к другим. После окончания своего матча с Зайцевым Полугаевский рассказывал: «Славянская защита в первой партии была избрана не случайно. Сознаюсь: я хотел направить Зайцева по ложному пути. Я-то знал, что славянской в нашем матче больше не будет, а мой партнер

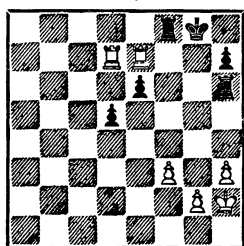
непрерывно станет рассматривать ее. Это — важно, так как дополнительная работа во время матча — это дополнительная нагрузка» [24].

Необходимо отметить, что метод создания ложных целей часто выступает в сочетании с другими приемами психологического воздействия. Во многих случаях операция «ложная цель» сопровождается выжидательной манерой игры.

Ботвинник

Мюнхен, 1958

Помар

В этой позиции партия была отложена. Анализ показал, что позиция черных не проиграна. В главном варианте (при размене одной пары ладей) черные защищаются этюдными ходами.

Поэтому при доигрывании была применена хитроумная тактика с целью запутать противника и вызвать ошибку.

Предоставим слово М. Ботвиннику: «Было решено доигрывать разбить на три стадии: 1) «потоптаться» сначала на месте, чтобы у партнера создалось впечатление, будто план выигрыша вообще не найден; 2) затем попытаться создать позицию фиктивного цугцванга и, наконец, если ничто положительное не будет достигнуто, то 3) как бы отчаявшись в успехе, разменять одну

пару ладей и перейти к истинному плану. При такой тактике черные были бы максимально дезориентированы и ошибка с их стороны была вероятной» [41, т. 3, с. 110].

41... Л ff6 42. Л g7+ Кр h8
43. Л ge7.

«Итак, повторение ходов — первая часть плана реализуется» [41, т. 3, с. 111].

43... Кр g8 44. Кр g1 Л f8
45. Кр f2 Л ff6 46. Л d8+ Л f8
47. Л d6 Л ff6 48. Л b6 Кр f8
49. Л d7 Кр g8 50. Л a6.

«Незаметно белые перешли ко второй части плана — им удалось создать цугцванг, увы, лишь кажущийся! Но черным нельзя уже продолжать по шаблону 50... Л f8 ввиду 51. Л :d5, нельзя играть и 50... Л hg6 из-за 51. Л a8+. Однако путем 50... Л h5! черные могли вынудить белых раскрыть свои карты и перейти к основному плану.

...У талантливого испанца не оказалось достаточного опыта, он не устоял перед хитроумной тактикой... Здесь Помар призадумался, но, «усыпленный» маловразумительными маневрами белых, так и не разглядел всех опасностей» [41, т. 3, с. 111].

Сочетание метода создания ложной цели с выжидательной тактикой полностью оправдалось.

50... Л hg6? 51. Л a8+ Л f8
52. Л :f8+ Кр :f8 53. Л :h7.

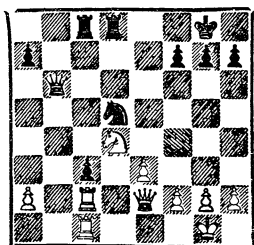
Ботвинник добился выигрышного положения.

23... Л c5 24. К b3 Л c6 25. К d4 Л c7 26. К b5 Л c5 27. К :c3? К :c3 28. Л :c3 Л :c3 29. Л :c3 Ф b2! Белые сдались.

Бернштейн

Москва, 1914

Капабланка

Белые рассчитывали лишь на 29... Ф b1+ 30. Ф f1 Ф : a2. Ход 29... Ф b2 они просмотрели, поскольку вступительная игра черных (выжидательные ходы ладей на c5 и c6) создала впечатление, что они намереваются обменять пешку c3 на пешку a2.

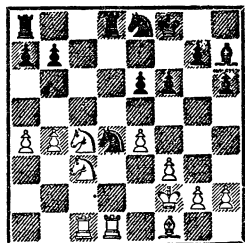
Эффективность рассматриваемого метода зависит от правдоподобия цели, используемой для дезинформации.

В связи с этим следует сказать несколько слов об отношении к ловушкам. Ловушка хороша, когда она сопутствует целесообразному плану игры. Пренебрежение логичным стратегическим планом и игра только на ловушки, как правило, к успеху не приводят.

Алехин

1929

Боголюбов

23. К a5 Л ab8? 24. К b5! К : b5 25. Л : d8 Л : d8 26. К : b7 Л b8 27. К c5 К p e7 28. ab.

Итак, черные попались в ловушку и потеряли пешку.

Вместо 23... Л ab8 лучше было 23... b6 24. К b7 Л d7 25. С b5 Л : b7 26. Л : d4.

Здесь ловушка, задуманная Алехиным, осуждения не заслуживает. Наоборот, ход 23. Ка5 силен и логичен. Он является звеном правильного плана наступления в центре и на ферзевом фланге. И ловушка, удачно поставленная по ходу дела, лишь усилила угрозы белых.

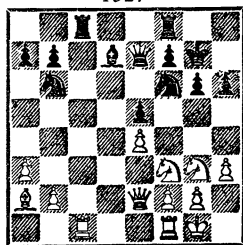
5. Сохранение множества возможностей. Этот метод основан на том, что человеку психологически трудно находиться долго в состоянии неопределенности. Если противник долгое время сохраняет многообразные комбинационные или стратегические возможности и заставляет считаться со многими опасностями (а какая из них станет реальной — неизвестно), очень нелегко так организовать игру, чтобы встретить опасность во всеоружии. Поэтому часто «угроза сильнее, чем ее исполнение».

На практике указанный метод выражается в поддержании напряжения и отказе от упрощений. С большим искусством использовали этот метод Ласкер, Алехин и использует Таль.

Алехин

Капабланка

1927

Будапешт, 1952

На диаграмме позиция из 34-й, заключительной партии матча. Алехин сделал ход, содержащий разнообразные конкретные угрозы.

21. Ф d2!

Алехин писал: «На этот, казалось бы, безобидный ход в действительности очень трудно найти правильный ответ. Главная угроза белых — это 22. Ф a5, и если бы черные попытались отразить ее контр-нападением С с6 (или 21... С b5), то тогда белые решили бы партию неожиданным выпадом на королевском фланге: 22. К h4 К: e4 23. К hf5+...

Единственный ход, который давал некоторые шансы на успешную защиту, — это указанное Ласкером продолжение 21... К a4! В этом случае белые просто усиливали бы свою позицию, например, посредством 22. Л fd1» [29, 349].

21... С e6? 22. С: e6 Ф: e6
23. Ф a5 К с4 24. Ф: a7 К: b2
25. Л: с8 Л: с8 26. Ф: b7.

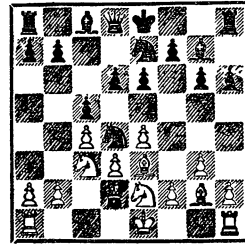
Белые выиграли пешку.

Ошибку черных нельзя объяснить простой случайностью. Если позиция сложна и у противника много угроз, то играть (особенно в защите) очень трудно. В таких ситуациях часто наблюдается перевозбуждение и обычно возникает утомление.

Рассмотрим пример, где белых смутило наличие у противника разнообразных стратегических возможностей.

10... С d7.

М. Ботвинник комментирует: «Опасно было 10... 0—0 11. С: h6 С: h6 12. Ф: h6 К с2+ 13. Кр d2 К: a1 14. h4! с силь-

ной атакой за качество. Своим последним ходом черные приступают к осуществлению хорошо замаскированного стратегического плана: они вводят в действие все свои фигуры (кроме ладьи h8), оставляя при этом короля в центре, и лишь в последний момент совершают искусственную рокировку. Белые оказываются при этом несколько дезориентированными в связи с неопределенностью позиции «черного короля» [41, т. 2, с. 340].

11. Л b1 a5.

«Вынужденно, иначе последовало бы b2 — b4. Но теперь белые могли без труда получить равную игру путем 12. С: d4 cd 13. К b5. Они отказываются от этого размена, все еще не желая снять давление с пешки h6. Таким образом, замысел черных уже дает свои плоды.

12. 0—0 С с6 13. Л be1 Ф d7
14. b3 b6 15. Л b1.

Все еще выжидая, куда направится черный король.

15... Л d8 16. Л be1 Кр f8!

Итак, карты раскрыты, король продвигается к полю h7. Выясняется, что у белых нет ничего лучшего, как разменять через три хода своего черного польного слона, что можно

было сделать раньше и с большим успехом» [41, т. 2, с. 341].

Метод сохранения множества возможностей применяется и при подготовке к соревнованиям. Например, Фишер в матче на первенство мира (1972 г.) белыми играл 1. e4 и 1. c4, а черными — тоже разнообразные дебюты в ответ как на 1. d4, так и на 1. e4.

6. Блеф — сознательная попытка резко изменить ход борьбы в партии при помощи средств, носящих ярко выраженный авантюрный характер. Риск здесь очень велик. Если противник найдет правильное возражение, он выигрывает.

К таким отчаянным мерам обычно прибегают, когда, как говорится, все равно делать нечего, например, в безнадежной позиции или в связи с особенностями турнирной ситуации; когда, скажем в последнем туре необходим только выигрыш для выполнения нормы, попадания в следующий этап соревнования и т. д.

При блефе обычно тонко подмечается состояние противника: утомленность, взволнованность. Блеф часто применяется в цейтноте. Иногда применение этого метода расчи-

тано на индивидуальные особенности характера противника: неуверенность, робость перед авторитетами и т. п.

Блеф как прием, кроме случаев крайней необходимости представляется малооправданным.

Познакомимся с примерами из практики.

Положение черных безнадежно. Поэтому они решились на отчаянный ход.

41... Л : d6! 42. Ф : d7? Нерешительность. После 42. Ф : d6 Ф g4 43. Ф c5! Ф h4+ 44. Кр g1 К g4 45. Л : e4 К f2 46. Л e8+ Кр h7 47. Кр f1 Ф h1+ 48. Кр e2 Ф : g2 49. Ф c1 белые выигрывали.

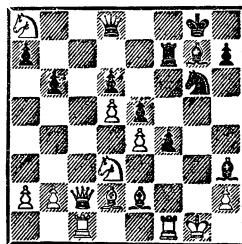
42...Л : d7 43. Л e3 С h6 44. Л : g3 С : f4 45. Л a3 С d2 46. Л e2. Согласились на ничью.

«Когда ничего другого не оставалось, я решил рискнуть. В покере это называется блефом», — сказал после партии Олафссон. Правда, ради справедливости надо отметить, что найти выигрывающее продолжение белым было нелегко.

Ларсен

1969

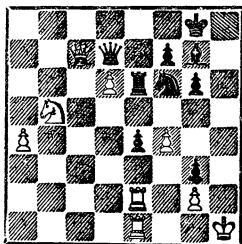
Таль

Пенроуз

Гастингс, 1954/55

Олафссон

На диаграмме положение из 5-й партии матча. Эта партия началась при счете 3:1 в пользу датчанина. Таль писал: «Если учесть, что до

формального окончания поединка оставалось четыре партии, станет понятно, что я должен был стремиться к победе любой ценой, независимо от цвета фигур... Очевидно, что черные могут форсировать вечный шах. Однако при создавшейся спортивной ситуации ничейный исход для черных мало чем отличается от поражения. Я продумал полтора часа и принял совершенно сознательное решение идти на спортивный риск» [33].

21... $\Phi g5+$ 22. $Kp f2$
 $\Phi g2+!$? (к вечному шаху вело 22... $\Phi h4+$) 23. $Kp e1$ $K h4$, и здесь Ларсен не нашел опровержения замысла черных, заключающегося в ходе 25. $K f2$. В дальнейшем он сделал еще несколько ошибок и проиграл.

«Сжигая мосты», Таль, очевидно, учитывал нелюбовь Ларсена к защите, а также то, что «уступка, которую он допустил в этой партии, пойдя на ничейный вариант в сложной позиции, как-то расхолодила его. Поэтому когда схватка вспыхнула с новой силой, ему не удалось мгновенно перестроиться на бескомпромиссную борьбу».

В данном случае риск оправдался. Однако, как уже было отмечено, этот прием имеет право на существование лишь при отчаянных обстоятельствах и в целом положительной рекомендации не заслуживает.

7. Метод правды. Это откровенная демонстрация собственных намерений. Во многих ситуациях раскрывать свои истинные планы невыгод-

но, и большой эффект приносят различные приемы маскировки. Однако в некоторых случаях откровенность действует гораздо сильнее, чем скрытность.

Это, например, относится к большинству определившихся позиций, в которых прямая стратегия яснее всего показывает противнику, что у него нет надежд запутать игру или рассчитывать на ошибку.

Укажем также на ситуации, в которых шахматисту очень важно сделать ничью (допустим, в последнем туре для выполнения разрядной нормы). Если противник уже с первых ходов неприкрыто демонстрирует свои агрессивные намерения, то у шахматиста, стремящегося к ничьей, часто появляются необоснованные страхи, он перевозбуждается и его сопротивляемость трудностям значительно понижается.

Весьма действенным средством нередко оказывается откровенная игра на упрощения с противником, которому по спортивным соображениям обязательно надо выиграть. Угрозой сделать ничью противник, стремящийся только к победе, провоцируется на необоснованное осложнение борьбы.

Приведем для примера фрагмент из партии Плятер — Рагозин (турнир памяти Чигорина, 1947 г.).

1. $e4$ $e5$ 2. $K f3$ $K c6$ 3. $K c3$
 $K f6$ 4. $C b5$ $K d4$ 5. $K :d4$ ed .

По положению в турнире Рагозин должен был стремиться к выигрышу этой партии. Поэтому выбор им дебютного

варианта нельзя признать удачным. Уклоняясь теперь от ничьей, черные сильно рискуют.

6. e5 dc 7. ef Ф : f6 8. dc c6?

Плохой ход, но он вызван желанием черных осложнить борьбу. Правильно 8... Ф e5+ с разменом ферзей.

9. С d3 d5 10. 0—0 С d6 11. Ф h5! h6 12. С e3 С e6 13. Л ae1 c5. Теперь, продолжая 14. С g5 Ф : g5 15. Л : e6+ С e7 16. Ф : g5 hg 17. Л e5, белые выигрывали пешку. Хорошо было и 14. С b5+.

Иногда допущение ничейных вариантов применяется для выяснения истинных целей противника. О партии с Решевским (матч-турнир на первенство мира 1948 г.) Ботвинник писал: «Чтобы выяснить намерение своего партнера, останавливаюсь на дебюте четырех коней. В этом дебюте черные на 5-м ходу могут избрать вариант Рубинштейна, в котором белые при желании незамедлительно форсируют

ничью... Если бы Решевский уклонился от этого варианта, он продемонстрировал бы свои явные (или тайные!) намерения играть на выигрыш» [41, т. 2, с. 221].

Так и произошло в партии. Решевский отказался от варианта Рубинштейна. После напряженной борьбы он потерпел поражение.

* *
*

Естественно, приемы воздействия на противника в шахматной борьбе не исчерпываются разобранными выше. Мы рассмотрели лишь наиболее типичные из них.

Следует подчеркнуть, что успешное использование этих приемов — задача далеко не простая. Их успешное применение предполагает высокий уровень общей и шахматной культуры шахматиста и осведомленность его в вопросах психологии шахматной борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехин А. А. Международный шахматный турнир в Нью-Йорке, 1927. М.—Л., 1930.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., Изд-во ЛГУ, 1969.
3. Блюменфельд Б. М. Проблема времени обдумывания в практической партии.— «Шахматы в СССР», 1937, № 9.
4. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., Изд-во ЛГУ, 1965.
5. Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., Изд-во ЛГУ, 1970.
6. Ботвинник М. М. 11-е первенство СССР.— М., «Физкультура и спорт», 1939.
7. Ботвинник М. М. Матч-турнир, 1941.— М., «Физкультура и спорт», 1947.
8. Бронштейн Д. И. 200 открытых партий.— М., «Физкультура и спорт», 1970.
9. Васильев Вик. Седьмая вуаль. М., «Молодая гвардия», 1963.
10. Витязев Ф. Н. Психологические типы шахматистов.— «Шахматы», 1928, № 2.
11. Зак В. Г. Ласкер.— М., «Физкультура и спорт», 1963.
12. Капабланка Х. Р. Моя шахматная карьера. М., Физкультиздат, 1926.
13. Капабланка о психологии.— «37-й чемпионат СССР», Изд. ЦШК СССР, 1969, № 6. (Бюллетень).
14. Карпов А. Гонки с преследованиями.— Ежедельник «64», 1976, № 46.
15. Кобленц А. Дорогами шахматных сражений. Рига, Латгосиздат, 1963.
16. Кобленц А. Матч в Белграде.— «Шахматы в СССР», 1968, № 11.
17. Котов А. А. Многоликий Фишер.— «Шахматы в СССР», 1973, № 3.
18. Крогнус Н. В. О психологии шахматного творчества.— М., «Физкультура и спорт», 1969.
19. Ларсен Б. 50 избранных партий.— М., «Физкультура и спорт», 1972.
20. Ласкер Эм. Матч Алехин—Эйве.— В кн.: Шахматный ежегодник. М., «Физкультура и туризм», 1937.
21. Левидов М. Стейниц—Ласкер. М., Госиздат, 1937.
22. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1975.
23. Малкин В. Б. Электронный гроссмейстер? — «Шахматы в СССР», 1966, № 1.
24. Матч Зайцев—Полугаевский.— «36-й чемпионат СССР», Изд. ЦШК СССР, 1969, № 10. (Бюллетень).
25. «На первенство мира». М., 1954, № 8 (Бюллетень).
26. Нимцович А. Г. Как я стал гроссмейстером. М., Изд-во ВЕФК, 1929.

27. Нимцович А. И. Техника турнирной игры.—Еженедельник «64», 1969, № 8.
28. Панов В. Н. Атака в шахматной партии.—М., «Физкультура и спорт», 1953.
29. Панов В. Н. 300 избранных партий Алехина.—М., «Физкультура и спорт», 1954.
30. Рети Р. Современный учебник шахматной игры.—М., «Физкультура и туризм», 1933.
31. Симагин В. П. Лучшие партии.—М., «Физкультура и спорт», 1963.
32. Тайманов М. Зарубежные встречи. Л., Лениздат, 1958.
33. Таль М. Знание? Интуиция? Риск? —Еженедельник «64», 1969, № 36.
34. Тартаковер С. К психологии шахмат.—«Шахматы», 1925, № 7.
35. Тартаковер С. Освобожденные шахматы. Л., «Мысль», 1927.
36. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., Изд-во АПН РСФСР, 1961.
37. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М., Изд-во Моск. ун-та, 1969.
38. Толстой Л. Н. Мысли мудрых людей на каждый день. М., 1911.
39. Фишер Р. Мои 60 памятных партий.—М., «Физкультура и спорт», 1972.
40. Флор С. М. Комментарии к партиям.—«Шахматы в СССР», 1938, № 8.
41. Шахматное творчество Ботвинника. Т 1—3 М., «Физкультура и спорт», 1965—1968.
42. Шпильман Р. О шахматах и шахматистах. М., Изд-во ВСФК, 1930.
43. Цвейг Ст. Собр. соч. Т. 1. М., 1963.

Содержание

От автора	3
Главное — борьба!	5
Как они готовились	9
Анализ партий	22
Анализ игровых ситуаций	45
Хронометраж	69
Восприятие соперника	78
Глазами противника	89
Самоанализ	99
Взаимодействие соперников	116
Литература	132

Николай Владимирович Крогиус
Психологическая подготовка шахматиста

Заведующий редакцией *С. И. Зеленский*
Редактор *Г. Е. Горелик*
Художник *Ю. Артюхов*
Технический редактор *Г. Д. Колоскова*
Корректоры *Н. И. Коновалова, С. Ф. Будаева*
БЗ № 31—8—79

ИБ № 822

Сдано в набор 09.07.79. Подписано к печати 16.11.79
Л-81436 Формат 60×90^{1/16} Бумага тип. № 3
Гарнитура литературная. Высокая печать Усл. печ.
л. 8,5 Уч.-изд. л. 8,32 Тираж 40 000 экз. Зак 121
Цена 50 коп. Изд. № 614

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 6/7.
Тниография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

Цена 50 коп.

ДВ

